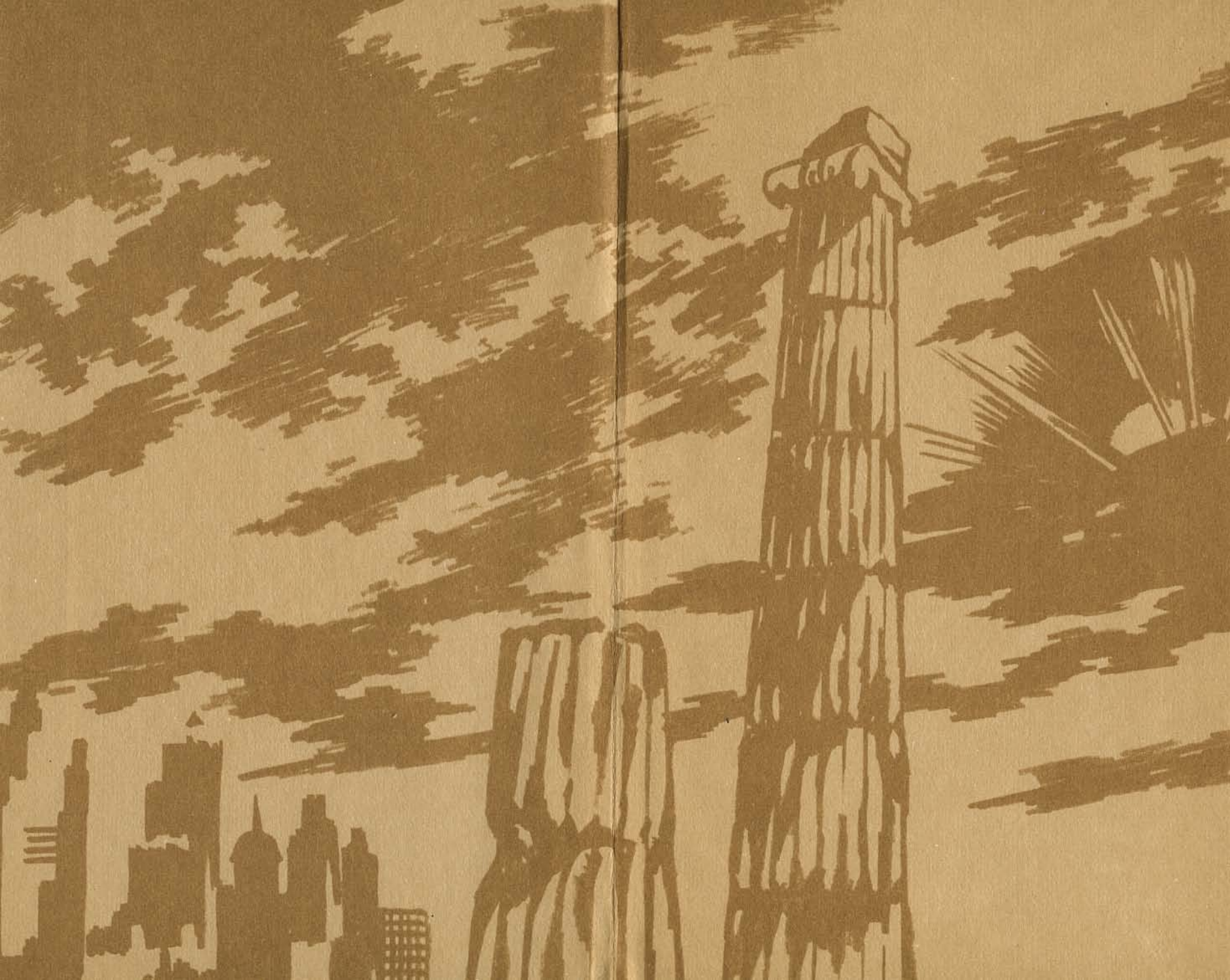

ЛЕВ ЛУКЬЯНОВ
ВПЕРЕД
К ОБЕЗЬЯНЕ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА — 1980

ЛЕВ ЛУКЬЯНОВ

ВПЕРЕД К ОБЕЗЬЯНЕ!

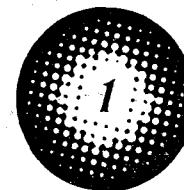
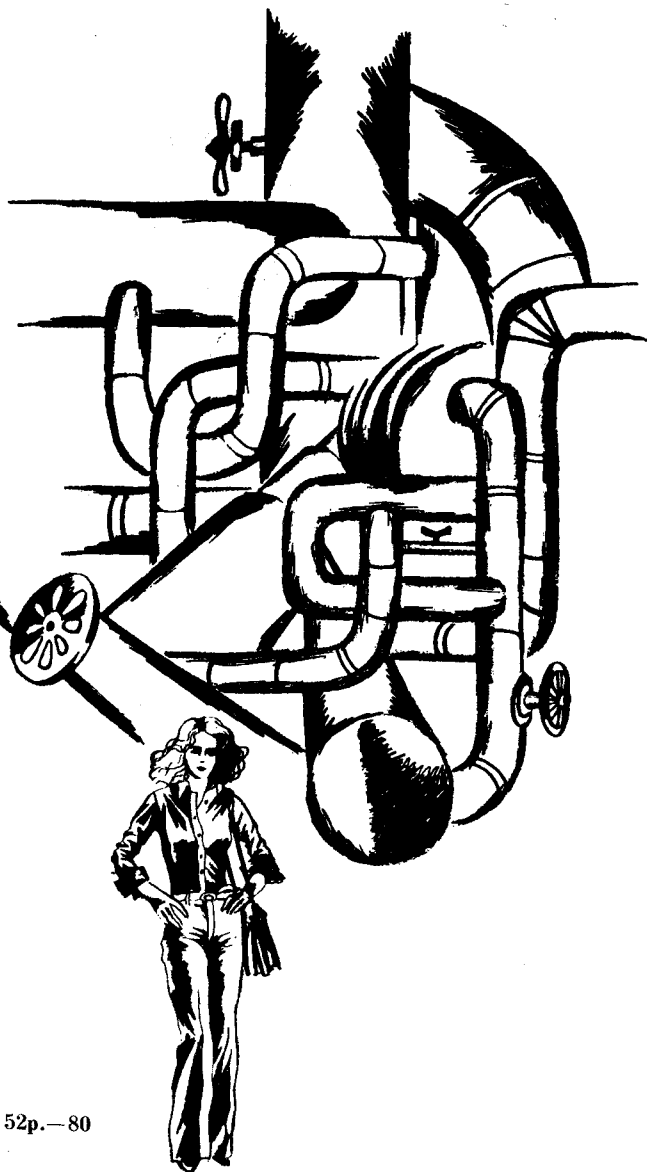
ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Рисунки В. Терещенко

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

КОЛОМБИНА

Лето 2... года обещало быть чересчур жарким. Солнце беспощадно палило землю. Сухие горячие ветры неслись над континентом. Термометр лез вверх как сумасшедший. Горели дома, пылали фермы, полыхали страсти. Великая национальная традиция подогревала страну.

Давно уже были забыты времена, когда о приходе нового дня человечество узнавало от петухов. На чердаках и на свалках ржавели останки будильников. Граждане теперь подымались с первыми выстрелами. Сначала за окнами пощелкивало редко и одиночно. Потом начинали трещать автоматные очереди. В ответ какой-нибудь умник палил ракетным снарядом. Ушел глухой взрыв, вздрагивали стены зданий, лопались стекла — очередной день приходил бесповоротно.

Регулярно посещал он и каменную коробку отеля «Коломбина». Когда-то это многоэтажное здание, похожее на гигантскую пачку сигарет с фильтром, занимала солидная международная организация, изучавшая проблемы национального суверенитета. В небоскребе было очень много труб и еще больше кранов. Целое подразделение водопроводчиков бдительно следило, чтобы их хозяйство исправно служило разным народам. Мастера, возглавлявшего дело, звали Уотом. Он был честен и не допускал никакой дискриминации — большие и малые нации, на каком бы этаже ни размещались, получали воду бесперебойно. Своих подчиненных мастер Уот воспитал в духе доброжелательства и взаимопонимания, и даже представители Черной Африки не могли сказать, что в этом доме испытывали какое-либо ущемление в равных правах на холодную и горячую воду.

Л 70803—292
М101(03)80 52р.—80

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

Мастера Уота ценили, и когда международная организация, убедившись, что ее небоскреб расположен не в самом спокойном месте земного шара, решила переменить местожительство, ему была предложена работа по новому адресу. Но Уот на старости лет не захотел покидать родину.

Теперь в здании разместился отель «Коломбина». Новые хозяева не могли не заметить превосходного состояния водопровода, и мастер остался на своем посту. Старик высоко ценил свою безопасную службу. «В наше время человек с головой не станет напрасно соваться на улицу,— повторял старый Уот при каждом удобном случае.— Вот моя старуха ушла два года назад за банкой фасоли и до сих пор не вернулась. Говорил я ей, упрямой,— сиди дома, пользуйся. Так разве женщина может понимать свое счастье?»

С ним никто не спорил: служащие отеля единодушно считали большой удачей, что в «Коломбине», не покидая ее надежных стен, можно было прожить всю жизнь. На втором этаже отеля имелся вполне приличный магазин, в котором торговали всем самым необходимым. В подвале круглосуточно светился огнями кафетерий. А крошечные комнатки-каютки в отсеке для служащих давали возможность на несколько часов отгородиться дверью от суеты и шума этого огромного постоянного двора.

Шума в отеле хватало — здесь часто проводились всякие празднества и торжества. В «Коломбине» встречались самые видные люди страны и самые именитые иностранные гости. Проверая всякие санитарно-технические приспособления, мастер Уот лицом к лицу сталкивался с послами, звездами экрана, полководцами, факирами, государственными деятелями и прочими знаменитостями. В водопроводе и прочих санитарных сооружениях, как известно, нуждаются все. Даже сотрудники секретной службы, несмотря на абсолютно конфиденциальный характер их деятельности, время от времени были вынуждены прибегать к услугам мастера Уота. Он беспрепятственно заходил в комнаты, которые простым смертным посещать не полагалось, и был на короткой ноге с самим Главным детективом отеля. Агент при встречах улыбался и каждый раз задавал один и тот же вопрос:

— Тебя еще не ухлопали, старина?

— Живой, еще живой! — ухмылялся в ответ мастер и искренне кланялся.

Однажды Главный детектив оказал ему существенную протекцию. В тот раз отель обновлял свой женский батальон. Ни один из праздников не обходился без этой прелестной команды. Девицы вручали цветы, дирижировали оркестрами, стояли в почетных караулах или просто развлекали важных постояльцев. Хорошая внешность, безупречное здоровье, отличные манеры, благоразумное поведение девушек из «Коломбины» пользовались широкой известностью. А в холле первого этажа на мраморной доске золотом были даже начертаны имена сотрудниц, которым удалось выйти замуж за кого-либо из знаменитых гостей «Коломбины». Легко представить, какой осаде подвергался отель, когда проходил очередной приемный конкурс...

Трещали двери, гибла мебель, сыпалась штукатурка. Полиция с трудом наводила порядок, разгоняя визжавших, толкавшихся девиц по секторам. Через несколько часов абитуриенток кое-как удавалось рассортировать по масти — в одном секторе собирали шатенок, в другом рыжеволосых, потом брюнеток, блондинок. Но это была лишь черновая работа. Недели две девушек изучали медики, психологи, художники, хореографы и прочие знатоки. Отбор в отель «Коломбина» был, разумеется, гораздо более жестким, чем, скажем, при комплектовании экипажей космических кораблей. Но все тесты и испытания, которые предлагались девицам на пути в гостиничный рай, бледнели перед последним днем конкурса.

Совет директоров «Коломбины», признавая колоссальные достижения науки и техники, все же решающее слово оставлял за интуицией мадам Софи. Уже лет десять она успешно руководила заведением, наводя трепет на всю свою женскую команду. Толстая, бесформенная, всегда в одном и том же обвисшем допотопном костюме, с заметными усами над расплывшимся ртом, с темными глазами навыкате, Жаба, как втихомолку называли ее девицы, говорила внушительным трубным голосом и, горячась, энергично рубила воздух рукой. А при случае могла отпустить и приличную затрещину.

Когда конкурс добирался до своего последнего дня, процеженное стадо претенденток превращалось в сотню

взволнованных красоток, мадам Софи устраивала свой собственный экзамен. Он проходил в кабинете, надежно укрытом в недрах отеля. Мадам не переносила чужих глаз и посторонних советов. Единственно, к кому она иной раз прислушивалась, был Главный детектив. Он заранее тщательно проверял благонадежность избранных.

Такого экзамена дождалась и восемнадцатилетняя Джета — дочь мастера Уота. Старик две недели волновался так, что стало покалывать сердце. Ему очень хотелось, чтобы дочь тоже служила в отеле. Много спокойней, когда девочка будет рядом...

Стройная темноволосая Джета сравнительно недавно вернулась к отцу — до семнадцати лет она жила у тетки в тихой провинциальной глуши. Вернулась она совсем взрослой и совершенно независимой. Собственно, все дети были такими: школы и колледжи посещать было опасно, ребят учило в основном стереовидение. Ну, а чему можно было научиться у экрана, все это хорошо знали.

Свое образование Джета существенно пополнила в недрах отеля. Помогая горничным, она повидала множество видных клиентов. И для развлечения служивой публики охотно копировала манеры и ужимки важных дам, увешанных бесценными лунными камнями. Все говорили, что это ей здорово удавалось. Когда Джете исполнилось восемнадцать, она решила послужить у мадам Софи. Все-таки всегда на людях, всегда в хороших нарядах, и жалование довольно сносное. А за выдающиеся успехи и примерное поведение мадам Софи к тому же платила премиальные.

Предстоящего конкурса Джета не боялась. «Что суждено, то сбудется, — довольно здраво рассуждала она. — Провалюсь — значит, так тому и быть...»

В узком, слабо освещенном коридоре густо пахло духами. Принаряженные девицы, шурша шлейфами, то сбивались группками, то рассыпались поодиночке, прижимаясь к стенам, испуганно вглядываясь в закрытую дверь, за которой выносились приговоры.

По коридору ползли ужасные новости: Жаба была в плохом настроении. Она задавала невероятно сложные вопросы, и девицы одна за другой выбирались из кабинета в слезах. Редко, очень редко из-за двери появлялась счастливица, которую сразу можно было узнать по глу-

поватой бессмысленной улыбке, нерешительно возникавшей на ее личике, все еще хранившем следы испуга и настороженности. Такая обычно начинала выпаливать сразу:

— Ой, девочки! Мне так повезло, так повезло! Мадам спрашивает, что бы я сделала, окажись на месте Евы. А я говорю...

Джете не интересовал ответ удачливой соперницы. Она понимала, что экзаменатор не повторит вопроса, который уже вовсю обсуждается в коридоре. Не расспрашивала она и провалившихся девчонок. Она молча стояла, ждала и даже, как ей казалось, совсем не волновалась.

Когда девушка наконец услышала басовитый голос, приглашавший зайти, она чуть помедлила на пороге, будто усомнилась: а нужно ли ей такое будущее?

— А ну веселей, детка! — провозгласила мадам Софи, сидевшая за деловым письменным столом.

Позади нее примостился неприметный человечек с быстрыми ускользающими глазами.

Жаба тяжело поднялась, подошла, повертела Джету, потрогала своей мощной жирной лапой, осмотрела зубы.

— Мордашка у тебя приличная, — размышляя, заметила она. — Да скажи мне, что станешь делать, если какой-нибудь хам из гостей решит тебя обидеть?

Девушка была готова к этому вопросу. Рассказывали, как много лет назад одна из претенденток, выдержавшая все испытания, срезалась на пустяке: заявив, что сумеет постоять за себя, она была немедленно забракована.

— Смотря, кто решит, — уклончиво ответила Джета.

— Мудро, детка, — изрекла Жаба. — Всегда надо оглядеться, прежде чем бить в колокола.

— Понимаю, — покорно произнесла девушка. Она твердо помнила неглупый совет отца, знавшего мадам Софи тысячу лет: только поддакивать.

Начальствующая дама, раздумывая, пососала колпачок авторучки.

— И все равно, детка, не нравятся мне твои глаза, фальшивые глаза, такие глаза, я вам скажу, действуют мне на нервы. Или, быть может, я ошибаюсь?

Глаза у Джеты были чудесные. Большие, оленьи, кроткие. Удивительно кроткие...

И тут вмешался агент. Он негромко произнес две-три фразы, которые решили дело:

— Мадам, отец этой девочки служит у нас давно. Надежен. Никакой политики..

Жаба решительно подбила итог:

— Берем!

Джета начала службу. Жила она, как и все, на казарменном положении — отель без разрешения не покидала, спала в дортуаре. Часто мероприятия возникали настолько неожиданно, что батальон едва успевал привести себя в порядок. Но Жаба знала, за что ей платили деньги. И девчонки вылетали в парадные помещения свеженькими, будто только что с грядки.

Постепенно Джета начала передвигаться все ближе и ближе к первой шеренге. Подруги завистливо перешептывались, но перечить мадам никто не смел. Выяснилось, что дочь мастера Уота за словом в карман не лезла, понимала толк в шутке, умела вовремя и незаметно исчезнуть, если ей казалось, что она лишняя.

— У простого водопроводчика — и такая дочь! — вслух изумлялась Жаба. — Нет, должна вам сказать, на этом свете не соскучишься..

На приемах и парадах в отеле «Коломбина» Джета стала мелькать в самом центре, там, где цвели улыбки, произносились речи, раздавались автографы и чеки...

И в то же время мадам Софи подчас испытывала приглушенное необъяснимое недоверие к этой темноволосой смазливой девчонке с повадками пугливой лани и с какой-то странной, бунтарской искрой, мелькавшей в глазах.

Джета и в самом деле блуждала в собственных раздумьях и никак не могла проложить сквозь эти умственные джунгли четкого прямого пути. Ясно было одно: служба в отеле — дело временное, первый этап. Год, два, может быть, даже три. Ну, а дальше что? Выйти замуж? Но как раздобыть приличного мужа, если нет денег?

При желании Джета могла бы, конечно, без особого труда приобрести обычного недорогого мужа. Выглядела она не меньше чем на тысячу монет, и в предложениях недостатка не было. А дальше — дело техники. Чтобы заключить брачный союз, требовалось две-три минуты: автоматы находились повсюду — в подъездах, в вестибюлях, на станциях подземки, даже на обочинах шоссе. Будущим супругам следовало опустить в щель десять монет, затем вставить в другое отверстие свои нашейные

жетоны — такими металлическими номерными значками были снабжены все совершеннолетние граждане. Автомат удовлетворенно щелкал, мгновенно устанавливал подлинность жетонов, а через полминуты, связавшись с Главной картотекой страны и выяснив родословную и прочие данные новобрачных, выплевывал отпечатанную карточку, свидетельствовавшую, что граждане данных номеров вступили в законный брак. Если же компьютер по каким-либо причинам считал супружество нежелательным, он честно возвращал восемь монет, оставив в своем чреве два кругляка — за услуги. Когда кто-либо из вступающих в новый брак забывал расторгнуть прежний, умная машина напоминала, что надо добавить пятерку. А еще за одну монету — по желанию клиентов — железный ящик извергал немного торжественной музыки, вполне приличествующей случаю...

Автоматы безостановочно щелкали, семьи возникали и лопались, словно мыльные пузыри. Как и во все времена, к дому были более привязаны женщины. Кочевали в основном мужчины. Хорошо, если муж задерживался у семейного очага хотя бы на полгода. Однако такой супруг не устраивал Джету даже на год...

Вот при деньгах!.. При деньгах можно было иметь какой-нибудь собственный бизнес. А если у мужчины будет постоянная работа и уверенность в завтрашнем дне, зачем ему бежать к другой жене?

Цивилизация давно уже выработала немало достаточно простых и доступных способов быстро разбогатеть. Проще всего было кого-нибудь ограбить. Но этот путь, если речь шла о больших деньгах, требовал надежной подготовки, сообщников и вообще считался неженским занятием. Неплохих результатов можно было достигнуть мошенничеством. Так, во всяком случае, уверяли все учебно-познавательные программы стереовидения. Но опять-таки надо было обладать некоторым начальным капиталом...

После долгих раздумий Джета решила попытать счастья на скачках. Риск, правда, тоже был немалым. Женские скачки сравнительно недавно вошли в моду и вызвали в стране цепную реакцию денежных пари. Букмекеры плодились как кролики. По визору транслировались все состязания, и проигравшим участницам потом нигде не давали прохода. А уж если такой неудачнице дово-

дилось повстречать азартного гражданина, поставившего на ее номер крупную сумму и прогоревшего, то в сердцах он мог ее и ухлопать.

Джета, разумеется, все это знала, но, в конце концов, в каждом забеге одна из девиц оказывалась первой и вознаграждалась солидной пачкой денег. Получив розовую карточку, извещавшую о дне и часе состязаний, Джета начала серьезно готовиться. Она часами липла к экрану визора, изучая трассу скачек, пытаясь понять, в чем секрет успеха. Чем больше она смотрела, тем глубже убеждалась: чтобы прийти к финишу первой, не стоило спешить.

Стадион находился в двух кварталах от «Коломбины» — четверть часа пешком. Но Джета, понятно, воспользовалась подземкой: перед скачками можно было угодить на улице в какую-нибудь историю. В подземке тоже рискованно, но там хотя бы в каждом вагоне по полицейскому. Так и не поднимаясь наверх, подземными переходами она прошла в помещение, в котором собирались участники скачек. По дороге ей раза три пришлось предъявить постам свою розовую карточку-приглашение. Рослый страж порядка, пропуская девушку на поле, улыбнулся, показав редкие зубы, и предложил:

— Когда потащишь домой десять тысяч, возьми меня в провожатые.

— Ну да, — отшутилась девушка. — С тобой пойдешь, половины не будет.

— Половины? — засмеялся полицейский. — Я, милашка, все заберу до последнего никеля. Зато живой останешься...

Спортивный зал был набит битком. Из-за стеклянной стены, отделявшей площадку от зрителей, доносился глухой угрожающий рев: болельщики постепенно входили в раж. И толстое стекло казалось Джете ненадежной, непрочной преградой. Рассказывали, что раньше, лет десять — пятнадцать назад, любители спорта выражали свое негодование всего лишь топотом, криком. В крайних случаях разрешалось швырять на поле шляпы, зонты и пустые бутылки. Но с тех пор, как наиболее несдержанные болельщики взяли за правило ловить на мушку неугодивших им кумиров, спортивным боссам пришлось раскошиться — стекло все еще стоило несколько дешевле спортсменов.

Собравшись, стараясь не обращать внимания на суетливых соперниц, репортеров и развязных организаторов соревнований, Джета вдумчиво выбирала себе скакуна. Она медленно обошла рысаков, внимательно оценивая рост, мускулатуру, длину ног. Наконец вернулась к одному, сравнительно невысокому, но крепко сбитому, а главное — с явно строптивой, даже мрачной физиономией.

— Ты злой? — негромко спросила девушка.

— Не твое дело! — буркнул скакун.

— Выиграю — с меня тысяча, — пообещала Джета.

Негр недоверчиво прищурился и процедил:

— Смотри, птичка, не обмарайся.

— Я честно! — Спортсменка протянула ему хрусткую, сложенную тугим квадратиком бумажку: — Держи аванс.

— Не задуши ногами, — мягче предупредил парень. Банкноту он ловко спрятал куда-то в складки трусов. — Не жми сильно, а то не добежим до финиша.

— Ты уж потерпи, дружище.

Черный малый изумленно вытаращил глаза: эта белая девчонка совсем с ума спятила! Назвала его «дружище»! Кто бы слышал, за такие слова ей бы не поздоровилось!

По знаку судьи — пожилого плешивого толстяка в модном серебристом комбинезоне с пышным кружевным жабо, в котором тонул его тройной подбородок, — служители подкатили к выстроившимся в шеренгу скакунам алюминиевые лесенки. Наездницы — все в коротких белых юбочках и разноцветных, разрисованных под диковинный марсианский мох полосках ткани, изображавших блузки, — ловко взобрались на лесенки и, заложив руки за спину, замерли.

Джета стояла на шаткой ступеньке, не отрывая взгляда от широких плеч своего черного рысака. Самое главное — не мешкать на старте. Сначала надо присесть, вытянуть левую ногу... Она вдруг почувствовала, как сзади чьи-то руки быстро, одним движением сомкнули ее кисти резиновым кольцом наручников. Пути обратно не было.

Толстяк поднял свой пистолет, подмигнул стереокамере, и тут хлопнул негромкий выстрел. Зрители за стеклом взвыли. Визжа, девицы запрыгали на шею парней. Скакуны шатались, стараясь сохранить равновесие. Одной толстухе сразу не повезло. Ее рысак не выдержал, упал на колени. Наездница перелетела через его голову и нелепо

растянулась на траве, но сразу же вскочила и, дергая скованными руками, снова заторопилась к лесенке.

Джета прыгать не стала. Она присела и попыталась легко скользнуть на плечи своего негра.

— Толково!— одобрил он.— Наклоняйся вперед, красotka!

Скакун взял старт. Джета невольно сжала колени. Связанные руки сами собой рвались из наручников, но кольцо держало крепко. Парень бежал ровно. Дышал он тяжело и хрипло. Травы скоро кончилась, началась дорожка, усыпанная крупным шлаком. Под ногами бегунов она хрустела тревожно и коварно. Торопившийся впереди рыжий скакун вдруг споткнулся, и его всадница, откинувшись влево, как-то медленно, нехотя повалилась вниз. Она гнулась, пытаясь отвернуть перекошенное страхом лицо от неминуемого поцелуя острых камней. Обгоняя неудачливую соперницу, Джета услышала ее громкий отчаянный вопль.

Парень бежал размашисто и ровно. Он старался как мог. Девушка тоже уже приноровилась и даже стала осторожно подпрыгивать в такт с рысцой скакуна, но основное препятствие ждало впереди.

Они быстро приближались ко рву с дегтем. Уже целая куча девиц валялась в черной пахучей жиже. Зрители восторженно гоготали. Джета совсем некстати подумала: «А ведь, наверное, это и в самом деле смешно, когда ухоженная девчонка со всего маху шлепается в такую вонючую лужу».

Скорее всего, эта случайная мысль и помогла девушке. Она не успела испугаться, качнуться, и парень, не сбиваясь с ноги, перемахнул через ров.

— Держись, душка!— вдруг хрипнул он.— Скоро финиш!

Джета уже не подпрыгивала. Она только пригибалась и пригибалась к курчавой голове. Оставались последние метры...

Победительница сразу не поняла, почему так беснуются зрители. Толстое стекло вот-вот было готово разлететься от их криков. Джета стояла перед ухмыляющимся судьей и молча ждала. Телевизионный репортер, шустрый парень с камерой в руках, уже раз десять обежал вокруг

— Понимаете,— наконец объяснил судья,— на вашей

спине несчастливый тринадцатый номер. На него мало кто ставит. Но зато кто поставил на вас — выиграл огромную сумму! Это сенсация!

— А я?— не утерпела Джета.

— А вы, как положено — десять тысяч.

— Да развяжите мне руки!— потребовала победительница.

Судья сделал вид, что не слышит. Он взял у подскокившего помощника чек, помахал им перед камерой и протянул спортсменке.

— Держите! Поздравляю вас!

Девушка задергала за спиной связанными руками.

— Бог мой, вы же не можете взять!— ужаснулся толстяк и, как бы придумав выход, хлопнул себя по лбу:— Ничего, я вам сейчас помогу!

Он решительно ухватился за вырез блузки Джеты, оттащил его и, прежде чем сунуть туда чек, заглянул.

— Ого-го!— отшатнувшись, восторженно заявил судья.— Вот это да!

Зал остался доволен шуткой. Только после этого Джете развязали руки.

— Что скажете, госпожа Ого-го?— сразу же пристал репортер.

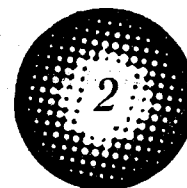
— А то, что в отеле «Коломбина» служат порядочные девушки!— громко заявила Джета и, размахнувшись, неожиданно влепила судье увесистую пощечину.— Это тебе на память от госпожи Ого-го!

На этот раз зрители буквально обезумели — выходка девушки из «Коломбины» привела их в восторг...

Мадам Софи, видевшая по визору всю эту сцену, недовольно вздохнула.

— С этой мышкой сплошные огорчения,— проговорила она и медленно размяла потухшую сигарету.

Было отчего задуматься. Девчонка уже не раз задавала загадки, на которые не сразу ответишь. Вот и теперь: с одной стороны, за участие в женских скачках ее стоило бы с треском выгнать. Но с другой, поступок «госпожи Ого-го»— реклама, лучше которой трудно придумать. У этих дурацких скачек совершенно дикая популярность. И владельцы отеля, несомненно, знают об этом. Поэтому заявление Джеты мадам Софи решила отнести к положительным плодам собственной педагогической системы...

Проснувшись, Ген Корт-Второй долго прислушивался к тому, что творилось в его собственной голове. Стучало в висках. Тяжесть в затылке постепенно росла, грозя вот-вот лопнуть и разлиться привычной болью. Язык, казалось, был ободран напильником — до того хотелось пить. Надо было принять успокоительную таблетку. Но рука свинцово распласталась под одеялом, и мужчина решил, что не хватит никаких сил, чтобы сдвинуть ее с места.

«Глупо устроен мир,— подумал Корт-Младший.— Когда приходит успех, здоровье уже течет из всех щелей...» И, словно подкрепляя эту справедливую мысль, боль в затылке наконец вырвалась на свободу. Мужчина заставил себя приподнять руку и привычно протянул ее к изголовью постели. Где-то рядом валялись таблетки. Рука вдруг коснулась чего-то теплого, мягкого, кажется шелкового.

Ген медленно, осторожно повернул голову и с удивлением обнаружил рядом довольно милую блондинку. Она уже не спала, но ее синие глаза еще до краев были налиты сном.

— Привет, Риф,— чуть улыбнулась блондинка.

— Я не Риф, а Ген,— на секунду забыв о головной боли, поправил хозяин дома.— Ты кто?

— Я твоя новая жена. Разве не помнишь, мы познакомились вчера на сорок третьем этаже у Тайла?

— Не у Тайла, а у Тоба,— снова подсказал Ген.— Я, кажется, вчера много пил? Все вылетело из головы.

— Бывает...— Новая жена господина Корта натянула одеяло так, что из-под него торчал лишь ее нос.— Вздремнем еще часок?

— Лежи, если хочешь. Мне пора.— Мужчина все-таки дотянулся до таблеток.

— Так рано? А говорили, что ты большой босс.

— Говорили...— хмуро повторил мужчина.— По-твоему, боссу можно валяться в постели до полудня?

— Не сердись, милый,— мягко проговорила женщина.— Я что-то опять сказала не так. Голова и у меня, конечно, не как у министра. Но зато я спокойная и покладистая...

Возможно, она и в самом деле была такой. Но все равно постоянная чехарда с женами Гену Карту-Второму порядком надоела. Теперь уже трудно было сказать, какой идиот узаконил этот дурацкий обычай. Помнится, телевидение и газеты долго трещали о демократизации полов, о крахе семейного эгоизма. В конце концов люди его круга начали обмениваться женами на неделю, на месяц. А уже через год-другой стало просто неприличным держать одну и ту же жену больше сезона. Разумеется, далеко не все могли угнаться за модой. Но глава фирмы «SOS», чье имя стояло среди имен самых выдающихся людей страны, должен был идти в ногу с веком.

Негромко прогудел фон. Корт нехотя повернулся к стене. На круглом экране, вмонтированном наподобие старинного зеркала в тяжелую золоченую раму, возникло расстроенное лицо Виса. У приятеля вообще была довольно унылая физиономия, а уж сейчас он вовсе выглядел так, будто собирался пустить слезу.

— Что с тобой, Вис?

— Представляешь, вчера мы были у Тоба,— грустно сообщил Вис.— И моя дура с кем-то укатила. Недели не прошло, как мы поженились, а она укатила. А у меня в одиннадцать — совет директоров...

— Ну и плюнь!— безразлично утешил друг.— Подумаешь, потеря. Найдешь другую.

— Не в этом дело,— промямлил со стены Вис.— Жену-то я найду, а вот как найти запонки? Я уже час не могу отыскать свои любимые запонки.

— Ты что, совсем спятил? Возьми другие.

— Но у меня примета: если буду на совете в других запонках, непременно жди неприятностей. Ген, нет ли у тебя каких-нибудь запонок с черными камнями? Обязательно с черными.

— Скажи этому ослу, пусть посмотрит на туалетном столике в своей ванной,— лениво посоветовала новая жена господина Корта.

— Слушай, так она же у тебя!— взволновался смотревший из рамы Вис.— Элия у тебя?

— Какая еще Элия?— не понял Ген.

— Элия — это я!— заявила блондинка и выбралась из-под одеяла. Она прошла по спальне и остановилась у золоченой рамы.— Слушай, Вис, я не люблю раскладывать пасьянсы при свечах. За эти пять дней мне опротивели гадалки, предсказатели, астрологи, которыми набит твой дом! Кроме того, я не перевариваю черных кошек!

— Но черные кошки позволяют увидеть будущее! Об этом все знают,— нерешительно возразил бывший муж.

— Мое ближайшее будущее — здесь!— Элия твердо закончила разговор и погасила экран.

За тяжелыми шторами снова оживленно зачирикала перестрелка.

— Пора,— окончательно решил босс.

От отеля «Коломбина», где помещались городские апартаменты господина Корта, до его служебной резиденции было не больше полчаса езды. Но приходилось трястись в танке, совершенно оглохнув от монотонного грохота гусениц, без устали шлепавших по асфальту. Однако не было смысла подставлять себя под шальную пулю какого-нибудь юнца, развлекавшегося стрельбой по прохожим. Глава фирмы «SOS» лучше других знал, во что обходилась беспечность...

Палили с крыш, из окон, из-за деревьев — отовсюду, откуда можно было высунуть автомат или винтовку с лазерным прицелом. Еще лет пять назад любимым занятием детворы была стрельба по мчавшимся автомобилям. Внезапная короткая очередь, и машина с ходу врезалась в стену, проламывала витрину, взрывалась, в секунды превращаясь в густо дымивший вонючий факел. Теперь на автомобилях никто не ездил. Ржавые железные коробки грудились вдоль тротуаров, слепо уставившись зияющими глазами фар. Юные снайперы заставили автомобильную промышленность переключиться на производство броневигов, танкеток и средних танков. В принципе это

было существенным прогрессом, поскольку самая дешевая танкетка стоила много дороже самого роскошного либузина.

Вообще стрельба была выдающимся достижением нации — превосходный спорт, неугасимый азарт, развлечение, не имевшее себе равных. А главное — нация заметно молодела: выживали сильные, ловкие, смелые. Точный глаз и твердая рука неустанно двигали цивилизацию вперед.

Давно уже скрылись в щелях, бесследно исчезли всякие бумажные писаки, любители малевать красками, рифмоплеты и другие странные людишки, которым не дано было ощутить тот возвышенный сладостный миг, когда живая, осторожно пробиравшаяся среди автомобильных трупов мишень вдруг попадала на перекрестие прицела, а палец любовно и нежно жал курок.

Сколько здорового смеха рвалось наружу, если обреченная, подгоняемая выстрелами жертва начинала нелепо метаться по безлюдной улице, стараясь укрыться за уступами, в нишах, в проемах ворот, пока наконец после какого-нибудь необыкновенно потешного прыжка не пригвождалась к камню метким свинцовым плевком.

А как вскипала кровь, когда на мушку попадали настоящие люди! Эти не прыгали как зайцы. Эти упрямо отстреливались. И нередко снайпер, начавший поединка, сам опускался на подоконник, бессильно выронив карабин.

Великая национальная традиция правила большими городами с шести утра до полуночи. По ночам в основном стреляли профессионалы — гангстеры, военные, политики, а также те, кто страдал бессонницей. Тишина наступала лишь трижды в день — по утрам на полтора часа, когда рабочие разбредались по заводам и стройкам, с окончанием работ — тоже на полтора часа, и с двенадцати до четырнадцати. Это было время похода домохозяек по магазинам. Радио несло над улицами колокольный звон, с последним ударом сигнала стрельба смолкала. И горе нарушителю традиции. Против него немедленно ополчался весь квартал. Начиналась горячая охота за еретиком.

С домохозяйками вообще рисковали связываться лишь самые бессмысленные головы. Как правило, женщины с сумками и легким стрелковым оружием бродили груп-

пами. Пока одна перебежала улицу, соседки ежесекундно были готовы прикрыть ее метким сварливым огнем.

Не стоило задевать и дорожных рабочих. Эти обычно трудились под охраной тяжелых пулеметов. Вообще заводы, фабрики, солидные учреждения надежно охранялись, и стрелки-одиночки не представляли для них никакой серьезной опасности.

Другое дело — «термиты». Сотнями, тысячами они неожиданно, молча вкатывали на роллерах в города. Они проникали в самое сердце кварталов, просачивались на чердаки и в подвалы. Для них не существовало стен, дверей, ворот, оград. В своих черных кожаных куртках, стальных шлемах, с паучьей свастикой на рукавах термитмены расползались повсюду. Два-три дня город оставался в их руках. Смолкали радиостанции, гасли окна, высыхали водопроводные краны. И в омертвевшем от страха городе «термиты» творили расправу — бесцельную, бездумную, неизбежную. Черные куртки покидали город так же неожиданно, как и появлялись, чтобы через два-три месяца объявиться совсем в другом конце страны. Зрители цепенели от ужаса, рассматривая на экранах своих визоров последствия мрачных нашествий.

Чаще всего термитмены появлялись там, где назревали всякие беспорядки. Ходили тихие темные слухи о Национальном синдикате, который якобы руководил походами кожаных курток. Но всякий, кто слишком много болтал, исчезал внезапно и бесследно...

Когда бронированные створки ворот, пропустив тяжелую машину, сомкнулись, президент компании «SOS» облегченно отшвырнул крышку люка. Выбравшись наружу, Ген Корт-Младший торопливо пробежал к подъезду. Такая предосторожность тоже была не лишней: всего лишь неделю назад пролетавший над городом истребитель неожиданно полоснул ракетной очередью по окнам небоскреба. По всей вероятности, это была затея конкурентов.

Фундамент, который полвека назад заложил Ген Корт-Первый, опирался на незыблемую идею: «Хочешь жить спокойно — защищайся». Идея была понятна всем, а цены вполне доступны. И компания «SOS» ходко пошла в гору. Начав с изготовления обычных дверных замков, цепочек, засовов, крюков и прочих нехитрых приспособле-

ний, в то время достаточно надежно охранявших покой и благополучие нации, Ген Корт-Старший, поспевая за временем, успешно освоил сложное электронное оборудование, оборонявшее дом от нескромных взглядов, длинных ушей и непрошенных визитеров. Основатель фирмы со спокойной душой ушел в могилу, когда был налажен массовый выпуск недорогой домашней шифровальной машины.

Молодому Карту пришлось труднее. Во вторую половину века изобретательность налетчиков, конкурентов и сослуживцев росла, чуть ли не обгоняя геометрическую прогрессию.

Новому хозяину фирмы пришлось выбросить из отцовского девиза старомодное слово «спокойно». Призыв зазвучал необыкновенно точно и энергично: «Хочешь жить — защищайся!» Фирма «SOS» перешла к возведению бетонных блиндажей, минированию дворовых участков, сооружению подземных убежищ. Цены, естественно, пошли вверх, но от клиентов не было отбоя.

Прочная деловая репутация в содружестве с принципами демократического равенства превратила компанию «SOS» в солидный концерн, обеспечивавший личную безопасность состоятельных граждан, независимо от возраста, национальности, вероисповедания, рода занятий и прочих особых примет. Каждый, кто мог внести вступительный взнос в сто тысяч монет, мог рассчитывать на покровительство господина Корта-Второго...

Быстро под прикрытием телохранителей миновав холл, президент фирмы нырнул в кабину лифта. Дверцы плавно закрылись. Босс с удовольствием снял пуленепробиваемый жилет и обтер платком взмокший лоб. Можно было считать, что рабочий день начался благополучно...

Кабинет располагался в лифте, который передвигался не только вверх-вниз, но и влево-вправо. Нажав соответствующую кнопку, президент через несколько секунд мог очутиться в любом отделе фирмы. Никто из сотрудников, разумеется, не знал, когда шеф появится перед его собственным носом. Поэтому все трудились, не теряя лишней минуты...

Искусственное солнце слабо пригревало сквозь жалюзи фальшивого окна. В кабинете легко дышалось свежим консервированным воздухом. Чуть пахло хвоей. Приятно

было опуститься в удобное кресло, сознавая, что находишься в полной безопасности. Это были любимые минуты босса. Он решил было переговорить с помощником, находившимся на девятнадцатом этаже, как вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. К сердцу быстро скользнул страх. Ген мгновенно понял, что, кроме него, в кабинете находится кто-то еще...

— Как вы сюда проникли? — стараясь казаться спокойным, произнес глава фирмы и только тогда медленно поднял глаза.

В кресле напротив сидел рослый мужчина с загорелым резким лицом. Солнечные лучи, разлинованные полосками жалюзи, расчерчивали костюм незнакомца тигровыми полосами.

— Господин Корт, мне известно, что в любой момент пол лифта может провалиться и я полечу в шахту, — весь подобравшись, проговорил таинственный посетитель. Он и впрямь напоминал сильного хищника, настороженно следившего за каждым движением хозяина кабинета. — Прошу вас этого не делать, прежде чем вы меня не выслушаете.

О секретном устройстве лифта зная лишь очень узкий круг доверенных лиц. Босс нахмурился.

— Вы останетесь на месте, пока я не узнаю, как вы сюда проникли.

— Среди ваших людей нет предателей, — будто читая мысли на расстоянии, сказал неожиданный гость. Он свободнее откинулся в кресле. — Я проник сюда благодаря могуществу организации, у которой к вам чрезвычайно важное поручение.

Президент фирмы молча ждал. Он уже понял, что этот неожиданный визит связан с какими-то необыкновенными обстоятельствами.

Сдвинув пышный бархатный узел-галстук, незнакомец расстегнул сорочку и вытащил цепочку с опознавательным жетоном. Он перевернул металлическую пластинку и показал хозяину ее обратную сторону. Корт невольно вздрогнул — подделка либо исправления на жетоне карались газовой камерой без суда и следствия, а на знаке гостя, там, где должен был быть выбит герб страны, чернели зловещие лапки свастики.

— Мне поручено вести с вами переговоры, — объяс-

нил владелец необычного жетона.— Национальный синдикат намерен обратиться к вашей фирме с солидным заказом.

— Польщен,— ответил президент.— Не думал, что ваш могущественный синдикат нуждается в услугах моей фирмы. От кого же вас нужно защищать?

— От самих себя. То, что я вам сейчас сообщу, должно остаться абсолютной тайной.

Ген Корт-Второй поднялся и подошел к табло, вмонтированному в одну из стен кабинета.

— На всякий случай покатаемся,— предложил он гостю.

На светящейся схеме здания, укрепленной у створок дверей, поспешно замигали красные точки, повторяя движения лифта, бессистемно забегавшего по этажам.

— Остроумно,— заметил посол Национального синдиката.— Вас нелегко подслушать.

— Исключено,— отозвался хозяин.— Кабинет, кроме того, окружен магнитным полем.— Он вернулся к столу.— Итак?— Корт вопросительно посмотрел на посла.

— Национальный синдикат сообщает вам о предстоящей встрече своих четырех вождей и просит обеспечить их полную безопасность.

— С ума сойти!— не выдержав, повысил голос хозяин кабинета.— Да ведь их нельзя подпускать друг к другу ближе, чем на километр! Насколько я знаю, президенты вашего синдиката никогда не встречались лично! Вы понимаете, что произойдет, если хоть с одним из них что-либо случится?

— Если «термиты» начнут междоусобицу, они втянут в свалку всю страну,— понимающе кивнул гость.— Но что делать? Ни у вас, ни у меня нет выхода. Если я откажусь вести с вами переговоры — буду уничтожен. Если фирма «SOS» откажется взяться за дело — вы обанкротитесь.

— Это еще почему?— недовольно возразил Корт.— Пока еще у нас свобода предпринимательства. Я могу принять заказ или...

— Поздно. Свобода свободой, но вы уже знаете слишком много о планах нашего заведения. Если Национальный синдикат прижмет вашу фирму — это конец.

Разговор оборвался. Корт крепко потер затылок —

нет-нет да он напоминал о вчерашней вечеринке. Тишина нарушалась лишь едва слышным пощелкиванием лифта. Ген протянул руку к стенному шкафу, и дверца, будто поняв желание хозяина, торопливо открылась, демонстрируя стройную шеренгу бутылок.

— Благодарю вас,— сказал гость.— Только молоко или фруктовый сок...

Корт молча достал банку клубничного сока.

— Синтетический?

— Натуральный.

— Редкая штука в наше время.— Господин в тигровом костюме с удовольствием взял бокал.

Корт заходил по кабинету. Размышлял он долго. Посол Национального синдиката с откровенным любопытством изучал президента фирмы.

Высокий, подтянутый, без малейшего намека на полноту, Ген Корт в свои пятьдесят производил весьма внушительное впечатление. На строгом, даже сумрачном лице выделялись холодные светлые глаза. Узкая щель рта была словно прорублена. Тот же суровый почерк мастера, создававшего этот портрет, угадывался и в решительном, резко очерченном подбородке...

Вдруг босс остановился и повернулся к загорелому джентльмену.

— Фирма «SOS» обеспечит безопасность совещания при условии выполнения всех наших рекомендаций,— четко сказал он.— Сейчас мы договоримся о следующей встрече, но прежде прошу сказать, как вам удалось пробраться в мой кабинет?

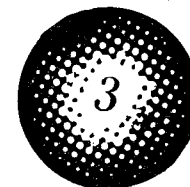
— Вас, кажется, задело?— Гангстер, улыбнувшись, приподнялся.— Уверяю вас, путь был нелегким. На крышу здания я был высажен ночью с вертолета. А в кабинет проник через верхний люк.

Ген Корт-Второй посмотрел на потолок. Над письменным столом едва виднелись швы аварийного люка.

— К чему такие сложности? Почему нельзя было просто явиться на прием? Я бы, разумеется, не отказал...

Гангстер встал окончательно.

— Господин Корт, мы очень дорожим вашей репутацией. Фирма «SOS» должна быть вне подозрений. У вас не было и нет никаких контактов с Национальным синдикатом. Подозреваю, нам предстоит долгая дружба...

Хорошая мысль, как это ни странно, посетила главу фирмы не без помощи новой супруги. Как-то вечером Элия заметила, что ее новый муж озабочен.

— Неприятности?— мягко поинтересовалась она.

— Пустяки!— отмахнулся Ген. Он вовсе не собирался делиться с первой попавшейся женой.— Занимайся лучше домом.

— Я так и делаю,— сообщила жена.— Половину слуг я уже выгнала. Они у тебя порядком распустились.

— Возможно,— машинально ответил босс. Он все время ломал голову над предложением Национального синдиката. Как сделать, чтобы эти вожди не вцепились в глотку друг другу? Достаточно будет одного резкого слова, жеста, чтобы гангстеры затеяли свалку...

— Ты меня совсем не слушаешь,— обиженно произнесла женщина.

— Да?— откликнулся муж.

— Я пригласила на службу кое-кого из своих людей. Так твои готовы съест их живьем. Хоть рассаживай всех по клеткам...

— Что ты сказала?— восторженно воскликнул хозяин дома.

— Я говорю — по клеткам, чтобы не бросились друг на друга.

— Умница,— вдруг обрадовался глава фирмы «SOS».— Именно так и надо сделать!..

На пустынный островок президенты Национального синдиката были доставлены порознь. Катера встречал сам Корт. Никому из телохранителей, секретарей, консультантов не было разрешено ступить на берег.

Прибытие вождей на островок напоминало прием иностранных послов. Корт-Младший строго соблюдал церемониал. Он терпеливо ждал, пока с очередного катера сбрасывали сходни. Потом пожимал руку прибывшему деятелю, произносил несколько любезных слов о благополучном путешествии и о надеждах, которые вселяет этот визит на остров. При этом Корт не забывал упомянуть и о полной безопасности, на которую мог рассчитывать гость. Затем босс вел участника совещания к стандартному домику, установленному посреди островка. У домика гость обнаруживал, что церемониал встречи включает несколько необычные операции. Корт просил на секунду задержаться перед прибором, отдаленно напоминающим старинные медицинские весы с высокой стойкой, и после этого ловко извлекал из карманов спутника пистолет, нож и даже металлический портсигар...

— Береги нас, господи, от соблазна,— вежливо улыбался при этом хозяин, подталкивая гостя к домику. Каждого вождя ждала отдельная дверь. Вместе с последним — президентом восточной ветви Национального синдиката — организатор встречи вошел в домик сам.

Центр довольно просторного холла, устланного зеленым ковром, занимал большой круглый стол. Он был разрезан на четыре равных сектора. Все помещение также было поделено на четыре одинаковых участка прозрачной нейлоновой сетью — от пола до потолка. Сеть сходилась к металлической штанге, протыкавшей стол посередине. Таким образом, каждый президент Национального синдиката очутился в собственном загоне. На четырех столиках — по одному на каждом участке — стояли бутылки, фужеры, вазы с орешками и фруктами. Даже легкие пластмассовые пепельницы были совершенно одинаковы — фирма «SOS» как бы подчеркивала этим равноправием свою беспристрастность.

— Остроумно, черт меня побери! — заметил Северный вождь, потрогав шуплой рукой прочную сеть.

— К сожалению, да, — отозвался президент Западной ветви. — Я тебе с удовольствием набил бы физиономию, но, пожалуй, тут этого сделать не удастся.

— Бесполезно, господа! — поспешил вмешаться Корт. Начало беседы ему крайне не понравилось. — Прошу убедиться.

С размаху он бросился на сеть, и бесцветная перегородка мягко, но сильно отшвырнула его массивное тело.

— Ну и теннис! — изумился молодой господин Запад.

— Господа, я призываю вас к деловому разговору, — произнес Корт, поднявшись с ковра. — Не стоило забираться в такую глушь, чтобы тратить время на перебранку. Кроме того, хочу сообщить: два истребителя прикрывают нас сверху, под водой остров оцеплен аквалангистами, а в километре отсюда — наготове артиллерийский дивизион...

— К чему вы это все нам рассказываете? — перебил толстяк в коротких модных штанишках с ляжками. Это был Южный вождь.

— Господа, если кто-либо решил нарушить эту встречу, прошу воздержаться, — осторожно объяснил босс. — Фирма «SOS» сумеет постоять за свою репутацию.

Вожди обдумали это сообщение.

— Справедливо, — наконец вымолвил южанин. Он первым подошел к столу, уселся и взял из вазы горсть орехов. — Давайте говорить. Оставим на время счеты.

Поколебавшись, господин Запад, молодой человек в золотых очках, похожий на скромного клерка, вытащил из петлицы ромашку-микрофон и кому-то приказал:

— Свадьба отменяется. Ясно?

Все сделали вид, что ничего особенного не произошло.

— Завтрак, господа, будет доставлен в полдень, — закончил Корт и повернулся было, чтобы покинуть зал заседания.

Вдруг Восточный вождь предложил:

— А что, если мы попросим нашего гостеприимного хозяина остаться? Тогда ему не нужно будет тайно записывать нашу беседу на пленку.

— Господа, почему такое недоверие?.. — начал растерявшийся босс.

— Участвуя в нашем совещании, вы, пожалуй, сами будете заинтересованы в сохранении тайны. В конце концов, как любят говорить прокуроры, вы уже наш соучастник.

Такого поворота событий глава фирмы «SOS» не ожидал. Он замер у двери, ожидая вынесения приговора.

— Восток внес разумное предложение, — поддержал главный гангстер с Севера. — Садитесь, господин Корт.

Лучше быть нашим компаньоном, чем противником...

Делец раздумывал недолго.

— Желание клиентов — для меня закон.

Сесть было некуда, и глава фирмы опустился на пол.

— Не пойдет! — запротестовал толстяк, занимавший-ся орехами. — Там вас не видно. Если это не мешает моему другу, лезьте прямо на стол!

— Прошу вас, господин Корт, — сразу же согласился главарь Восточной ветви. Он даже привстал и сдвинул свое кресло, делая вид, будто помогает боссу взгромоздиться на стол.

Так, сидя на столе и опираясь спиной на сеть, глава фирмы «SOS» принял участие в совещании.

За окнами домика спокойно плескалось озеро. С синего неба изредка доносился гул самолета. Временами ветерок начинал возню в камышах, но пугливо, осторожно, чтобы не помешать беседе столь значительных деятелей. Разговор в основном вел Восточный президент. С головой, украшенной степенной сединой, с аккуратно подстриженными усиками, с манерами, делавшими честь любому дипломату, он смахивал на владельца фешенебельного ресторана или салона мод...

— Коллеги, я предложил собраться, так как наш синдикат испытывает серьезные затруднения. Несколько лет назад, когда мы взяли в свои руки водоснабжение и канализацию, наше положение несколько упрочилось. Это естественно — мы коснулись пульса страны. Попробуйте молчаливое большинство лишит элементарных удобств — оно немедленно заговорит...

— Уж не хочешь ли ты предложить запереть туалеты? — не удержался Северный вождь.

Человек с Запада откровенно хмыкнул, а Корт настоятельно ему показалось, что высокое заседание вот-вот даст трещину. Но выступавший остался невозмутим.

— Господа, мы вкладываем средства в официальный бизнес, в промышленность, торговлю, транспорт. Мы трудимся на экспорт, укрепляя наши международные филиалы и тем самым оказывая помощь прогрессу. Но вместе с тем прямо на глазах умирают традиционные промыслы. Игры, спорт, пари, тотализаторы, рулетка — все это давно уже перехвачено стереовидением. Наркотики — в каждом киоске... Но главная беда в другом —

наш авторитет угасает! Профессиональные гангстеры со специальным образованием просто тонут в массе неорганизованных самоучек! В добрые старые времена достаточно было двум парням с автоматами войти в лавку, пальнуть в прилавок, чтобы хозяин послушно открывал кассу. Теперь торговцы настолько обнаглели, что порядочный человек, заходя в магазин, никогда не знает, на что напорется — на тяжелый пулемет или на противотанковое орудие.

— Верно, — поддержал молодой человек с Запада. Он снял свои золотые очки и подышал на них, протирая аккуратным замшевым лоскутком. — Все знают, что сегодня можно произвести впечатление на публику, либо стеревав с лица земли город, либо взорвав отель с десятком телевизов. Пресытилось общество.

— Хуже! — снова вступил господин Восток. — Общество конкурирует с нами. И конкурирует успешно! Подумайте, друзья, кто раньше был вооружен? Армия, полиция и мы. Благодаря оружию мы пользовались должным уважением в обществе. А ныне?

Вожди внимательно слушали. Корт натянулся как струна — он, кажется, понял, куда клонил этот деятель.

— Ныне вооружены все! Шоферы, аптекари, певцы, маникюрши, священники, министры! Человек может выйти на улицу, забыв носовой платок, зонтик, даже брюки. Но пистолет он не забудет! В обществе, которое живет насилием, нельзя чего-либо добиться с помощью насилия! На первый взгляд — парадокс, но на практике наши методы принуждения все чаще встречают вооруженный отпор. Даже ерундовая кража какого-нибудь золотушного ребенка в большинстве случаев ведет к настоящему сражению, в котором против наших людей объединяется целая улица или даже целый квартал! Какой же вывод, господа? Если мы хотим нормально делать деньги — остается одно. Надо уничтожить анархию! Единый закон для всех, кроме полиции, армии и нас! Вот что я предлагаю!

В комнате установилось зыбкое молчание. Корт, забыв о приличиях, повернулся спиной к молодому Западно-му соседу и в упор уставился на оратора.

— Но Великая национальная традиция! — после долгой паузы проговорил бизнесмен. — Она в крови у сто процентных граждан!

— Я помню о традиции! Страсть к уничтожению не может быть в крови, в натуре нормального человека. Традиция — не больше как мода. Изменим моду, исчезнет и традиция. Я понимаю, господин Корт, ваши заботы. Вы полагаете, если стрельба окончится — ваш бизнес лопнет?

— Несомненно! — Глава фирмы даже вспотел от волнения.

— Наивно. Перед вами блестящие перспективы. Пока существует Национальный синдикат — ваше дело не прогорит. Я думаю, возможно соглашение, по которому клиенты фирмы «SOS» были бы гарантированы от нашего внимания!

— Это было бы прелестно! — облегченно улыбнулся Корт. — Но согласитесь, господа, покончить с традицией — не простое дело. Национальный синдикат, извините меня за невежливость, — вне закона. Получается занятная штука...

— Понимаю вас, — рассмеялся Восточный вождь. — Не стесняйтесь, говорите все своими словами! Гангстеры, которым сам бог велел нарушать закон, желают вернуться к законному правопорядку! Вы это хотели сказать? Но что нам остается делать? Если мы не покончим с эскалацией вооружения граждан, то скоро каждый мальчишка будет бегать с небольшой атомной бомбой в кармане! И накануне этого дня придется объявить о банкротстве нашего синдиката!

На этот раз вожди долго молчали. Каждый обдумывал предложение Восточного собрата. Запад снова занялся своими очками. Старик с Севера встал, подошел к окну и принялся рассматривать озеро с такой заинтересованностью, будто прибыл сюда лишь для того, чтобы полюбоваться пейзажем...

— Что скажешь, Джи? — позвал его наконец толстяк. — Ты у нас самый старший.

— По возрасту! — до неприличия быстро вставил юный деятель с Запада.

— Восток верно ставит проблему, — отозвался старик. — Бесконечное вооружение граждан в конце концов приводит к анархии. В условиях анархии невозможен организованный бизнес. А наш синдикат опирается именно на четкую организацию. Следовательно, путь, которым

мы идем, рано или поздно приведет наш концерн к краху. Я склонен поддержать предложение нашего Восточного коллеги.

— Да, ребята, тяжело стало работать! — сожалеюще вздохнул Южный гангстер. — Восток правильно сделал, что предложил всем нам съехаться. Надо решать...

— Значит, задача в том, чтобы уничтожить Великую национальную традицию и вернуться к прежним мирным временам? — подытожил самый молодой участник совещания. — Но мыслимо ли разоружить миллионы граждан?

— А зачем их разоружать? — уточнил Восточный вождь. — Все значительно проще. Задача в том, чтобы прекратить продажу оружия частным лицам и строго карать каждого, кто воспользуется огнестрельным оружием, не имея на это права.

— Другими словами, господа, вы собираетесь взяться за дело, которое в обычных условиях является заботой правительства? — не выдержав, вмешался Корт.

— Вот именно! Национальный синдикат должен восстановить в стране законный порядок, чтобы иметь возможность нарушать его в нормальных условиях.

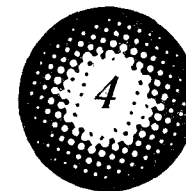
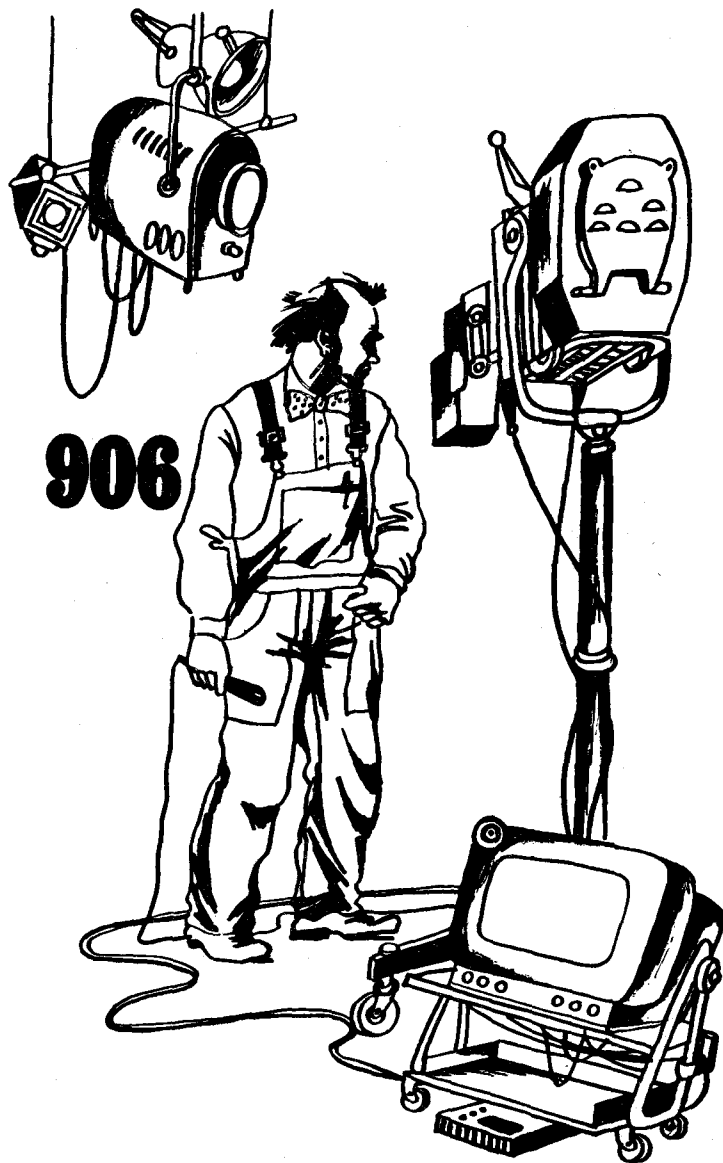
— Логика, друзья, — развел руками старик Север, — если нет закона, то нет и преступности. Так через что же нам переступить?..

Поздно ночью, стараясь не попадать на светлую лунную дорожку, лежавшую на спокойной воде, четыре катера, осевших под грузом охранников, осторожно подошли к темному островку. Телохранители ошарашенно смотрели на своих вождей, безмятежно валявшихся на траве. Вокруг были разбросаны пустые бутылки. Национальный синдикат, по-видимому, праздновал полный мир.

Вожди проникновенно и слезливо пели незатейливую древнюю песенку о бедняжке Мэри, которая пасла двух овец и так глупо наравалась на голодного волка. Дирижировал, стоя на коленях, Ген Корт-Младший.

— Ребята, я уже сто лет так не отдыхал! — растроганно всхлипывал деловой человек.

В душе у него бухал целый оркестр: встреча президентов Национального синдиката удалась на славу, и перед компанией «SOS» за какие-нибудь шестнадцать процентов дохода открывалась широкая дорога в будущее!..

Для такого выдающегося специалиста Радиокорпорации, каким считался Блим-Блям, было сделано исключение: он постоянно проживал в кабинете № 906 на четырнадцатом этаже. Будучи стойким холостяком, Блим-Блям несущественно затруднил Корпорацию — пришлось лишь двухкомнатное помещение обставить наподобие обычной квартиры да нанять приходящую экономку, следившую за хозяйством радиоспециалиста.

Вот уже года три маэстро блистательно вел всякого рода конкурсы, игры, лотереи, придумывал необычные передачи, и, разумеется, был знаменитой личностью. На экранах он появлялся в одном и том же клетчатом комбинезончике и стоптанных башмаках. Одно время привилась даже блим-блям-мода, и страна чуть ли не целый сезон щеголяла в рваных туфлях, но фабрикантам обуви в конце концов удалось за сходную цену договориться с Блим-Блямом, и тот надел приличные ботинки. Однако внешний вид маэстро еще долго служил рекламе...

Когда Блим-Блям впервые предложил свои услуги Корпорации, телевизионные волки безнадежно махнули рукой — этот тип с огромным носом и нелепым, лихо торчавшим пучком волос на макушке не имел ни малейшего шанса на успех у зрителей. Но каким-то чудом будущей знаменитости во время популярного шоу удалось выбраться на сцену и, воспользовавшись паузой, крикнуть в зал:

— Дамы и господа! У меня в руках пять тысяч! Глядите все, у кого есть глаза!

И Блим-Блям извлек из кармана своего куцега комбинезончика солидную пачку банкнотов.

— Эти деньги сейчас может получить любая девица, находящаяся в зале!..

Режиссер программы, сидевший за пультом управления, дернулся было к кнопке, чтобы прервать передачу в эфир, но в последний момент решил повременить. «Если этот странный малый отколет забавную штуку,— решил режиссер,— будет неплохая реклама всей программе...»

А Блим-Блям, удостоверившись, что огоньки на камерах по-прежнему усердно перемигиваются, громко попросил одного из операторов:

— Эй, друг! Покажи-ка деньги крупным планом, а то зрители решат, что мы их обманываем.

На миллионах экранов моментально возникла пухлая пачка мятых купюр, сжатая рукой странного человечка. Тут в студии на пульте вспыхнул зеленый сигнал телефона. Трубку снял ассистент.

— Шеф,— крикнул он вскоре главному режиссеру,— президент Корпорации говорит: деньги — это хорошо! Не выключать. Давать в эфир.

— Сам знаю,— буркнул режиссер, не отрывая взгляда от горевших перед его носом контрольных экранов.

А клетчатый шут, уже не опасаясь, что его стащат со сцены, заговорил более спокойно и уверенно:

— Дамы и господа! Меня зовут Блим-Блямом! Запомните это имя! Сегодня Блим-Блям вручит пять тысяч монет самой ловкой девице, а завтра!.. Впрочем, смотрите передачи нашей Корпорации завтра, и вы узнаете, что тогда будет!..

Режиссер подумал, что этот парень совсем неглуп — руководителям Корпорации такое заявление, несомненно, понравится.

Маэстро тем временем вышел на авансцену и, задрав руку, показал на огромные часы-табло, висевшие под потолком.

— Прошу следить за временем! Все дело в нем! Вниманию девушек, которые желают получить пять тысяч! Одно условие, сущий пустяк! Та из вас, которая первой добежит до меня на четвереньках, получит эти бумажки! Всем понятно мое условие? Итак, приступаем к новому конкурсу «Бегать легче по-собачьи!».

В зале несколько секунд было тихо. Зрители в недоумении следили за нескладной фигуркой, болтавшейся на

сцене. А маэстро тем временем забрался на подставку, предназначавшуюся, по-видимому, для дирижера, и неожиданно закричал:

— Девушки, ап!

Словно опомнившись, во всех концах зала, в разных рядах начали вскакивать молодые женщины. Расталкивая зрителей, они рвались к сцене. Свист, визг, крики неслись по огромной студии. Девушки карабкались через стулья, ползли по чужим коленям, перепрыгивали через барьеры. Мужчины, сидевшие в зале, быстро оценили игру, предложенную этим чудачком Блим-Блямом. Они хватали претенденток, мешали им, подставляли ноги. Девчонки отбивались как могли. Хохот, крики, ругань перемешались в таком диком коктейле, что режиссер поспешно схватился за регулятор уровня звука.

Почти одновременно на площадку, где расхаживал организатор необычных состязаний, прорвалось восемь — десять конкуренток. За ними лезли десятки других. В минуту маэстро был окружен визжащей толпой...

— Сейчас они его разорвут! — Режиссер подозвал ассистента: — Звони боссу: показывать до самого конца?

— Он говорит, что вы идиот, — скоро доложил помощник. — Уже все зрители смотрят только нашу программу! Другие корпорации воют от зависти!

Прыгая на небольшом возвышении, отбиваясь от участниц конкурса, Блим-Блям кричал:

— Господа, господа! Теперь вы сами, все кто сидит в зале, вы сами укажете победительницу! Кто из них самая достойная?

Девицы сразу стихли.

— А ну, лапочки, быстро на свои места! — скомандовал клетчатый человечек. — Быстрее, быстрее, красавицы! А то уплывут ваши денежки!

Девушки немедленно полезли обратно. Зрители, особенно мужчины, выражали явный восторг. Режиссер за пультом торопливо зашелкал кнопками, переключая камеры и посылая в эфир наиболее пикантные кадры...

— Это удивительно ловкий парень, — бормотал он. — Не уплатив и никеля, он уже очистил сцену! Посмотрим, как он вывернется.

Странный человек на сцене начал медленно пересчитывать деньги. Он тянул время, давая зрителям возмож-

ность опомниться, прийти в себя, подготовиться к следующему испытанию...

— Ровно пять тысяч! — наконец сообщил затейник. — Теперь говорят только мужчины! Кто может точно указать девицу, которая добралась ко мне первой? Тому, кто укажет, — эти пятьсот монет!

И ловкач, порывшись в карманах комбинезона, вытащил еще несколько бумажек.

В зале снова поднялся крик. Зрители показывали на разных претенденток. Началась ругань. Через секунду один из парней уже держал другого за отвороты куртки. Страсти разгорались. Затрещали воротники и банты. В эфир снова посыпались эффектные кадры.

Маэстро не спеша подошел к микрофону, торчавшему у рамп.

— Так мы не разберемся до завтра! Если вы верите Блим-Блям, то он быстро найдет, кому отдать свои деньги! В конце концов, они мои, а не ваши. Не так ли, уважаемая публика? Сейчас я вам покажу победительницу!..

Зал послушно стих. Неужели этот чудаковитый и в самом деле отдаст свои пять тысяч?

А Блим-Блям подошел к краю сцены и небрежно ткнул пальцем в одну из девушек, топтавшихся неподалеку.

— Вот эта киска приползла первой! Я смотрел в оба! Дуй сюда, солнышко!

Счастливица не заставила себя упрашивать. Она мигом прибежала на сцену. Под свист и аплодисменты маэстро сунул ей деньги. Схватив бумажки, победительница бросилась было обратно, но человечек успел ее задержать.

— Вот глупышка! — закричал он. — Да ведь если ты сейчас спустишься в зал, от этих денег ничего не останется! У тебя же их моментально отберут!

Девушка остановилась в нерешительности. Остальные участницы конкурса ответили разочарованным визгом.

— Иди за кулисы, — сказал маэстро. — Мы проводим тебя другим ходом.

За кулисами девчонка вернула Блим-Блям деньги, получила свой гонорар — сто монет — и незаметно исчезла. А новая звезда телеэкрана отправилась знакомиться с руководителями Корпорации. Господина Блим-Бляма ждал выгодный контракт...

С тех пор прошло три года. Специалист привык к славе и спокойной жизни. Теперь он ни за какие деньги не согласился бы выглянуть на улицу без особых на то обстоятельств. Для прогулок его вполне устраивали коридоры Корпорации и чахлый садик на плоской крыше.

В этом садике майским вечером состоялось деловое свидание человечка в клеточку с мадам Софи из отеля «Коломбина». Приглашение к этой знаменитости польстило содержательнице женского батальона. Она даже принарядилась, водрузив на плечи сложное сооружение из лисьего меха. Разглядев среди рыжих хвостов настоженную физиономию мадам, клетчатый хозяин расцвел широкой улыбкой.

— Давно хотел познакомиться с вами!

— Ну уж! — откровенно усомнилась Жаба. — Никогда не поверю, чтобы такой знаменитый человек...

— Уверю вас. Слава — очень капризная любовница. О ней приходится заботиться с утра до ночи. Чуть не так, и она убегает к другому...

Хозяин повел гостью к пустовавшим шезлонгам.

— Уважаемая мадам Софи, я приступаю к очередной гениальной затее, — начал рассказывать специалист. — На днях я рассчитываю получить согласие самых высоких инстанций. А сегодня мы договоримся с вами...

Мадам Софи и Блим-Блям просидели на крыше не меньше двух часов. Разговор был столь интересным, что они совершенно не обращали внимания на сильный ветер, который, с разбегу ударившись в высокие стеклянные стенки, ограждавшие садик, со зла набрасывался на редких смельчаков, вылезших наверх глотнуть более или менее чистого воздуха...

И следующим утром мадам Софи вошла в дортуар своего батальона с несвойственной ей быстротой. Бесконечная шеренга узких кроваток с табличками над изголовьями делала этот длинный зал похожим на палату монастырской больницы. Но вместо тумбочек у кроваток стояли небольшие туалетные столики с зеркалами.

Жаба долго пыхтела на пороге, приходя в себя, а дежурная уже звонко кричала:

— Подъем, девочки! Быстро!

Девицы нехотя поднимались, но, заметив Жаб, начинали шевелиться удивительно шустро. Когда кровати

были аккуратно застелены, мадам Софи зычно приказала:

— Слушать меня, девочки! Всем быстро почистить перышки!

Воинство пришло в движение. Кто скидывал пижамку, кто занялся собой у зеркала. Жаба медленно расхаживала по спальне, рассматривая рядовых.

— Брови! — мимоходом приказывала мадам Софи. — Глазки, глазки, девочки!

И девочки старательно подводили глаза.

— Детки, кто руководит нашей страной? — вдруг спросила начальница.

Девицы привыкли к таким неожиданным опросам. Жаба бдительно следила за их общим образованием. Для женщины, считала она, вовсе не обязательно быть умной, но уметь казаться такой, если это нравилось гостям отеля, было обязательно...

— Господин президент, — рискнула одна из девушек.

— Правильно. А еще кто?

— Сенаторы, — дополнила пышная яркая блондинка, собираясь влезть в форменное платье.

— Верно. А кто знает, откуда берутся сенаторы?

Наступила пауза.

— Я жду! — поторопила начальница, показав на миниатюрную девушку, примостившуюся у своего столика.

— Слушаюсь, мэм! — ответила та. — Кажется, мэм, сенаторов иногда выбирают.

— Не зови меня «мэм»! Я не «мэм», а «мадам»! — Далекие предки мадам Софи имели какое-то отношение к Франции, понимающей толк в женщинах. И глава заведения пользовалась каждым случаем, чтобы подчеркнуть свое происхождение. — Сенаторов действительно иногда выбирают. Они являются советчиками господина президента. Но сенатором может стать не каждый. Чтобы стать сенатором, надо иметь очень большую голову и еще деньги. Ну вот ты, Джета, можешь стать сенатором?

— Вряд ли, мадам. Если даже вдруг у меня вырастет голова.

— Ну-ка без острот! — оборвала Жаба и несколько раз громко хлопнула в ладоши. — Слушать всем внимательно! Все вы знаете господина Блим-Бляма. Он начинает новую колоссальную игру. И мы с вами будем участвовать в ней. За приличную плату, конечно.

По спальне пронесся легкий вздох.

— Игра называется «Друг президента». Отныне каждый взрослый человек, если на него падет выбор, целую неделю будет первым Другом господина президента! Он будет советовать, подсказывать, помогать. Пятьдесят два раза в год мы будем узнавать имя человека, которому повезло! Отныне любой может стать Другом господина президента. Понимаете? Сенатором может стать вовсе не каждый, а Другом президента любой, на кого падет выбор! Вот в чем подлинная демократия.

— А откуда же возьмутся эти друзья? — поинтересовалась Джета.

— Я же говорю, кому повезет, — принялась растолковывать Жаба. — Каждую неделю главный компьютер страны будет выбирать самого достойного. Он сам всех проверит, просеет и решит, кто самый счастливый. Все понятно?

— Даже я могу стать Подругой господина президента? — рискнула спросить одна из девушек.

— Не Подругой, а Другом! Если машина выберет тебя, то ты станешь человеком, которому повезло!

— Если бы меня выбрали, я бы всем нам увеличила жалованье вдвое!

Девушки зашумели, заговорили.

— Тихо! — повысила голос мадам. — Я хочу, чтобы вы поняли главное в этой гениальной игре. Подлинная демократия! Никаких денег! Никаких связей и знакомств! На кого покажет счетная машина — тот Друг! Ясно?

— А если машина вдруг сломается? — негромко заметила Джета.

Мадам Софи подозрительно посмотрела на нее.

— Машину можно починить, и демократия будет восстановлена. Игра будет проходить в нашем отеле. Итак, мои дорогие, через час состоится первая репетиция встречи Друга господина президента. Та, которая опоздает, крупно об этом пожалеет...

Жаба тяжело прошла по дортуару. Под ее взглядом полуодетые рядовые зябко передергивали плечами, ежились, но никто не смел отвернуться.

Когда мадам Софи покинула помещение, женский батальон несколько секунд еще хранил молчание. Первой его нарушила Джета:

— Придется, девочки, послужить нашей демократии!.
И снова никто не понял, говорит она серьезно или скрывает улыбку...

* * *

Блим-Блям, если бы слышал эту реплику, несомненно, принял бы ее за чистую монету. Обдумывая новую игру, он, разумеется, не забывал о личной популярности, но при всем этом он искренне хотел помочь демократии. Однако в столице на первых порах его не поняли...

Рисовать императоров, королей и прочих владык всегда считалось весьма опасным занятием. Неудачно изображенный монарший нос мог стоить художнику головы. Но венценосцы неукротимо желали быть запечатленными на кусках холста, обрамленных золочеными рамами. Как известно, спрос всегда рождал предложение, и один за другим на свет божий появлялись гениальные живописцы. Стоя у своих мольбертов, они часами бесстрашно повелевали властелинами, диктуя, как им сидеть, куда смотреть, и те не только сносили любые капризы мастеров, но и платили немалые деньги, чтобы остаться в памяти потомков в достаточно достойном и приличном виде.

Изобретение фотографии сначала несколько облегчило участь монархов, и в первую очередь — их финансовое положение. Фотоснимок, даже так называемый художественный, стоил намного дешевле, чем холст, исписанный маслом. И если не считать, что придворный фотограф требовал ненадолго замереть перед несуразным ящиком на треноге и при этом нещадно жег магний, то никаких особых неудобств сиятельным лицам фотография не причиняла. Но так было только с самого начала.

Со временем властелинов стало значительно меньше, а фотографов, наоборот, значительно больше. К тому же они научились делать моментальные снимки. Коронованные особы быстро осознали, насколько невыгодно оставаться в истории с глупо задранной ногой либо с широко открытым ртом с поднесенной к нему вилкой, и стали дружно избегать репортеров. Но на помощь к репортерам пришли кино- и телеоператоры. Объединенными усилиями они загнали сильных мира сего в угол, и к концу XX века руководящие лица хорошо усвоили правила игры.

Без тщательных репетиций, без выученных перед зер-

калом улыбок, без точно продуманных жестов и слов никто из государственных деятелей не рисковал появляться перед беспощадными объективами. Талантливые режиссеры готовили каждый публичный шаг государственного лица, начиная от предвыборных речей и кончая прогулкой с любимой собакой. Особенно жесткие требования режиссеры предъявляли к кандидатам на высшие государственные должности.

Например, по мнению режиссеров, лицо, собиравшееся выставить свою кандидатуру на пост президента страны, должно было располагать более или менее сносной внешностью — иначе оно не могло рассчитывать на голоса женщин. Оно должно было непременно уметь гонять в регби или хотя бы стучать в крокет — иначе нельзя было понравиться той части населения, которая увлекалась спортом. Молодежь ни за что не отдавала бы свои голоса тому, у кого не было среди друзей популярного певца или комика. Военные не дали бы избрать кандидата, который публично не клялся бы в своей любви к армии и не имел бы в прошлом хотя бы минимальных воинских заслуг. Промышленники не испытывали доверия к кандидату, если не видели его с солидным деловым портфелем в руках. А если ко всему этому добавить, что все общественные круги считали большой удачей, когда будущий президент мог доказать, что он достаточно мудр, последователен, справедлив, то легко представить, каких трудов стоило подыскать подходящих кандидатов. В конце концов было решено проводить выборы достаточно редко, по крайней мере не чаще чем раз в восемь лет...

Генерал-президент правил страной седьмой год подряд. Собираясь выдвинуть свою кандидатуру на второй срок, он тщательно взвешивал каждый свой шаг, опасаясь ненароком повредить собственной репутации. Естественно, что предложение Блим-Бляма, несмотря на то что оно было единогласно поддержано директорами солидной Радиокорпорации, канцелярия президента признала легкомысленным и отвергла его без особых обсуждений. Помощник президента по делам прессы не усмотрел в идее Блим-Бляма ничего интересного, а кто-то из его подчиненных вообще счел само название игры — «Друг президента» — настолько сомнительным, что к делу был на всякий случай привлечен Особый комитет, и подозритель-

ный сценарий в итоге попал на стол сенатора Дана.

Сенатор был столь известной личностью, что даже его фамилия была давно забыта. Зато вся страна хорошо помнила его имя. Поскольку в своих речах этот политик позволял себе пересказывать анекдоты, он слыл шутником. Однако его комитет занимался далеко не шуточными делами — любой намек на деяние, направленное против устоев общества, немедленно становился предметом разбирательства. Чиновники комитета всюду звенели ключами от концлагерей.

Получив приглашение навестить веселого сенатора, Блим-Блям основательно струсил. Мало того, что приходилось, покинув надежные стены Радиокорпорации, совершить опасную прогулку в столицу, там предстоял еще более страшный разговор. Вмешательства Особого комитета радиогений никак не ожидал и вошел в кабинет сенатора, испытывая неумную противную дрожь. В кабинете никого не было.

Все кабинеты выдающихся лиц, как правило, призваны подавлять посетителя своими размерами. Чем выше пост, тем больше площадь. В этом отношении кабинет сенатора Дана не был исключением. Такой знаток по части бутафории, как Блим-Блям, сразу понял, что проект этого помещения делал выдающийся специалист. Невероятно огромное, с двумя глухими стенами, сходящимися острым углом, и третьей стеной-окном, остававшимся за спиной посетителя, оно внушало только страх. Входивший видел перед собой лишь безвыходный угол с подковообразным, поднятым на возвышение столом. Блим-Блям осторожно присел на простой жесткий стул, стоявший у подножия стола, и эшафот из полированных досок сразу вознесся над ним, а уж высокая спинка кресла, предназначенная для сенатора Дана, и вовсе, казалось, очутилась на потолке. Чтобы посмотреть в глаза хозяину кабинета, посетителю надо было задиравать голову. Блим-Блям попробовал — это оказалось неудобно, унижительно и, что уже было совершенно непонятно, почему-то очень страшно...

Блим-Блям уставился в пол и постарался более или менее спокойно обдумать первые слова, которые он скажет сенатору. Он скажет так: «Дорогой господин Дан, я всегда старался служить обществу со всей присущей

мне готовностью. По-видимому, кто-то неправильно вас информировал...» Тут Блим-Блям споткнулся: пожалуй, слово «неправильно» стоило заменить. Лучше сказать «недостаточно глубоко»...

— А что, старина, штаны у вас сухие? — вдруг раздался громкий насмешливый голос.

В кабинет вошел поджарый старик с толстой тростью в руках. При каждом шаге, заметно прихрамывая, он резко выкидывал свою трость вперед. Седые, коротко подстриженные усы не скрывали широкую улыбку. Морщины, собравшиеся к уголкам глаз по случаю хорошего настроения, выглядели весьма добродушно, и посетитель рискнул поддержать шутку хозяина.

— Как будто сухие, дорогой господин Дан, — заявил Блим-Блям и даже привстал, делая вид, что проверяет, сказал ли он правду.

— Но будут мокрыми, — пообещал сенатор, стирая улыбку. Он взобрался на свою вершину и оттуда вынес свой приговор: — Будут мокрыми, если вы не докажете, что не покушались на репутацию президента.

— Я? — удивился Блим-Блям, на секунду даже перестав бояться. — При чем здесь репутация президента?

— Вы разве не помните, что говорили древние греки? — спросил сенатор, удобней устраиваясь в своем кресле. — Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

— Греки? — Блим-Блям совсем растерялся внизу.

— Может быть, римляне, — безразлично поправился сенатор, в упор разглядывая вспотевшего знатока. — А если на экранах в качестве друзей президента появятся какие-нибудь олухи?

— Почему это олухи? — заспешил специалист по затеям. — Мы будем отбирать вполне нормальных. Вы лучше представьте, дорогой сенатор, какие выгоды кроются за моей игрой! Да ведь все эти типы будут болтать все, что угодно господину президенту!

— Не торопитесь, маэстро, — перебил сенатор. — Я это все понимаю. Я не могу понять другого — для чего все это затевать? Для чего вытаскивать президента на экраны, чтобы он снова кого-то хлопал по плечу, снова говорил какую-то чушь.

Блим-Блям вздрогнул.

— Не беспокойтесь, маэстро. Я не высказываю крамолу. Я добираюсь до зернышка. Вполне допускаю, что ваша Корпорация и вы лично получите новые прибыли, придавите конкурентов. А что мы будем иметь с этого дела? Для чего президенту эта затея?

Блим-Блям даже задохнулся от волнения. Видно, он так бестолково написал свой сценарий, что его не понял даже сам господин Дан!

— А выборы!— воскликнул автор идеи.— Вы забыли, что через год...

Блим-Блям растерянно смолк: сенатор принялся хохотать. Смеялся он с удовольствием, откидываясь на спинку кресла.

— Ну, маэстро, вы меня обскакали!— наконец проговорил главари Особого комитета.— Не ждал! Я-то рассчитывал вас огорошить. Хотел предложить вам начать предвыборную кампанию. А вы, оказывается, все уже продумали заранее. Нет, Блим-Блям, воистину у вас неплохая голова! Посмотрите, сколько идиотов читали вашу бумагу.

Тут сенатор показал специалисту знакомые листки. На первой странице красовалось с десятков разноцветных виз. Блим-Блям сразу бросилась в глаза жирная черная надпись: «Подозрительно!»

— Почему это «подозрительно»?— обиженно спросил он.— Я стараюсь, придумываю...

— Не огорчайтесь, маэстро. Вас просто не поняли. Великих людей обычно возносят после смерти.

— Господин Дан, меня вовсе не устраивает признание после кончины. Если бы я мог предвидеть...

— Будьте выше,— призвал сенатор. Взяв свою палку, он принялся чертить по ковру, будто записывая невидимые строки.— Первое — обиды в сторону. Утешайте себя, что вам пытались подставить ногу глупцы, занимающие высокое государственное положение. Но делали они это чистосердечно, без всякого злого умысла.

— Хорошо, господин Дан,— послушно отозвался Блим-Блям.— Обиды в сторону.

— Я благословляю вашу игру. Согласие президента вы тоже получите. Ваша задача — создать на экранах образ милого, общительного человека, который хоть и несет огромное бремя забот и тревог за судьбы страны,

но всегда находит несколько минут для добрых друзей. Цель вашей программы — начать подготовку к выборам.

— Ясно,— облегченно ответил Блим-Блям.— Я так и намеревался. Приятно иметь дело с умным человеком.

— Вы тоже не дурак. Вот только нам с этим упрямцем будет трудно.

— С каким упрямцем?— не понял маэстро.

— Да с президентом!— Сенатор не без досады кивнул на портрет, висевший напротив окна.— Он страшно боится всяких показов, съемок, всей этой вашей суеты.

— А зачем он нам?— удивился Блим-Блям.

— То есть как это зачем?— на этот раз изумился Дан.— Вы же сами писали, что ваши «друзья» будут общаться с президентом. Значит, понадобятся встречи, подготовка, репетиции.

Блим-Блям некоторое время непонимающе глядел на старика, а потом, не сумев сдержаться, улыбнулся.

— Дорогой сенатор, вы просто не учли нашей техники! Мне и в голову не приходило отрывать господина президента от дел. У нас же масса видеозаписей с его изображением. И как он ходит, и как он ест, и как говорит. Бог знает что у нас есть! Нам же ничего не стоит получить в студии объемное изображение президента и симитировать его голос! Если нам нужно, так президент даже станцует у нас с какой-нибудь кошечкой! Эти самые «друзья» и в глаза его не увидят! Они будут иметь дело с таким электронным призраком!

— Фальшивка?— коротко произнес сенатор.

— Но самого высокого качества! На уровне последних достижений. Для чего же мы тогда вкладываем такие деньги в технику? Мы ведь не можем зависеть от президента! Сегодня он принимает послов, завтра выступает в сенате, послезавтра у него пресс-конференция. А у нас ведь точный бизнес. Все расписано до минуты.

— Скажите, Блим-Блям, в вашей студии и меня могут изобразить? — раздумывая, поинтересовался заказчик программы.

— А почему бы и нет? Хоть слона. Не все ли равно электронике, какое видение воплощать на экране?

— Так на черта вам вся эта возня с реальными людьми? Лепите себе на здоровье всех этих «друзей» — проверенных, рафинированных, достойных! Десятками, сот-

нями! Сколько надо! Жмите кнопки, рисуйте! Как там у вас полагается?

— Подлинные персонажи — дешевле. С ними быстрее и проще. Если мы вытаскиваем к себе человека, он мигом теряется и повторяет как попугай все, что ему скажешь. При этом живой человек на экране выглядит пока еще несколько правдоподобнее. Создавая образы электронным путем, мы покамест теряем в деталях. У одного живого героя насморк, другой картавит. А электронный мозг воссоздавая человеческие образы, несколько еще идеализирует человека, делает его лучше, чем он на самом деле. Ну, например, живой начнет чесаться в самый неподходящий момент. А видеообраз, чтобы начал чесаться, надо специально запрограммировать. Разве все предусмотреть? Правда, наши ученые обещают усовершенствования. Они говорят, что скоро обучат компьютеры человеческим недостаткам. Но так или иначе, уверяю вас, господин Дан, наш президент будет выглядеть не хуже, чем настоящий!..

Блим-Блям покидал столицу в превосходном настроении. Дело обернулось неожиданной удачей. Вагон подземки, бесшумно и стремительно набирая скорость, все сильнее вжимал тщедушное тельце специалиста в мягкое кресло. За иллюминатором редкие огоньки слились в бесконечную, тускло светящуюся нитку. Маэстро устало прикрыл глаза. Двадцать минут, которые отделяли столицу от самого большого и самого суматошного города, можно было отдать бездумному отдыху...

Рядом едва слышно скрипнуло кресло. Радиогений, не открывая глаз, недовольно опустил уголки рта: он давно уже привык, что всякие бездельники при встречах пытаются перекинуться с ним словом.

— Маэстро, прошу минуту внимания, — негромко обратился сосед.

Человек в клетчатом костюме приоткрыл один глаз.

— Вы хотите попросить автограф или поболтать о погоде?

— Зачем мне ваш автограф, маэстро? — сухо вато ответил незнакомец. — Мне нужен ваш совет.

Блим-Блям широко открыл оба глаза. С ним давно уже никто не говорил таким тоном. Сосед походил на преуспевающего дельца — он был аккуратно причесан, с тугим бантом на модной кружевной сорочке, с крупным серым

камнем на перстне. Смотрел он уверенно и нетерпеливо.

— Кто вы?

— Я один из президентов Национального синдиката. Телевизионный бог посерел от страха.

— Вы собираетесь меня убить? Здесь, в поезде? За что?

— Не говорите ерунду! Я повторяю: мне нужен ваш совет.

— Какой совет? — пролепетал гений. — Если я могу чем-либо быть полезен...

— Не надо лишних слов. Национальному синдикату необходимо, чтобы его чрезвычайное сообщение по стереовидению смотрела вся страна. Как это сделать?

— Вся страна? Невозможно! — приходя в себя, ответил знаток. — Если даже вы захватите какую-нибудь станцию, то радиус действия ее весьма ограничен...

— А как же программы вашей Корпорации идут на всю страну?

— Они транслируются на космический спутник связи, а оттуда уже возвращаются на приемники. Отражаются как от зеркала. Клянусь вам! Поэтому их можно одновременно смотреть на значительной территории.

— Следовательно, минут на десять надо захватить станцию, транслирующую на спутник...

— И еще надо подать на нее сигнал. То есть откуда-то вести саму передачу.

— Вести передачу можно и с самолета, — раздумывая, проговорил вождь.

— Я вижу, вы разбираетесь не хуже меня, — подобострастно и принужденно улыбнулся маэстро. Сидел он уже на самом краешке сиденья, будто готовясь вскочить и убежать.

— Сядьте нормально, — мимоходом заметил гангстер. — Техническими подробностями займутся специалисты. Ваша голова мне нужна для другого.

— Моя голова? — снова испугался клетчатый человек. Он даже втянул свою голову в плечи.

— Маэстро, я хочу, чтобы вы придумали такую штуку, чтобы все ахнули! Понимаете? Я не знаю, как сказать. Это будет очень важное сообщение, обращение к народу, к правительству. Понимаете? И все — от лица Национального синдиката.

— Вы хотите что-нибудь необычное в кадре? Чтобы в момент вашего выступления зрители обалдели от страха?

— Не в страхе тут дело...— Собеседник медлил. Он явно не мог четко выразить свое пожелание.— Понимаете, надо, чтобы нас слушали, смотрели не отрываясь. Ведь синдикат еще никогда не выступал по стереовидению. Мы в первый раз открыто обращаемся к нации. Ясно?

Знаток забылся на минуту. Выражение лица мистера Блим-Бляма стало недовольным, даже обиженным.

— Заказчики никогда не знают толком, чего хотят! Разводят руками, мямлят. Всем надо особенное, а мне ломать голову...

— Вы у нас гений,— грубо польстил гангстер и смолк, давая гениальному человеку собраться с мыслями.

— Слушайте, а если такая идея? Вы говорите — обращение от лица синдиката. А ведь у синдиката нет лица! Здорово? Вы уже поняли?

— Не очень,— признался вождь.

— Господи, да у вас же нет лица!

Гангстер с сомнением ощупал собственный подбородок.

— Вы так думаете?

— Я убежден!— настаивал маэстро.— Вас ведь никто никогда не видел! Все знают, все шарахаются, а в лицо никто не глядел. Нет, это исключительная идея! Экстра-класс! Уверю вас — на экране подобного еще не было!

— Чего не было?

— Вы меня удивляете, господин президент! Я уже все рассказал!

— Еще раз, пожалуйста,— попросил вождь, поражаясь собственной тупости.— Представьте, я простой зритель, сижу, смотрю. Так что же я вижу?

— Идет какое-нибудь шоу!— воодушевленно начал рассказывать Блим-Блям.— Танцуют девочки, раздеваются. Все как обычно. Вдруг — раз! Картинка исчезает, и бьет колокол! Густо! Победно! А из наплыва медленно появляется шевелящийся золотой крест. Он как живой! Концы креста передвигаются, вьются! Он будто ползет на вас, все ближе, все крупнее! Как страшный блестящий паук! И вот крест изгибается в последний раз, его лапки внезапно замирают — и это уже не крест, а свастика! Здорово? Она все увеличивается и увеличивается, заполняя

весь кадр. А этаким сочным бас произносит: «Внимание, слушайте голос Национального синдиката! Внимание, к вам обращается Национальный синдикат!..» А колокол все тише, тише...

— Занятно!— поддержал заинтересовавшийся Восточный вождь.— Начало подходящее...

— А дальше — еще лучше! И вдруг вместо свастики мы видим человека в хорошем костюме, мощного! На груди у него золотая цепь, а на ней такая же свастика, которую мы только что видели! Представляете?

— Представляю,— разочарованно протянул гангстер.— Так хорошо начали, а этим человеком смазали все впечатление...

— Вы ничего не поняли!— размахивая руками, запротестовал Блим-Блям. Он уже жил новой идеей.— Ведь у человека нет лица! В этом весь фокус! Мы видим его всего — и костюм, и руки, и движения! А вместо лица — пустота! Дошло?

— Нет головы?

— Голова должна быть!— твердо заявил автор.— И прическа, и уши, и шея — все на месте. В этом вся суть! А лица нет — все стерто, пусто, просвечивается насквозь! И глаз нет, и лба, и носа! Вот по поводу рта надо еще подумать! Ощущаете, какое жуткое впечатление! И под всем этим глубокая мысль — у Национального синдиката нет лица, он безлик, невидим, вездесущ!..

Гений замолчал, нетерпеливо ожидая, как гангстер оценит его неожиданную находку.

— Маэстро, в этом, кажется, что-то есть!— наконец промолвил господин Восток.— Человек без физиономии — необычно...

— Да это просто талантливо!

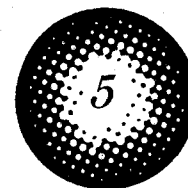
— А как это сделать?

— Чепуха! Простая съемка, а вместо лица на пленке пропечатывают фон. Хотите, приедем к нам в Корпорацию, в полчас шлепнем вам пробный снимок?

— Студию найдем мы сами. И вообще до поры до времени весь разговор должен остаться тайной...

— Жаль,— вздохнул специалист.— С ума сойти как здорово! И такую идею отдаю вам бесплатно...

— Почему бесплатно?— удивился вождь и вытащил чековую книжку.— Какую сумму проставить, маэстро?..

Там, где скопища многоэтажных домов редели, становились ниже ростом, постепенно превращаясь в бесконечную ленту небольших коттеджей, вытянувшихся вдоль широких, неправдоподобно гладких магистралей, кончались пригороды и начиналась Провинция. Ограждая дороги прочными берегами бетонных заборов, она тянулась однообразно и однолико, чтобы через сотню-другую километров снова отступить перед беспорядочным сгустком высоченных каменных коробок...

По сравнению с городами Провинция пребывала в мертвой спячке. Поселение № 1324-BC не являлось исключением.

Настоящая жизнь начиналась в двухстах метрах от поселка. Там шла Большая дорога. От нее на запад сворачивала узкая асфальтированная тропа, но и она вскоре внезапно обрывалась у разрушенного моста, когда-то горбившегося над глубоким оврагом. Мост был взорван по совету какого-то неглупого малого. Имя его сразу позабыли. Поэтому при въезде в поселение было решено поставить памятник Неизвестному умному человеку. Но затем нашелся еще более умный, который сообразил, что ставить памятник — это швырять деньги на ветер. Его послушали, памятник так поставлен и не был, но с деньгами все равно не полегчало.

Цивилизация проносилась мимо. Она катила в легкомысленных разноцветных танкетках, в солидных дорогих танках со всеми удобствами, оснащенных ракетами и огнеметами, в стремительных, элегантных бронеекспрессах, следовавших из города в город без остановок. Редко кому удавалось подшибить монету на Большой дороге,

оказав случайную помощь раненому или продав букет жасмина какому-нибудь одуревшему горожанину, рискувавшему высунуть нос из своей железной коробки. И вообще слоняться возле дороги было небезопасно: могли ни с того ни с сего пальнуть, сшибить, раздавить гусеницами. Еще хуже, если на дороге разгоралась стычка: тут же полиция с воздуха шлепала всех без разбора.

Раньше, когда мост еще был цел, Цивилизация, случалось, врывалась на узкие улочки поселения № 1324-ВС. Общение шло с переменным успехом. Бывало, местные жители потом хоронили двух-трех сограждан. А иной раз, оставляя трофеи, поспешно улепетывали пришельцы. Но с того дня, когда мост превратился в груды бетонных развалин, валявшихся на дне оврага, у чужаков пропала охота приближаться к этой кучке домиков, обнесенных трехметровой каменной стеной, враждебно и подслеповато шурившейся узкими щелями бойниц.

По субботам рано утром на краю оврага останавливался грузный вагон разъездного торговца, и аборигены долго и придирчиво отбирали товары в обмен на овощи, сало, битую птицу — все, что доставляло радость тем городским жителям, которым никак не удавалось примирить свои желудки со стандартной синтетической пищей. У торговца можно было приобрести все, что угодно: от марихуаны до противотанковых мин. Но провинциалы жалели деньги на наркотики и в основном ударяли по таким примитивным вещам, как домашние стеганые халаты и машинки для стрижки овец...

— Деревня! — снисходительно улыбался коммерсант, но в кредит отпускал охотно — в городах еще не перевелись идиоты, платившие сумасшедшие деньги за обычную репу.

Жили в поселении № 1324-ВС сравнительно тихо, почти без происшествий. Если и находился какой-нибудь смельчак, удиравший в далекие странствия, то разговоров об этом хватало на год. А если ему к тому же удавалось вернуться живым и невредимым — то и на два.

Едва рассветало, мужчины осторожно выбирались из своих домов-крепостей и юрко расползались по полям, огороженным прочной металлической сетью. К полудню, когда Большая дорога окончательно просыпалась, люди возвращались под укрытие каменных стен. Дружина са-

мообороны, которой командовал отставной майор, на всякий случай взбиралась на башни к пулеметам, а остальные граждане принимались за домашние дела.

К этому времени открывал двери своего салона и Рэм Дэвис. Сначала он обслуживал мужчин. Мирно пощелкивали ножницы, мужчины нежались в креслах и беззаботно болтали об урожае, о ценах, о зареве, которое две ночи кряду стояло над соседним поселком. Рэм ловко и мягко работал, лениво поддерживая разговор. Он готовился, он собирался к тому часу, когда его салон заполняли женщины.

Это был волшебный час. Начиналось представление, которое пользовалось в поселении неизменным успехом. Заранее, за неделю, а то и за две, женщины договаривались с парикмахером. Он мыслил, придумывая необыкновенные прически. Он изобретал удивительные парики. Он смешивал умопомрачительные краски. Женщины млели от восторга, а их мужья, разинув рот, торчали у входа в парикмахерскую, каждый раз поражаясь, как это Дэвису за час-полтора удавалось превратить обычную жену в настоящую королеву.

Рэм Дэвис был человеком со странностями. Он обожал строгий холостяцкий уют своего дома, каждая вещь в котором была крепко приучена к своему месту. И вытащить парикмахера в гости или напроситься к нему самому — было нелегко. Да соседи не особенно и стремились к этому. В конце концов, хочет сидеть взаперти — пусть сидит. В свободной стране каждый волен сходить с ума как ему вздумается.

И Рэм сходил. Он смотрел. Больше ему ничего не оставалось. Только в блаженные вечерние часы, когда дверь дома была крепко заперта, а окна задвинуты глухими щитами, он чувствовал себя более или менее сносно. Парикмахер, хотя сам он никогда и не задумывался об этом, в свои двадцать семь лет был крайне старомодным человеком. Он терпеть не мог стрельбы, поножовщины, драк и никак не мог себя заставить оставаться хладнокровным, когда в него целились из пистолета, швырялись ножом или намеревались как следует двинуть по челюсти. К своему стыду, он так и не научился сносно стрелять, и когда мужчины после воскресной службы в церкви собирались на площади, чтобы поразмяться и позаба-

виться стрельбой по консервным банкам, Рэм обычно находил неотложное дело, чтобы остаться дома.

И уж конечно, он ни за что не признался бы, даже на исповеди, в своем комичном пристрастии к книгам. Как-то, разбирая на чердаке целую грудку книг, сваленных туда давным-давно отцом, Рэм наткнулся на большой красочный альбом. Рассматривая картинки из древней жизни, парикмахер вдруг обнаружил, что в старину люди тоже премного заботились о своих волосах. Альбом надолго превратился в ценное настольное пособие, подогревавшее фантазию автора. Постепенно молодой человек пристрастился разглядывать картинки в книгах, а потом стал и почитать понемногу. О своем увлечении он благоразумно помалкивал, понимая, что соседи поднимут его на смех.

Но главное, в чем Рэм Дэвис ни за что не признался бы даже себе самому — это то, что над ним, словно нож гильотины, постоянно, ежечасно, ежеминутно висел Страх. Будто актиния, парикмахер прирос к поселению № 1324-ВС, хотя и зарабатывал здесь довольно скромно. Но и в поселении было страшно. Страшно было стричь клиента с толстой бычьей шеей и мощными бицепсами — вдруг да он встанет, развернется и ни с того ни с сего заедет в ухо. Страшно было громоздить прически дамам, зная, что чем лучше работа, тем больше укоризненных, завистливых, а то и раздраженных женских взглядов кольнут его в спину.

И только вечерами у ярко светившейся выпуклой рамы визора Рэм становился другим. Он становился сильным, мужественным, находчивым. Откинувшись в мягком кожаном кресле, он без усталости скакал на лихих конях. На затылок его съезжала широкополая ковбойская шляпа, а на поясе болтался увесистый кольт. И на расстоянии в десяток шагов он мог, понятно, с маху вогнать пулю в бубновый туз. Или он бесстрашно пробирался в логово полицейских, ловко выкрадывал нужные документы, а потом, отстреливаясь, укладывая одного преследователя за другим, бежал по крыше горящего небоскреба, прыгал над пропастью улицы и, на лету ухватившись за висящий канат, благополучно перелетал на соседнее здание. Приходилось ему выслеживать шпионов, вешать на реях взбунтовавшихся черных и даже на далеких неизведанных планетах находить племена прекрасных амазонок...

Но все это бледнело, меркло, забывалось, когда покаявались лотереи с неожиданными сногшибательными концами, когда шли конкурсы, победители которых с глупой ухмылкой, с дурацкими неуклюжими движениями лезли на пьедесталы, демонстрируя миллионам зрителей свои недостатки, просчеты, неповоротливость, тупость, наглядно доказывая, что только нелепый случай вывел их в люди...

Нет, с ним, с Рэмом Дэвисом, все будет иначе. Этими волшебными вечерами, уменьшив размер изображения, приглушив звук, парикмахер в деталях, в мелочах продумывал каждый свой жест, каждое слово, готовясь ко дню, когда Он выиграет, когда за Ним примчатся, когда удача посадит Его на колени.

Для этого надо было упорно играть. И, разумеется, Рэм играл. Он добросовестно отвечал на любые вопросы, которые задавались зрителям, терпеливо ждал заветного дня и даже не очень огорчался, когда приз доставался другому счастливцу. Он твердо верил, что придет еще и Его день. И этот день принесет славу, богатство, и в этот час навсегда умрет Страх.

Рэм Дэвис тысячу раз видел на экране, как это бывает. Гремят оркестры, свистят и стучат ногами обезумевшие от восторга зрители, а удачливый медленно поднимается на возвышение, и красивейшие девушки преподносят ему...

В этом месте мысли молодого знатока причесок всякий раз сбивались, пугались. Он никак не мог решить, что же ему должны были преподнести красотки. Деньги? Ключи от замка? А может, его назначат послом в какую-нибудь далекую страну, где пальмы и обезьяны, где все тихо, мирно и сытно?

...Майский день был таким жарким, что хромой майор, случайно коснувшись вороненого ствола, замысловато выругался: пулемет обжег, словно горячий уют. Сверху, с торчавшей над стеной башни, хорошо просматривалась Большая дорога. Поток бронированных экипажей был нескончаем. Казалось, две могучие реки, разделенные чахлой зеленой полоской, быстро катили навстречу друг другу разноцветные волны. Майор старался не смотреть на дорогу — клонило в сон. А так и недолго прозевать какого-нибудь идиота, решившего узнать, что делается

по эту сторону оврага. Приличные люди понимали: если едешь по делу, выкинь белый флаг. Нет флага — не суйся, куда тебя не звали. Время от времени майор давал короткую очередь, чтобы отогнать наступавшую дремоту или пугнуть любопытного. Откликаясь, всполошенно падали дружинники со своих постов, и снова на полчаса ровный гул, неустанно доносившийся с дороги, привычно наваливался на раскисшее от жары поселение.

Как все началось, никто толком не понял. Вдруг с белесого раскаленного неба на дома плюхнулись пузатые армейские вертолеты. Они даже не приземлились, они просто повисли над улицами, а из них посыпались, ловко съезжая по канатам, солдаты. В своих прозрачных шлемах, в серых латах они были безлики, одинаковы и тем страшны. Молча, без криков и команд военные разбежались в разные стороны. Они колотили в окна, стучали в двери, и через несколько минут все взрослое население было выстроено на центральной площади. Перепуганные люди стояли, положив руки на голову. Поторапливать никого не пришлось: армия шутить не умела, и каждый хорошо знал это с самого детства. Один лишь хромой майор замешкался было на башне, но двое солдат, резво взбежав, мигом столкнули его вниз по ступеням...

Военный, над шлемом которого торчал прутик антенны, поднес к своей прозрачной маске мегафон и зычно крикнул:

— Рэм Дэвис, ко мне!

В шеренге мирных жителей никто не шевельнулся. Люди незаметно переглядывались, отыскивая парикмахера глазами.

— Стоять смирно! — рявкнул военный. — Рэм Дэвис, оглох? Шаг вперед!..

И снова никто не сдвинулся с места.

— Его здесь нет! — наконец отозвался чей-то робкий голос.

Командир рванул за плечо первого попавшегося мужчину.

— Веди! Остальным оставаться на месте!

Это предупреждение было явно излишним. Никто и не пытался удрать.

Мужчина, на которого пал выбор, нерешительно поплелся к дому парикмахера. За ним следом зашагали

солдаты. Один из серо-зеленых пинком подбодрил проводника:

— Шевелись, кляча!

Тот затрусил рысцой.

Двери в салон парикмахера были широко раскрыты. Но в нем хозяина не оказалось. Солдаты быстро осмотрели все помещение, заглянули даже в стеллажные шкафы, а затем затопали по лестнице, которая вела на второй этаж, в жилые комнаты. Но в этот момент навстречу им вышел хозяин.

— Я уже жду. Мне звонил господин Блим-Блям, — сказал он и начал неторопливо спускаться.

Парикмахера нельзя было узнать. Величественный, спокойный до надменности, в замечательном желтом пушистом костюме — никто в поселении и понятия не имел, что у него был такой костюм, — в седом парике, чем-то смахивавшем на букли и косички доисторических президентов, Рэм Дэвис медленно двигался вдоль строя сограждан, так все еще и стоявших с поднятыми руками. Солдаты расступались, освобождая дорогу.

Жители поселения растерянно таращили глаза. Их Рэм, парень, которого можно было запросто хлопнуть по плечу, с которым можно было опрокинуть рюмку и поболтать о погоде, их Рэм вроде не очень робел и держался так, будто всю жизнь только и делал, что имел дело с военными! Да если бы кто-нибудь из них посмел опоздать, послушаться! Да такого немедленно поставили бы к стенке!

А парикмахер спокойно, не торопясь расстегнул голубую сорочку и вытащил свой опознавательный знак. Старший военный сверился с номером, выбитым на металлическом жетоне, и отдал честь.

— Прошу следовать за мной!

В брюхе вертолета превосходное настроение молодого парикмахера быстро поблекло. Кругом сидели молчаливые солдаты, безразлично глядевшие в большие овальные окна, за которыми медленно плыла однообразная серая равнина, расчерченная безупречным строем ажурных высоковольтных вышек.

Рэм пытался представить, что его ждет в самом большом и самом бестолковом городе страны. Ничего складного не получалось. Почему именно жребий пал на него? Почему избрали его? Сколько Рэм ни соображал, было

лишь одно объяснение: он знал, что придет Его день, и день пришел. Единственное, в чем Рэм был уверен, так только в том, что теперь его будут тщательно охранять. Все-таки по крайней мере на неделю он выбился в настоящие люди...

Парикмахер из поселения № 1324-ВС, разумеется, не мог догадаться, какие сомнения накануне раздирали душу знаменитого маэстро Блим-Бляма. Накануне все утро гений не находил себе места. То до деталей припоминал свидание с сенатором Даном, то в памяти всплывало страшное, непонятное замечание высокопоставленного гангстера, оказавшегося в поезде, что новая затея Блим-Бляма ему весьма кстати. Впрочем, слово «весьма» он, кажется, не произносил. К полудню настроение специалиста-затейника стало совсем мрачным.

Ученые давно уже высчитали, насколько отрицательные эмоции снижают производительность труда, и давно уже предложили деловым кругам простые и действенные меры, оберегавшие экономику от человеческих слабостей. Радиокорпорация ревниво относилась к собственным доходам и поэтому бдительно следила за переживаниями сотрудников. Таблички «Все заботы — только дома» висели в коридорах, в студиях, в кабинетах, в подсобных помещениях. По этажам безостановочно прогуливались милые девушки в белых фартучках. Они бесплатно и молча предлагали каждому встречному успокоительную жвачку. Заметив подозрительно хмурое лицо, служительница немедленно вызывала врача-психиатра, дежурившего на каждом этаже. Если беседы и внушения не помогали и сотрудник Корпорации не желал расставаться со своим плохим настроением, то такой упрямец немедленно увольнялся. На его место с улицы рвались десятки жизнерадостных безработных. Повсюду на этом огромном заводе, круглосуточно выпускавшем из своих цехов-студий бесконечный поток безукоризненных по цвету и объемности видений, неотвратимо проникавших в каждый дом, повсюду здесь господствовали улыбки, усмешки, ухмылки, повсюду звучал здоровый бездумный смех.

Серьезными было позволено оставаться лишь руководящим лицам — «головам», возглавлявшим подразделения рядовых исполнителей. Господин Блим-Блям считался одной из самых больших «голов», и ни одна девица в бе-

лом передничке не смела подойти к нему по собственной инициативе.

Своим выдающимся деятелям Корпорация предлагала специальные средства — каждый мог выбрать по вкусу. На самом верхнем этаже под крышей были открыты финские бани, тир и солярий с белым коралловым песком, доставленным с Мальдивских островов, а на шестом и четырнадцатом этажах — уютные бары. На семнадцатом этаже находился бассейн, в который можно было забросить удочку и даже, если повезет, вытащить обленившегося на даровых кормах карпа. Двадцать второй этаж приглашал в японский ресторан с гейшами. А в подвале Корпорация располагала даже настоящей читальней...

Но в трудную минуту Блим-Блям прибегал к более надежному способу.

Получив из отдела прогнозов четыре совершенно одинаковые карты, специалист растерялся. Даже компьютер не сумел решить, кто из этих четырех самый достойный. Четыре карты — четыре парня. Подходящий возраст, приличные занятия, приятная внешность, отличные рекомендации полиции, и все четверо жаждут участвовать в телевизионных программах — каждый прислал в Корпорацию массу писем. Кого же выпускать на экран первым?

Блим-Блям перебирал и перебирал карты, всматривался в фотографии, снова и снова сравнивал цифровые баллы за поведение, за высказывания, за умственные способности. Никаких отклонений в оценках. Порывшись в своей магнитной памяти, хранившей сведения обо всех гражданах, компьютер тиснул четыре одинаковых карты: парни оказались абсолютно идентичными...

Так ничего и не решив, Блим-Блям нащупал под столом туфли, сунул в них ноги, откатил кресло, встал, нажал кнопку, вмонтированную в крышку стола, и сказал: — Я у Энн!

На двери его кабинета мгновенно зажглось табло-секретарь, повторившее эту короткую фразу.

Длинный коридор второго этажа, оставив позади десятки обычных дверей, блестящих белым лаком и хромированными ручками, привел специалиста к темной, сбитой из грубоструганых досок узкой дверце. Потянув увесистую медную скобу, Блим-Блям ожидал, что потемневшие, позеленевшие от времени петли заскрипят лениво

и недовольно. Но дверца открылась бесшумно. «Смотрика,— удивился гений,— у старухи еще есть время смазывать петли...»

Он вошел в полутемное помещение, напоминавшее не то сарай, не то хлев. По углам висела паутина. На полу в истоптанной грязной соломе валялись колеса старинных экипажей, лежали мешки с мукой. У бревенчатых стен стояли деревянные бочонки. К могучему брусу была привязана худая рыжая корова. Пуская слюну, она что-то задумчиво жевала, время от времени тяжело вздыхала и, медленно повернув свою рогатую башку, подолгу пристально разглядывала молчаливую очередь посетителей, желавших повидать старуху Энн.

Как всегда, встретившись с глубоким непонятным коровьим взором, Блим-Блям подумал, насколько мелок человек в его страстях и делишках. Это четвероногое живое существо недостижимо возвышалось в своем покое над всей этой возней — бунтами черных, космическими полетами, финансовыми страстями, модами, над политиками, монахами, гангстерами, журналистами и над всем остальным человечеством. Этой рыжей было наплевать на него, Блим-Бляма, на самого президента, даже на сенатора Дана. Она помахивала хвостом и шлепала лепешки точно так же, как это делали тысячи, десятки тысяч лет назад ее предки...

Миновав еще более узкую дверь, гений, подавленный коровьим величием, вошел к старухе Энн, робко присел к шаткому столику, заляпанному сальными пятнами, заставленному закопченными чугунными котелками, которые можно было увидеть разве лишь в постановках о средневековье. Хозяйка — сгорбленная, босая, в рваном черном платье, сквозь дыры которого проглядывали худые лопатки,— сосредоточенно возилась у очага. Она подбросила в огонь поленья. Пламя сникло, но скоро его алые языки снова весело поднялись. Пахло дымом и гороховой похлебкой.

— Это ты?— безразлично спросила ведьма и, прихрамывая, подошла к своему табурету.— Чего тебе?

Блим-Блям положил на стол фотографии и коротко рассказал о деле. Старуха, кое-как запахнув на груди лохмотья, взяла картонки своими негибкими узловатыми пальцами. Склонив узкую сморщенную физиономию с

длинным унылым носом, нависавшим над маленьким проваленным ртом, она долго разглядывала снимки.

— Таких красивых мальчиков я уже не видела лет тридцать,— сообщила наконец старуха.— Ладно, парень. Поешь сначала супчику.

Тяжело встав, она проковыляла к камину. Тут только Блим-Блям понял, почему пахло варевом. Над огнем, на металлической треноге, висел котелок. Хозяйка помешала в нем большой деревянной ложкой, зачерпнув, плеснула в тяжелую глиняную тарелку и поставила ее перед гостем.

— Ешь,— приказала она.— Мыслить буду.

Не замечая грязи и копоты, отколотых краев миски, видный специалист Корпорации хлебал горячий суп. Он видел, как колдунья, порывшись в складках своей опоясанной веревкой рванины, достала какие-то зерна и бросила их в огонь. Затрещав, из пламени посыпались искры.

Потом на столе появилась истрепанная колода карт. Не глядя, старуха вытащила из нее одного за другим четырех валетов. Блим-Блям замер с ложкой у рта: четыре валета подряд! Только настоящая ясновидица способна на этокое!

— Ты ешь, ешь,— бормотала старуха Энн.— Не станешь есть, не сойдется гаданье.

Маэстро послушно заработал ложкой. Он торопливо глотал пересоленный суп, елозя рукавами по столу, пачкая свои кружевные манжеты.

— Клади на каждого мальчика по синенькой,— потребовала гадалка.

— Не много ли?— попробовал было возразить проситель, но старуха высокомерно промолчала, и гений полез за бумажником.

Провидица свернула банкноты ровными квадратиками и прикрыла ими фотографии. Потом собрала карточную колоду, перетасовала ее и протянула мужчине.

— Сейчас ты вытащишь бубнового валета, и быть этому мальчику,— показала старая на один из снимков.

Блим-Блям был уверен, что вытянет любую карту, только не бубнового валета. Такого совпадения просто быть не могло! Он долго щупал колоду, прежде чем вытащить карту... В его руках был бубновый валет!

— Быть этому мальчику!— повторила Энн и даже погладила фотографию.

Гений, так и не покончив с супом, ушел потрясенный. Он ушел в полной уверенности, что карты врать не могут. По пути он даже не взглянул на вдумчиво рыжую корову — его голова снова была целиком забита проблемами нового дела...

Итак, избранник, этот самый Рэм Дэвис, должен был прибыть в отель «Коломбина» завтра, в двенадцать дня.

Наутро первыми на подступах к отелю появились броневики. Задрав стволы башен на окна близлежащих домов, они угрожающе застыли на углах. Вслед за ними подкатили мощные бульдозеры. Они принялись быстро сгребать ржавые скелеты автомобилей, освобождая площадку перед входом в отель. Еще через некоторое время к подножию «Коломбины» подъехал непомерно длинный синий состав. Из его необъятного пуза медленно выдвинулся толстый — в рост человека — шланг и, как сказочная гусеница, принялся ползать по площади. Завывая, машина всасывала мусор, грязь, отбросы. Исчерченный следами гусениц квадрат прямо на глазах становился необыкновенно чистым. В одном месте, правда, произошла заминка: шланг засосал зазевавшегося бродягу. Рабочие было остановили своего синего бегемота, но мастер закричал, что время не ждет, и гигантский уличный пылесос быстро закончил дело...

Часам к десяти у главного входа в отель собралась суетливая стайка репортеров с камерами, микрофонами. На площадь въехали платформы с цветными прожекторами. Первое время работники стереовидения, опасливо поглядывая вверх на окна, старались работать, укрываясь за тушами грузовиков. Но вскоре осмелели, бойко забежали, громко перекликаясь, споря, переругиваясь. Начали осторожно выползать из укрытий и любопытные. Часа через полтора улица приобрела совершенно необычный вид — на тротуарах толпились зеваки, по мостовой расхаживали полицейские. Они останавливали и заставляли сворачивать в боковые проезды изредка появлявшиеся экипажи. Никто не стрелял. Около полудня один за другим зажглись прожекторы. Улица стала вовсе неузнаваема. Желтые, красные, синие пятна замелькали на стенах, сшибаясь, разбегаясь в стороны, чтобы секундой позже встретиться вновь.

Над улицей поплыл привычный стон радиолокола.

Наступил полдень, время перемирия в городах. И сразу же забил, загрохотал духовой оркестр. Из широкой стеклянной пасти отеля медленно начала выходить пестрая колонна. Изогнувшись огромной подковой, она продемонстрировала толпе прелестное юное воинство мадам Софи. В высоких меховых шапках трубой, в расшитых блестящими сверкающих штанишках, в ярких накидках девочки «Коломбины» были так радостны и нарядны, что восторженно засвистевшие зрители придвинулись, тесня цепочку полицейских. Но башни броневиков зашевелились и взяли толпу под свое наблюдение. Люди немедленно хлынули обратно. Кое-где на верхних этажах открылись окна, цветные прожекторы полоснули лучами по стеклам. Упрямцы, послушавшиеся световой команды снизу, получили по автоматной очереди. Но в шуме и гаме этот негромкий треск бесследно исчез. Только сверху посыпались обломки стекол и куски штукатурки.

Наконец далеко, в самом начале каменного ущелья, возник кортеж. Он неторопливо приближался, и толпа встречала его изумленным гулом — впереди бесстрашно и бесшумно двигался длинный открытый лимузин, какой не появлялся на улицах уже много-много лет. Экипаж был завален цветами. На всякий случай его все-таки прикрывал прозрачный пуленепробиваемый колпак. Под ним на всеобщее обозрение был выставлен высокий молодой парень в седом парике и ярко-желтом костюме. Он стоял, неуклюже кланяясь зрителям. Лицо у него было простое и чуть растерянное.

За лимузином катила вереница транспортеров с солдатами. При виде серо-зеленых в шлемах и латах, чинно восседавших в кузовах, публика заметно поскучилась. Наиболее осторожные начали быстро расходиться, растворяясь в подъездах, в недрах подземки, в проемах дворов. Но военные вели себя вполне пристойно. Убедившись, что открытая машина благополучно добралась до отеля, страшный эскорт, не останавливаясь, проследовал дальше, и скоро оркестр снова перекрыл шум удалявшихся транспортеров.

А у широких ступеней у входа в отель тем временем разыгрывалась сцена, которую смотрела на своих домашних визорах вся страна. Из дверей суматошно выбежал знакомый всем человек. Застегивая на бегу лямки сво-

его клетчатого куцевого комбинезончика, спотыкаясь и в конце концов вовсе потеряв туфлю, Блим-Блям запрыгал на одной ноге и закричал:

— Дамы и господа! Спешите к экранам! Спешите, бегите со всех ног! Иначе вы опоздаете, как чуть было не опоздал я! Вы можете опоздать и не увидеть первого! самого первого! Воистину первого!..

Перестав дурачиться, знаток развлечений деловито подошел к автомобилю. У радиогения была удивительная способность мгновенно преображаться. Зрители, сидевшие у визоров, уже не замечали ни его дурацкого костюма, ни суматошной прядки волос на макушке, ни даже туфли, которую он бестолково держал в руке. В эти секунды у машины стоял серьезный, рассудительный господин, судя по всему собиравшийся преподнести зрителям ошеломляющую новость. Блим-Блям и в самом деле повернулся к ближайшей камере и неторопливо, весомо произнес:

— Дамы и господа, я протягиваю руку Рэму Дэвису, первому Другу нашего уважаемого президента!..

Тут у машины очутилась хорошенькая стройная брюнетка, одетая в форму батальона мадам Софи. Это была Джета, она ловко распахнула дверцу автомобиля. Парень в желтом костюме выбрался и шагнул навстречу знаменитости.

— Здравствуйте, господин Блим-Блям,— проговорил Рэм Дэвис. Держался он степенно, стараясь погасить волнение.— Я очень рад познакомиться с таким известным человеком, как вы...

— Мой друг, это я счастлив познакомиться с вами!— искренне ответил гений. Ему сразу понравился этот малый. Кажется, с ним будет гораздо меньше хлопот, чем даже ожидал специалист.— Вы еще не представляете, как вам повезло! Вы начинаете великую игру! Целых семь дней вы будете самым близким Другом господина президента. Вашими словами, вашими мыслями, вашим мнением будет жить вся страна!

— По правде сказать, мне очень радостно быть Другом господина президента,— признался Рэм. Высокий, неторопливый, он стоял, возвышаясь чуть ли не на две головы над гением.— Знаете, у меня еще никогда не было такого выдающегося друга.

— Это вы очень верно сказали!— поспешил поддержать маэстро.— Именно выдающийся! Господин президент — самый выдающийся человек, которого мы знаем!

Блим-Блям сиял всеми оттенками улыбки, на какие был способен. Сенатор Дан, если он смотрел передачу, мог быть доволен. Спектакль начинался весьма удачно.

— Прошу вас в отель «Коломбина»!— радушно пригласил гений.— Здесь ваши апартаменты...

Блим-Блям повернулся ко входу, любезно пропустил вперед счастливого избранника, и тут сквозь цепь охранников вдруг прорвался репортер с небольшой камерой в руках. По красным буквам, нарисованным на комбинезоне репортера, Блим-Блям мгновенно опознал конкурента — сейчас неожиданной выходкой он попытается сорвать торжественную встречу. Но было уже поздно что-либо предпринять. Парень с камерой в два прыжка очутился перед избранником, поднял над головой свой аппарат и закричал:

— Послушай, старина, скажи-ка нам, а какие девчонки тебе нравятся? Желтые? Белые? А может быть, даже черные?

Блим-Блям лучше других понимал, что сейчас, в эту секунду башня, которую он начал возводить, может дать трещину. Если этот парикмахер не сумеет отбросить глупый неуместный вопрос, если стухнется, начнет мямлить... Клетчатый организатор рванулся на выручку, но его опередила Джета. Она ловко и как-то непринужденно возникла между репортером и Рэмом и, смеясь, заявила:

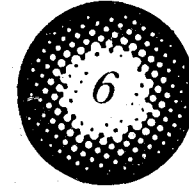
— Я думаю, господину Дэвису нравятся веселые девушки!

На миллионах экранов вспыхнула обаятельная улыбка этой шустрой девчонки из «Коломбины».

— Мне нравятся такие, как вы!— быстро уточнил молодой человек и протянул девушке руку.— Зовите меня, пожалуйста, просто Рэмом.

— А меня зовут Джета.

— Взгляните, дамы и господа!— закричал Блим-Блям, отталкивая растерявшегося налетчика.— А ведь и в самом деле отличная пара: Рэм и Джета! Слушайте, ребята, вам очень повезло, что вы сейчас познакомились! Ей-богу, вас ждет большое будущее!..

Вернувшись с островка, на котором происходило совещание высокопоставленных гангстеров, Корт сразу же, только войдя в дом, предпринял обычные профилактические меры.

— Мы же решили заниматься чисткой по понедельникам? — крайне удивилась Элия.

— Надо, — коротко ответил муж.

Отпустив прислугу, босс запер двери спальни и приступил к обыску. Прежде всего он выбросил из стенных шкафов свои костюмы и сорочки. На ковре сразу образовалась солидная куча. Мужчина присел возле нее на кожаный пуф, поставил рядом небольшую шкатулку, из которой торчал витой шнур, оканчивающийся маленьким шариком, и принялся водить этим шариком по одежде. Особенно тщательно он проверял воротнички, пуговицы и лацканы. Осмотрев, босс откладывал в сторону одну вещь за другой.

— Я же говорила, можно было вполне подождать до понедельника, — не удержалась женщина. Она собирала вещи и водворяла их на место. — Не прошло и трех дней, как ты снова устроил этот хаос.

— Я знаю, что делаю, — сказал босс, продолжая сосредоточенно орудовать шариком.

И вдруг, будто подтверждая его слова, умная машинка запищала, сначала тихо, потом все громче и громче — это Корт передвигал искатель прибора.

— А ты говорила! — с довольным видом произнес Ген, извлекая из лямки серого фланелевого комбинезона едва заметную тонкую булавочку. Он осторожно положил ее в пепельницу-раковину.

Скоро в раковине к булавке прибавилась пуговица, а затем еще одна булавка, чуть толще первой.

— Ишь ты,— заметил мужчина, пристально разглядывая новую находку.— Не иначе, это микрофон налогового управления. У бюро расследования они с синей меткой.

— Тише,— предупредила Элия, показывая на пепельницу.

— Да пусть слушают!— беспечно улыбнувшись, отмахнулся босс.

Покончив с костюмами, валявшимися на полу, глава семьи разделся и самым внимательным образом исследовал вещи, в которых он присутствовал на тайной конференции.

— Не удержались,— с досадой сказал он, обнаружив четыре металлических крючочка, отдаленно напоминавших рыболовные.— А еще такие приличные люди! И каждый, представляешь, нацепил!

— Кто нацепил?— не поняла жена, подвешивая костюм на плечики.

— Да мои новые друзья...

Затем босс столь же скрупулезно осмотрел наряды жены.

— Это пустая работа,— уверяла она.— Мои служанки очень внимательны.

— Посмотрим...

За прошедшие полчаса он добавил в раковину еще две булавки.

Больше в вещах Элии ему ничего не удалось обнаружить.

— А парики?— напомнила жена, обеспокоенно глядя на зловещую раковину.

— Верно. Надо посмотреть и твои парики и твои украшения. Эта публика страсть как любит пихать микрофоны и магнитофоны во всевозможную бижутерию.

— Посмотри на всякий случай свои запонки, заколки для галстуков, зажигалки. Подменят — и не заметишь.

— Непременно...

Босс возился допоздна: Наконец, зевая и чертыхаясь, Ген вынес на кухню раковину, наполненную до краев

тайной аппаратурой, и выбросил весь этот хлам в мусоропровод.

— А ты говорила — ждать до понедельника,— удовлетворенно сказал он, вернувшись в спальню.— Детка, утром я опять кое-куда слетаю. Вернусь только к ужину...

Решение лететь на север он принял еще днем. Игра, которую ему предложил Национальный синдикат, таила последствия, серьезно беспокоившие главу фирмы «SOS». Это был не страх. Это было ощущение человека, сидевшего за рулем и мчавшегося по незнакомому шоссе: он гнал и не знал, куда ли ведет дорога. А на обочинах, как назло, не было ни единого указателя. «Вот свинство,— раздраженно думал босс,— если бы заранее знать, из-за какого угла в тебя пальнут...»

Бизнесмену необходимо было срочно проверить свои опасения. И человека, который бы подходил для этой цели лучше, чем Селвин, трудно было сыскать на всем белом свете...

Ген Корт-Младший был настоящим дельцом. Поэтому он вовремя не дал утонуть другу детства Селвину, которого к старости угораздило стать писателем-фантастом. Лет тридцать назад они провели вместе немало времени. Но после колледжа их пути, естественно, разошлись. Ген Корт-Старший располагал солидным делом и искренне возрадовался, когда убедился, что сын, закончив образование, твердо усвоил, насколько лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Что касается Селвина, то его отец был обычным школьным учителем и, понятно, не мог оставить своему наследнику ничего, кроме добрых советов и нескольких десятков книг. Впрочем, этого оказалось вполне достаточно, чтобы сын учителя со временем превратился в совершенно никчемную фигуру, начиненную всякими умопомрачительными идеями. Перепробовав с десяток профессий, чудом уцелев в этом грохочущем мире, Селвин в конце концов бросил якорь в недорогом портовом ресторанчике «Капитан Флинт». Хозяин довольно быстро заметил, что новый работник обладает исключительно редкостными качествами — он совсем не мог терпеть спиртного и был потрясюще вежлив. Не прошло и месяца, как Селвин был произведен в старшие официанты, в обязанности которого входили

расчеты с клиентами. Владелец ресторана окончательно решил, что ему сильно повезло, когда обнаружил, что этот странный тип отдавал все чаевые, даже крупные..

Сам Селвин, получив каморку под крышей и разрешение брать сколько ему вздумается бумажных фирменных салфеток, тоже понял, что и ему наконец улыбнулось счастье. Свободное время теперь он проводил в своей комнатухе у раскрытого окна, из которого открывался чудесный вид на грязную бурую полосу океана, проглядывавшую, если не было слишком дымно, сквозь щели между нагромождением портовых сооружений. Здесь Селвин был не одинок — по его зову клетушка наполнялась видениями странных миров. Старший официант трудолюбиво склонялся над белыми салфетками и писал. Он писал о невиданных островах. О людях со светлыми лицами, которые презирали деньги и славу. Писал о сказочной любви, когда влюбленным было легче расстаться с жизнью, чем расстаться друг с другом. Разумеется, чудак и не помышлял, что его произведения когда-либо увидят свет. Телевидение, сжевав кино и театр, всерьез взялось за художественную литературу. Книги выходили из моды. Продолжали писать одиночки — либо беспробудные идиоты, либо всякие темные личности. Об этом знал даже такой простак, каким был неудачливый сын школьного учителя...

Но однажды какой-то шутник, проникнув в комнатку Селвина, стащил со стола стопку исписанных салфеток. Этот малый предвкушал, какой поднимется хохот, когда на кухне он вслух начнет читать эту писанину. Но все произошло иначе. Первыми побросали работу девчонки, стоявшие у посудомоечных машин, затем забыли о плитах повара, в дверях кухни столпились официанты, покинувшие зал. Через несколько минут метрдотель почуял неладное. Он быстро навел порядок. Лоботряс, похитивший рукопись, тотчас лишился работы. Хозяин, узнав о случившемся, перелистал из любопытства сочинение Селвина и, не найдя в нем ничего подозрительного, разрешил персоналу задержаться после работы. И поздно ночью, когда швейцар закрыл дверь за последней подвыпившей компанией, в темном и гулком зале со сдвинутыми столиками автор, обливаясь от волнения потом, дочитал сослушивцам свою повесть. Она называлась «Отзовись,

любимая!». Когда старший официант перевернул последнюю салфетку и смолк, еще долго было совсем тихо. Потом какая-то незаметная девчонка, которую толком никто и не знал — то ли она была по части салатов, то ли прислуживала в дамской комнате, — вдруг разрыдалась.

— Как красиво бывает... — говорила она сквозь слезы

Никто и не думал смеяться. Мужчины старались не смотреть друг на друга. Женщины откровенно вытирали глаза.

В эту ночь в ресторане «Капитан Флинт» к Селвину пришла литературная известность. Хозяин скоро заметил, что после чтений люди вроде бы делались мягче, послушней. Он позаботился, чтобы теперь в комнатухе Селвина на столе всегда была в достатке чистая белая бумага...

Ген Корт, случайно посетивший это заведение, повстречал своего друга детства, когда тот был в зените литературной славы. Глава фирмы «SOS» долго не мог припомнить, где видел этого худого седого человека, вертевшегося у столика. Его узкое бледное лицо и печальные глаза были чертовски знакомы. Наконец Корт вспомнил.

— Это ты?

— Я, уважаемый господин, — вежливо склонился официант.

Нарушая все ресторанные правила, Корт шумно усадил Селвина за свой столик и начал хлопать старинного друга по плечу. Вспоминая далекое беззаботное детство, колледж, бизнесмен настолько расчувствовался, что предложил приятелю юности немедленно бросить эту харчевню.

— Спасибо, господин Корт. Это невозможно, — благодушно отказался официант-писатель. — Здесь ценят мой талант, здесь мои читатели.

— Читатели? — Корт ждал разъяснений.

Узнав, с кем сидит за столиком этот чудак Селвин, хозяин ресторана поспешил подойти с увесистой порцией подобострастных любезностей. Корт невежливо отмахнулся, но тотчас исправил свой промах тысячным банкнотом — он был настолько увлечен рассказом школьного друга, что даже не посмотрел на продолговатую бумажку,

которую вытащил из кармана. После этого вокруг столика образовалась мертвая зона. Изредка в нее осторожно проникали молчаливые официанты, сменявшие блюда. Они изумленно таращили глаза на такую знаменитость, неведомую как очутившуюся в их скромной ресторации. Но Корт не замечал этого, он весь уже был в собственных мыслях: Селвин, рассказывая о своих фантастических бреднях, в которых не было ни слова о страхе, о казнях, о грабежах, о виселицах и нейтронных боеголовках, пробуждал в нем занятую идею.

После этого дня бизнесмен стал нет-нет да приезжать в ресторан «Капитан Флинт». Нередко он его покидал, увозя одну из новых рукописей официанта. А через некоторое время в ресторане появилась прехорошенькая сотрудница фирмы «SOS», она стала секретаршей Селвина. Босс знал, что делал: писатель привык к молодой помощнице и скоро обнаружил, что вообще жить без нее не может. После этого Ите — так звали очаровательную диверсантку — не стоило большого труда уговорить Селвина покинуть крышу «Капитана» и начать новую жизнь в стенах небоскреба, принадлежавшего господину Гену Карту-Второму.

Глава фирмы не ошибся в расчетах. Наиболее дорогие и комфортабельные подземные убежища наряду с прочим оборудованием стали снабжаться изящной полкой с десятком томиков Селвина. Реклама настойчиво убеждала, что эти удивительные писания модного фантаста необыкновенно скрашивают долгие часы пребывания под землей, они успокаивают и отвлекают от тяжких дум лучше всяких медикаментов, они незаменимы в случае выхода из строя теле- и радиостанций, чего, разумеется, следует ожидать при всяких более или менее серьезных беспорядках.

Клиенты фирмы скоро единодушно признали, что на этот раз реклама не врала — произведения о временах, когда угасла вражда, были настолько необычны, занимательны, что многие владельцы убежищ лезли в свои бетонные норы только для того, чтобы почитать в тишине и покое сочинения «дикого Селвина», как прозвали автора находчивые специалисты по сбыту.

Книги фантаста печатались тиражом не более чем в десять — двадцать экземпляров. И Корт установил за

каждый томик сумасшедшую цену — все права на издание, разумеется, принадлежали только фирме «SOS». Но и конкуренты не дремали. Через полгода Селвиным всерьез заинтересовался Особый комитет — он потребовал указать географические координаты того любвеобильного общества, которое популярный автор имел в виду.

Корт не стал ждать, пока у комитета возникнут другие вопросы. Как всегда, он поразил конкурентов ловким и неожиданным ходом — он упрятал Селвина в армейский сумасшедший дом. Здесь писатель был в полнейшей безопасности, а босс безмятежно продолжал издавать его книги: какие могли быть претензии к сочинителю, которого даже медики признали умалишенным? Особый комитет, учитывая общественный вес господина Корта, оставил фантаста в покое.

Для «дикого Селвина» наступили по-настоящему благодатные времена. Лагерь, в котором содержали свихнувшихся военных чинов, находился на севере в глухом, когда-то лесистом районе, надежно отдаленном от магистралей и населенных пунктов. Поскольку в этой психиатрической больнице было заключено немало лиц, ранее обреченных с военной тайной, она была отнесена к категории объектов особой важности и тщательно охранялась. В свое время Корт оказал военному ведомству немалую услугу, предложив множество остроумных устройств и сооружений, оберегавших дальние и ближние подступы к одноэтажным бревенчатым корпусам, поставленным чуть ли не полвека назад, когда здесь еще визжали электропилы и урчали трелевочные тракторы. Деятели, усердно оголявшие макушки холмов и берега рек, давно уже покинули эти районы. Поросль молодых елей еще не поднялась настолько, чтобы снова привлечь серьезное внимание лесной промышленности, но уже вполне годилась, чтобы создать уютные, тщательно огороженные загоны, в которых пациенты с утра до вечера могли бы вести свои тактические игры и маневры. Поэтому военное ведомство признало, что лучшего места для лечебницы не найти.

Благодаря хорошим связям Корт без особого труда получил в этом лагере отдельный домик почти со всеми удобствами. Немедля он переправил в него молодеж-

Ита с ужасом обнаружила, что из крана в ее новом жилище течет лишь тонкая струйка ржавой холодной воды, а горячей не было и в помине. А что касается одного из самых важных в каждом хозяйстве помещений, то оно вообще находилось вне стен, во дворе, в двух десятках шагов и представляло собой шаткое дощатое сооружение с перекосившейся дверцей, которая не желала открываться, а открывшись, не имела никакого намерения закрываться.

Осмотрев две тесные комнатки со стенами, покрытыми стершимся исцарапанным пластиком, молодая женщина опустилась на старый продавленный диван, составлявший всю обстановку, и горько расплакалась. А глава семьи молча млел от восторга. Он медленно обошел заросший кустарником дворик, с радостным изумлением заглядывая во все уголки. Обнаружив под развесистой акацией грубый некрашенный стол с ножками, врытыми в землю, и рядом с ним скамью такой же топорной работы, писатель всплеснул руками.

— Ген, так тут же можно спокойно писать! — сообщил он бизнесмену, осуществлявшему заселение.

Тот еще раз прошелся по двору, кое-что черкнул в записную книжку и подозвал расстроенную Иту и заявил:

— Завтра утром здесь будет все, что нужно. Твоя задача — обеспечить мужу рабочую обстановку.

Женщина благодарно улыбнулась. Она хорошо знала, что босс не бросает слов на ветер. И действительно, днем позже поместье Селвина в сумасшедшем доме преобразилось. Старый бревенчатый сруб был снесен. На его место вертолет опустил стандартный загородный алюминиевый дом с набором мебели, инфракрасной кухней, ледником, набитым продуктами, и собственным, деловито пытевшим электрогенератором. Ита и Селвин были счастливы. Правда, первое время их несколько смущала близость психов, но скоро они убедились, что белый флаг, поднятый по совету главного врача-надзирателя на флагштоке, охранял их территорию лучше самых совершенных приспособлений фирмы «SOS». Военные, жившие в бараках, дисциплинированно отметили на своих картах «нейтральную зону» и никогда не приближались к ней. Целыми днями, разбившись на подразделения, они вели свои бесконечные военные операции.

Наладив судьбу школьного друга, Корт поставил изготовление литературных произведений для своих убежищ на поток. Каждые две-три недели Ита высылала аккуратно перепечатанную рукопись. В обмен она получала деньги, припасы и перечень тем: фирма внимательно следила за личными вкусами видных клиентов. Изредка в этот творческий домик наведывался сам босс. Обычно это происходило тогда, когда Карту, неустанно мчавшемуся впереди конкурентов, требовалась какая-нибудь оригинальная идея: голова Селвина была начинена такими непохожими на все принятые стандарты мыслями, что они иной раз неплохо служили либо рекламе, либо даже основному бизнесу...

Как всегда, когда прибывал хозяин, юная Ита подняла в доме невообразимую суету. На кухне медленно что-то затарахтело, загудело, застучало.

Глава фирмы потащил писателя под открытое небо. Расположившись на скамье возле акации, они некоторое время молчали.

— Селвин, ты веришь в то, о чем пишешь? — наконец спросил Корт. — Мне важно знать, насколько ты убежден в неизбежности тех перемен в нашем обществе, о которых говорится в твоих книгах.

— О каких переменах ты говоришь, шеф?

— Мир, покой, братство, любовь, — уточнил Корт.

Сочинитель — неважно выбритый, с клочковатыми бакенбардами на худых щеках, с глазами, устремленными на грудку кирпичей, громоздившуюся в углу двора, сцепив пальцы рук, закинув ногу на ногу, — долго сидел не отвечая. Босс терпеливо ждал.

— Ген, когда я пишу, — вижу, верю. Поэтому и пишу, — наконец сообщил Селвин. — Так должно быть.

— Когда?

Писатель снова надолго замолчал. Где-то далеко за оградой, за постройками слышался невнятный вопль бывших вояк. Наверное, они наступали. А по забору медленно и уверенно шел рыжий толстый кот. Равнодушно глянув на молчавших людей, он двинулся дальше.

— Цезарь! — позвала Ита в открытое окно кухни. Кот спрыгнул на землю и нехотя направился к дому.

— Когда все это отомрет, — ответил после долгой-долгой паузы Селвин и повел рукой, показывая на забор,

на крыши, видневшиеся за ним, на лесок, робко и редко подымавший свои зеленые макушки в сотне метров от поселка.

Босс не потребовал более подробного ответа. Он хорошо понимал, что его собственный писатель имел в виду — нравы, законы, общество.

— Ты говоришь — отомрет? — в раздумье повторил Корт. — А возможен ли взрыв? Сразу? Одним мощным ударом? Представь, скажем, завтра будет объявлена вне закона Великая национальная традиция?

Писатель перестал разглядывать кирпичи и уставился на своего хозяина.

— Ген, я тебя хорошо знаю. Ты сказал о традиции не случайно. Ты не романтик. Если ты задумался, вечна ли традиция, значит, ей грозит удар. Но помни: кто нанесет удар, тот получит сдачи. И не устоит.

— Почему?

— Традиция — дитя нашей системы собственности. И пока цела система... Вот подумай, я и не помышлял ни о каких насильственных переменах, а вынужден отсиживаться за этой стеной да еще со справкой о том, что у меня мозги набекрень. И если бы не ты, меня, без сомнения, уже тряс Особый комитет. Теперь возьмем тебя. Ты взялся за традицию, но тебе не надо сидеть за забором. Тебе наплевать на Особый комитет. Почему? Да потому что ты богат. Я для них враг, а ты при любых обстоятельствах — друг. Все дело в бумажнике...

Рыжий кот снова вернулся. На этот раз он даже не повернул головы к говорившим. Задрав хвост, он медленно и лениво прошествовал мимо скамейки. Остановился, прислушался, шевельнув ушами: в лесу вдалеке смолкли крики. Видно, очередная атака больных завершилась блистательной победой.

Из кухни во двор ползли аппетитные запахи. Ита, наконец, всерьез решила узнать, что делается на дне ее кастрюлек...

— Неужели рухнет этот покой, эта тихая жизнь? Я ведь на тебя молился, — печально проговорил фантас.

— Молись дальше, — разрешил босс.

— Я тебя вижу насквозь! Ты прилетел сюда за одним. Ты думал — раз я пишу, значит, верю в это. Значит, смо-

гу подсказать тысячу доводов. Это бы развеяло твои сомнения. А я не назвал ни одного довода! Ген, я тебя заклинаю! Пусть все будет по-старому! Тогда Ген Корт-Второй останется Геном Кортом-Вторым!

— Мужчины, к столу! — крикнула Ита из дома.

Босс поднялся.

— Ты, Селвин, болтал ерунду, — недовольно сказал он. Ему было неприятно, что этот писака разглядел его почище рентгена.

Твои руки не для революции, — мрачно и упрямо повторил писатель.

— Революции не будет, — твердо обещал бизнесмен. — Успокойся. Я все обдумую.

Серьезно? — с просыпавшимся облегчением спросил писатель. — Ты говоришь правду?

— Все будет в порядке, — обычным, не допускавшим никаких возражений, тоном заверил глава фирмы...

Он уже понял, что летел сюда не напрасно. В этом дворике с горсткой чахлых кустов, над которым тяжело нависло знойное серо-синее небо, в этой лесной тишине, где шелест стрекоз и стрекотание кузнечиков только помогали думать, он нашел выход. В повозку надо было запрячь двух ослов сразу, даже если бы они потянули в разные стороны. Но какой должна была быть для этого упряжь, глава фирмы «SOS» еще не знал...

* * *

Всю вторую половину дня босс озабоченно мерил шагами просторы своих комнат в «Коломбине». Элия, закутавшись в мохнатый плед, полулежала в кресле и от нечего делать крутила по визору старые мюзиклы. Когда очередная кассета подходила к концу, молодая горничная проворно вставляла в аппарат следующую и снова выученно замирала за креслом своей госпожи.

— А какой сегодня день? — вдруг спросил босс.

— Четверг, мой господин, — быстро ответила служанка.

— Бог мой, совсем вылетело из головы! — спохватился Корт. — Элия, собирайся, едем в клуб...

Деловой клуб находился в центре, в относительно

тихом квартале, в окружении полицейских участков, армейских казарм и банков. Он занимал старый трехэтажный особняк с колоннами по фасаду, которому удалось устоять под натиском современных зданий лишь благодаря влиянию и связям именитых членов клуба. Политики, бизнесмены, финансисты, военные, коммерсанты охотно приезжали в этот дом, отгороженный от остального мира надежной бетонной стеной, зная, что здесь их ждут полезные встречи, превосходный обед или просто несколько приятных беспечных часов. В клубе было совершенно безопасно. Оружие непременно сдавалось при входе, а в залах неумоимо прогуливались одинокие молодые мужчины в дорогих костюмах, бдительно следившие за поведением гостей. Едва кто-либо намеревался затеять драку, скандал или даже начинал говорить чересчур громко, эти парни мгновенно оказывались рядом и немедленно водворяли нарушителя в рамки приличного тона.

Посещение дома с колоннами входило в круг непреходящих привычек главы фирмы «SOS». По четвергам Корт здесь обедал. Он никогда не появлялся в клубе в обществе женщин. Но для Элии, сам не зная почему, сделал исключение и вскоре об этом пожалел. «Все-таки самая лучшая жена та, которая сидит под замком», — огорченно подумал босс, заметив, как его новая половина с интересом оглядывала мужчин. Разбираясь в собственных переживаниях, Ген Корт не без удивления обнаружил, что успел привязаться к ней.

— Ты ищешь кого-нибудь? — не скрывая недовольства, буркнул муж. — Не забывай, меня здесь хорошо знают, а ты ведешь себя так, будто собираешься вот-вот сбежать.

— Не сердись. Я ищу отца, — объяснила Элия. — Он бывает в клубе каждый раз, когда приезжает из столицы.

— Я как-то не думал о твоей семье; раз ты была женой Виса — это уже хорошая рекомендация.

— Где уж тебе думать о моей семье! Тебе некогда даже со мной перекинуться словом.

— Слушай, девочка, а с тобой хорошо, — вдруг неожиданно сообщил босс, стараясь не наступить на длинный серебристый шлейф, волочившийся за женой.

Элия остановилась и внимательно посмотрела на супруга.

— Не смейся, Ген, но ты мне тоже очень нравишься.

— Почему я должен смеяться? Я очень рад слышать это.

Элия, отводя глаза, объяснила:

— Сам знаешь, о любви теперь не говорят. Я тоже не хочу казаться старомодной. Как-то случайно получилось...

— Вот что, мы с тобой будем жить, как хотим! — веско проговорил Ген. — В конце концов, я достаточно богат, чтобы иметь такую жену, какая мне по душе.

Они стояли в Мраморном зале клуба. Мимо проходили знакомые. Ген Корт-Младший машинально здоровался, а сам разглядывал жену, будто увидел ее впервые...

— Прошла, кажется, неделя, как мы женились. А я все удивляюсь, какая ты красивая...

— Прошло девять дней, милый! Послушай, зачем мы сюда пришли?

— Ты как будто хотела меня познакомить со своим отцом?

Женщина огляделась. Вдоль полированных серых стен были расставлены мягкие удобные диваны. Но они пустовали. Только у большого камина виднелось несколько человек.

— Отца там нет, — оглядевшись, сказала госпожа Корт.

— Ты не меня ищешь, дочка? — вдруг неожиданно поинтересовался старый джентльмен.

Опираясь на трость, он стоял буквально в нескольких шагах и внимательно рассматривал молодоженов. Под седыми короткими усами старика постепенно оживала улыбка.

— Так вот же папа! — обрадовалась Элия и подвела мужа к старику с тростью.

— Корт, компания «SOS», — чуть склонив голову, представился босс. У старика было на редкость знакомое лицо!

— Знаю, — ответил старый джентльмен и протянул

руку.— Надеюсь, моя наследница вас не обижает? Берегитесь, у нее несносный характер.

— Папа, мы любим друг друга,— краснея, произнесла Элия.

— Любите?— не без иронии переспросил ее отец.— Это что-то новое в наше время. Я рад. Впрочем, если дело дойдет до того, что любовь будет признана категорией подрывной идеологии, я вас заранее поставлю в известность.

Ген настороженно скосил глаза: не слышал ли кто еще этой легкомысленной фразы — могли быть недоразумения.

— Надеюсь, до этого не дойдет,— желая поскорее закончить разговор, сказал Корт.

— Я думаю, до чего дойдет, а до чего не дойдет — сам бог не знает, не говоря уже о нашем президенте...

Бизнесмен оторопел.

— Видите ли, уважаемый господин,— осторожно подбирая слова, медленно произнес он,— подобные рассуждения не приняты в нашем клубе. Они могут быть неправильно истолкованы, и мне не хотелось бы, чтобы у вас возникли осложнения...

Старик беззаботно ухмыльнулся:

— Вся моя жизнь состоит из осложнений. Не беспокойтесь, молодой человек, на этот раз все обойдется. Не буду вам мешать, но при случае непременно загляну в гости или вытащу вас к себе.

— С удовольствием,— ответил Ген, радуясь, что опасная беседа оборвалась.

— Элия, твой отец мог бы попридержать язык!— сразу же сказал Корт жене, как только старый господин, прихрамывая, отошел.

— Не принимай его всерьез. Он вечно шутит.

— Хороши шутки!

— Ему можно. Ты что, его не узнал?

И тут только босс сообразил, что перед ним только что стоял не кто иной, как сам сенатор Дан, глава Особого комитета!

— Узнал,— растерянно сообщил Корт.— Слушай, девочка, не знаю: радоваться или огорчаться?

— Я же говорю — выкинь из головы,— повторила

госпожа Корт, разглядывая туалеты дам.— Папа не вмешивается в мою жизнь.

Бизнесмен помолчал, представив, что сказал бы его новый родственник, узнав о недавнем совещании на островке...

Небольшой, отделанный нестругаными досками зал ресторана был полутемен. На столиках стояли хрустальные канделябры. Пламя свечей колебалось, и по стенам без устали металась тень. Бесшумно сновали официанты. Элия выбрала столик, прятанный в неглубокой нише. Едва гости уселись, как к ним подскочил мальчик в длинном камзоле и завитом парике с косичкой. Он шелкнул зажигалкой, поднес ее к свечам и уступил место метрдотелю, подавшему карточку...

— Слушай, девочка, совсем забыл!— Босс начал рыться в карманах.— У меня же есть для тебя кое-что!

Он достал небольшую черную коробку. Элия открыла футляр. На черном бархате в свете свечей вызывающе заиграл крупный камень платинового кольца.

— Женщины любят всякую мишуру,— как бы оправдываясь, добавил мужчина.

— Бог мой!— воскликнула госпожа Корт.— Это похоже на свадьбу! Ген, ты видел когда-нибудь настоящую свадьбу? Может быть, в молодости или в далеком детстве?

Глава фирмы «SOS» сидел молча, не отвечая. Карточка была у него в руках, но он ее не замечал.

— Ты снова меня не слушаешь,— обиженно проговорила Элия.— Все-таки лучшие мужья — это, наверное, бездельники. У них хотя бы находится свободное время для собственной жены...

— Какой жены?— не поняв, отозвался Корт.— Слушай, девочка, ты не могла бы передать отцу небольшую записку?

— Начинается!— Женщина недовольно сдвинула брови.— У каждого моего мужа непременно находились дела не ко мне, а к моему отцу!

— Что поделаешь,— вздохнул босс, вытаскивая визитную карточку.— Пути господни неисповедимы.

На обороте карточки он мелко, но разборчиво написал: «Уважаемый сенатор, интересы государства требуют моего срочного визита к Вам. Желательно, чтобы сообще-

ние о моем вызове в комитет попало в прессу». Слово «прессу» Корт подчеркнул дважды.

Весь остаток дня Элия не могла надивиться — муж был беспечен, даже весел. А обнаружив в одной из крупных вечерних газет собственный портрет с жирной надписью «В чем виноват Корт?», босс обнял жену и сказал:

— Твой папа — царь Соломон! Он все понял с полуслова.

— Не знаю, какой он Соломон, но я хорошо знаю папу. Как бы ты не пожалел, что сам напросился к нему.

— Не беспокойся. Мы с ним подружимся.

Утром мистер Ген Корт-Младший поспешно умчался в столицу...

* * *

— Ну, молодой человек, зачем я вам понадобился? — спросил грозный сенатор. Он принял Корта стоя, явно подчеркивая, что совершенно не располагает временем и если и удовлетворил просьбу о встрече, так только ради новой родственной связи.

Владельцу фирмы «SOS» понадобилось не более трех минут, чтобы рассказать о намерениях своих необычных клиентов.

— Учтите, что мы с Элией вступили в брак еще до всей этой истории, — закончил Корт заранее обдуманной фразой. — До вчерашнего дня я и понятия не имел, кто у нее отец...

— Очень мило с вашей стороны, — озадаченно ответил старик. — Неплохое дельце вы мне подсунули. Представляете, сенсация: «Сенатор Дан отправляет в газовую камеру своего зятя!» А как я еще могу поступить с компаньоном Национального синдиката?

— Вы полагаете, я должен был отказаться от такого предложения? Хорошим был бы я бизнесменом... Кроме того, сенатор, учтите: устроив охоту за мной, сомнительно, чтобы они пощадили Элию. Более чем уверен, они нас убрали бы вместе.

— Факт, — согласился сенатор. — Эти ребята всегда спешат. Они крайне несолидны. Ну-ка, Ген, усаживайтесь, тут надо серьезно подумать. А вы, я вижу, хитрый парень.

Теперь я понимаю, почему вам потребовалась огласка. Не вы примчались доносить, а я что-то пронюхал и вызвал вас на допрос.

— Естественно! — еще откровенней ухмыльнулся Корт. — У меня и в мыслях не было выдавать затею синдиката. Но вы, как всегда, все знаете заранее...

Сенатор взялся за свою трость, повертел ее, осматривая, нет ли царапин, отложил наконец в сторону.

— Предположим, моя дочь немедленно покидает ваш дом, — проговорил он, раздумывая. — Как вы понимаете, у меня есть возможности уберечь ее от внимания синдиката.

— А что это даст? — возразил Корт. — Национальный синдикат решит, что вы здесь все вытрясли из меня, и изменит планы. В итоге вы, сенатор, остаетесь в неведении, а я уезжаю на какой-то период за границу.

— Допустим. Но возьмем другой вариант. Я затеваю шумный процесс, разоблачаю всю компанию, и вы, вместо заграничного вояжа, попадаете за решетку.

— Шутите, сенатор, — беспечно прервал гость. — В интересах ли правительства связываться с синдикатом? И это за год до выборов президента. Представляю, что он вам скажет.

Сенатор засмеялся:

— Представляю! Но согласитесь: процесс — это довольно заманчивая идея, и к тому же на мою мельницу.

— Какая, к черту, мельница! — не сдержавшись, ответил Корт. — Сенатор, позвольте напомнить — время не ждет. Я ведь сам не знаю многого. Они могут начать в любую минуту!

— Выходит, вам не известно, когда и в какой форме? — вдруг обеспокоился старик. — Признаюсь, Ген, я только сейчас начинаю понимать, насколько это нешуточное дельце.

— Стал бы я вас беспокоить по пустякам. Я думаю следующее: ядерный взрыв, который собирается произвести синдикат, превратить в управляемую реакцию, — предложил Ген.

— Спасибо за совет. Общие фразы я умею говорить не хуже вас.

— Но я ведь могу осуществлять связь между вами и

синдикатом. Если так уж сложилось, что моя фирма оказалась в центре событий...

— Кажется, моя девочка нашла приличного пройдоху,— заметил сенатор.

— Рад за нее,— в тон ему ответил Корт.

— Ловко. Мы тянем канат в одну сторону, синдикат — в другую, а ты стоишь посередине и покрикиваешь: «Ну-ка, ребята, дружно!»

— Сенатор, я могу гарантировать,— поспешно перебил Корт.— Если замечу, что та сторона мошенничает, немедленно вам сообщу.

Старик долго молчал. Корт даже начал нервничать — он понимал, что сейчас, в эти минуты старина Дан принимает решение. Либо он сочтет предложение Корта заслуживающим внимания, либо... От шутника Дана всего можно было ожидать — если понадобится, он и в самом деле в пять минут сунет в концлагерь нового родственника.

— Передайте Элии, что ее новый муж произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем все прежние. Как я понимаю, тут у него кое-что есть.— Политик показал на свою собственную голову.— Теперь поговорим о деталях...

Через час с небольшим господин Ген Корт-Младший вернулся в отель.

Как только двери холла раздвинулись, пропуская хозяина, Элия поспешила навстречу.

— Вы не поссорились с папой?— озабоченно спросила она.— Я тут вся извелась.

Дождавшись, пока створки дверей снова плавно сомкнулись, надежно отгородив от слуг, босс передал жене замечание старого политика.

— Я же говорил, мы с ним подружимся,— прибавил он.

Элия, будто большая ласковая кошка, потерлась о плечо мужа.

— Как я рада, Ген! Считаю, что у меня сегодня праздник. Поедем куда-нибудь, развлечемся...

— Непременно, девочка,— согласился Корт и посмотрел на часы.— Через час-полтора я буду совершенно свободен. Надо лишь выполнить небольшую просьбу твоего отца.

Деловой человек подошел к фону, коснувшись кнопки, вызвал какой-то номер, и на стеклянном прямоугольнике возникла модная красotka с застывшей улыбкой на лице.

— К вашим услугам,— заученно произнесла незнакомка.— Мастера на дом? Адрес? Время?

— Говорит Корт, компания «SOS»,— объяснил бизнесмен.— Я хочу повидать главного мастера.

Женщина на экране быстро проглядела лежавший перед ней листок.

— Разумеется, господин Корт. Сегодня прием до трех. На который час вас записать?

— Я буду без четверти три.

Без двадцати три Корт подъехал к небольшой скромной парикмахерской, оповещавшей о своем существовании яркими неоновыми ножницами, даже днем шелкавшими над входом. Витрины, как и положено, были прикрыты мешками с песком, испещренными рекламными надписями. Если бы не водитель, отлично знавший любую морщинку города, глава фирмы «SOS» ни за что бы не отыскал дорогу в этих тупиках. Роскошный танк, сверкавший лаком и хромировкой, видимо, никогда не появлялся на здешних немытых улочках. Он произвел неотразимое впечатление на мальчишек, безбоязненно слонявшихся по улице.

«Ну и джунгли»,— подумал Корт, проходя в двери салона. Краем глаза он заметил, как из ближайшей подворотни выдвинулись два здоровых парня в черных кожаных куртках.

Мальчишки, по-видимому соблюдая местные нравы, мигом отскочили от дорогой машины на почтительное расстояние.

В зеркальных стенах парикмахерской отражались десятки молодых мужчин, величественно восседавших в креслах. Их задумчивый вид, крепкие плечи, а главным образом, глаза, прямо-таки изливавшие глубокое безразличие ко всему на свете и в особенности к появлению такого шикарного господина, не оставляли никаких сомнений: с наступлением сумерек с этими молодыми людьми лучше на безлюдной улице не встречаться. Заметив, что к нему двинулись пять одинаковых девиц, босс понял, что салон весьма невелик. Просто зеркала были установлены

так, что сразу нельзя было разобраться, кто здесь живой, настоящий, а кто — лишь бесплотное изображение в полированном стекле...

«Умно, — взял на заметку босс. — Идеальное решение при внезапном нападении. Пока агрессор сумеет разобраться, где настоящая цель, его самого изрешетят как сито».

Господин Корт, главный мастер вас ждет, — улыбнулась уже знакомая по экрану брюнетка. Вблизи она оказалась еще ярче.

— Вам бы в кино сниматься, милочка, — не удержался бизнесмен.

— Тогда бы мне цены не было, — засмеялась девушка. — Прошу вас, господин Корт...

Одно из зеркал в глубине салона чуть сдвинулось, обнажив узкий темный проход. Он привел к слабо освещенной площадке с черной дырой коридора, угадывавшегося в полумраке.

— Осторожно, — предупредила спутница и крепко взяла гостя под руку.

Через несколько шагов в узком бетонном коридоре уже ничего нельзя было различить. Несколько раз коснувшись плечом стены, Корт понял: любой, не знавший назубок этого лабиринта, без провожатого не сделал бы шага. В двух-трех местах девица, будто видела в темноте, вдруг останавливалась, протискивалась первой и бережно проводила Корта сквозь такие щели, через которые можно было продвинуться лишь поодиночке. Бизнесмен готов был поклясться, что по пути они миновали несколько постов, таившихся, по всей вероятности, в нишах: проходя, он ощутил сдержанное дыхание и запах табака буквально в двух-трех метрах от себя.

— Не страшно? — через несколько минут спросила провожатая.

— Мне нечего бояться, я ведь приехал не за тем, чтобы вас украсть, — шутливо ответил босс. — Но если честно, с вами в этой дыре приятней.

— Меня специально держат, чтобы я скрашивала эту дорогу, — словоохотливо объяснила девушка. — В наше время нервы у всех стали такими плохими. Многие гости боятся темноты...

Где-то далеко впереди уже тускло светила лампочка,

и Корт решительно двинулся ей навстречу. Скоро он очутился в светлой приемной. Казалось, здесь был совсем иной мир — большая, без окон комната была убрана под старину. У стен, обтянутых дорогим цветастым гобеленом, стояли козетки с гнутыми ножками. На полу, накрывая всю середину просторного помещения, распластался огромный пышный ковер. По углам над высокими китайскими вазами свисали шелковые абажуры светильников.

Вся эта роскошь выглядела особенно великолепно после немного черного подвала, который остался где-то позади.

— Надеюсь, вас не очень затруднила дорога? — раздался чуть насмешливый голос.

Босс обернулся. Рядом стоял элегантный Восточный вождь.

Пропуская гостя вперед, вождь провел его в свой небольшой кабинет. Довольно скромная обстановка, теле-тайп и портативная шифровальная машинка подчеркивали деловитость хозяина.

Корт решил было сразу изложить суть дела, но вождь остановил:

— Вы специалист. Как мои подвалы? — строго спросил он.

— Надежней моих убежищ, — не задумываясь, ответил знаток. — Выдумка с зеркалами просто гениальна. Совершенно исключено нападение полиции...

— Полиции? — Господин Восток вдруг принялся хотать.

Корт с недоумением воззрился на развеселившегося гангстера.

— Ну, Ген, давно я так не смеялся! — наконец сообщил вождь. — Да в радиусе трех километров нет ни одного полицейского! Здесь же моя территория. А в подвале заставляет сидеть обычная деловая конкуренция. Вы же знаете, в моем бизнесе нелегко поддерживать дисциплину.

— О конкуренции я не подумал, — признался Корт. — Впрочем, по-видимому, именно в ней причина нашего свидания. Как вам уже, несомненно, известно, утром я был вызван в Особый комитет. Меня не удивило, что сенатор Дан был осведомлен о нашем совещании. Абсо-

лютную тайну, по-видимому, вообще сохранить невозможно...

— Согласен,— кивнул гангстер, поправляя свой галстук.

— Я огорчен другим.— Корт сделал эффектную паузу.— Сенатор все знает о намерениях синдиката! Абсолютно все!

— И вы, Ген, считаете, что сенатор получил сведения из наших рук?

— Вот именно.— Корт постарался принять обиженный вид.— Можно было бы меня заранее поставить в известность.

— Не думаю, чтобы мои компаньоны снесли с мистером Даном у меня за спиной. Не собираюсь подозревать в доносе и вас: вам известно ровно столько, сколько нам нужно. Хотя все это не имеет никакого значения.

— Но, господин Восток, я рассчитывал на должную искренность в наших отношениях. По-моему, я имею на это право?

— Верно. На искренность, но в разумных пределах. Хватит заниматься лирикой. У вас же отличное положение — вы на середине доски. На одном конце — мы, на другом — сенатор. Что вам еще нужно? Давайте по существу. Чего хочет сенатор Дан?

— Старик не намерен вмешиваться в ваш бизнес. Синдикат вполне уважаемая, хорошо себя зарекомендовавшая система. Разумеется, вы вольны проявлять любую деловую инициативу, какую сочтете необходимой. Но сенатор просит учесть приближающиеся выборы. Он рекомендует воздержаться от критики правительства и в особенности президента.

— Передайте, Ген: критики не будет,— твердо обещал Восточный властелин.— Еще что?

— Сенатор также просил не спешить. Все-таки дело из ряда вон выходящее. В ближайшие два-три дня он намерен провести совещание у Первого...

— Не обещаю!— оборвал вождь.— Вы же сами деловой человек и понимаете, что успех зависит и от сроков. Они там, в столице, будут копать полгода...

— Речь идет максимум о неделе,— продолжал настаивать Корт.

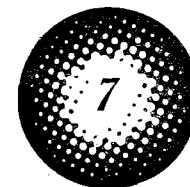
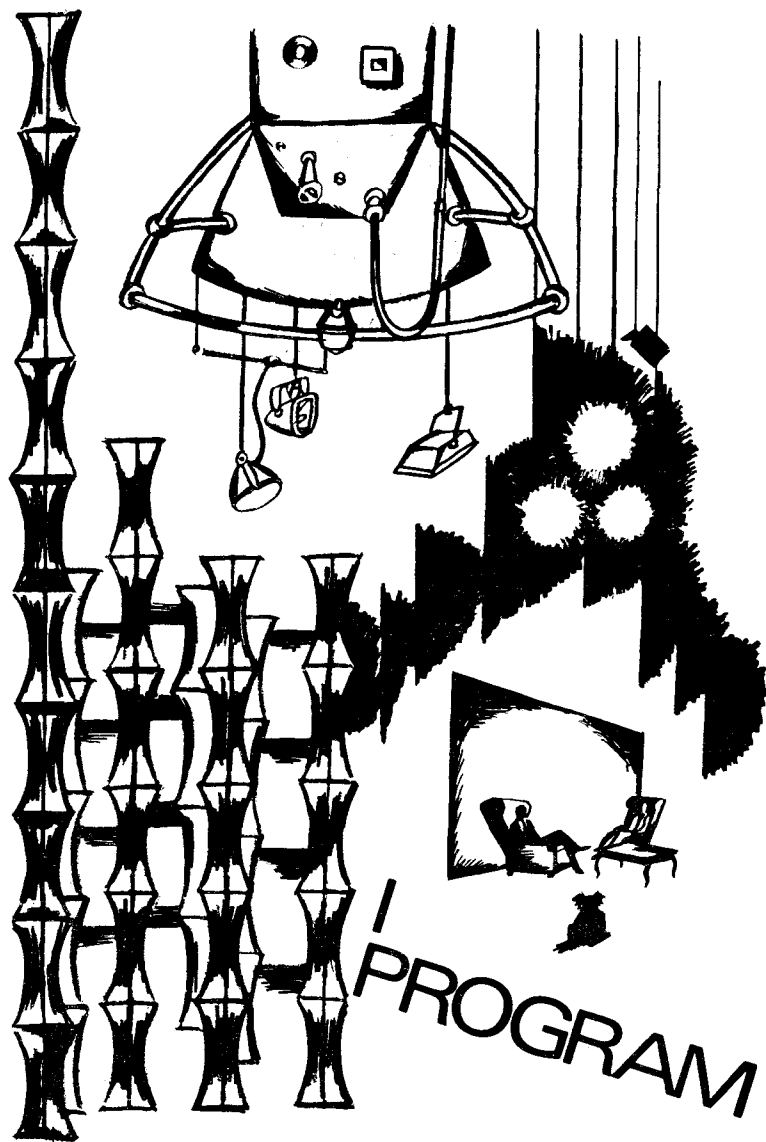
— Я и сам еще не знаю точных сроков. Этот вопрос обсуждается.— Гангстер откинулся в кресле, давая понять, что дальнейший разговор на эту тему считает излишним.— У сенатора были еще вопросы?

— Да нет...— поднимаясь, ответил Корт.— Впрочем, старик долго допрашивал, как все это начнется. Но я не смог удовлетворить его любопытство.

— Существуют разные варианты,— не скрывая улыбки, сказал джентльмен удачи. Он тоже поднялся.— Передайте сенатору, что он узнает, когда мы остановимся на одном из них.

— Надеюсь, он узнает об этом заранее?

Вождь не ответил. Корт понял, что больше ничего в этой конторе вывести не удастся...

Рэм Дэвис, парикмахер из поселения № 1324-ВС, не вызвавший никаких подозрений у Главного компьютера страны и окончательно приговоренный к недельному счастью штатной гадалкой Радиокорпорации Энн, чувствовал себя скверно. Он понимал, что из него быстро и ловко лепят обычного телевизионного болвана — из тех, что несут с экрана несусветную чушь и при этом еще ухитряются сохранять самодовольный, напыщенный вид. Но сделать Рэм уже ничего не мог — дверь студии номер шесть была широко распахнута.

Едва вместе с Джетой избранник появился на площадке, как к нему подлетела размазанная дама в модном полосатом бурнусе.

— Боже милосердный, да у него же слишком толстые губы! — Полосатая закричала так, будто в студии начался пожар. — А нос! Это же черт знает что за нос!

Провинциал смущенно попятился.

— А вы на себя посмотрите! — вдруг весьма запальчиво вмешалась Джета и даже заслонила собой Рэма.

— Это еще что? — громкоголосая дама словно налетела с разбега на столб. — Жена? Не волнуйтесь, душечка, мы вашего парня быстро сделаем красивым. Уверяю, ему пойдут залысины, а нос мы удлиним бакенбардами...

— Эй, оставьте мой нос в покое! — Герой-парикмахер несколько пришел в себя и попробовал было отразить натиск.

— Угомонись, Мари, — поддержал его Блим-Блям, пробегая мимо. — Мне он нужен в натуральном виде.

— Как скажете, — обиженно отозвалась дама и тут же стала сноровисто раскрашивать лицо Рэма гримом.

А сзади на него уже наскочил кто-то другой и, начав стаскивать замечательный желтый пушистый пиджак, завопил:

— Разве это костюм!

Парикмахер, которому предстояло быть Другом президента, ощутил, как на него напаяли какие-то тяжелые звенящие доспехи. Он хотел было взглянуть, что это такое, но гримерша решительно придержала его подбородок.

— Не вертитесь, когда люди работают!

Кругом действительно все суетились. Одни калили Рэма лучами прожектора, другие требовали, чтобы он произнес несколько слов в микрофон. На него кричали, его поворачивали, усаживали, снова поднимали. Потом к нему подкатили высокое зеркало. Он увидел в стекле свое жалкое подобие, упакованное в белый, расшитый блестками камзол, с красно-желтой, измазанной гримом испуганной физиономией, с коричневыми кругами у глаз, с безвольно повисшими руками.

— Джета!— негромко позвал на помощь растерянный счастливец.

Но в суматохе его никто не услышал.

— Господин Блим-Блям, трагедия!— звенел чей-то высокий голос.— Этот тип на двенадцать сантиметров выше президента! Что будем делать?

«Сейчас они мне отрубят ноги»,— совсем некстати подумал парень, но тут же понял, что теперь никакая шутка его не развеселит.

— Нельзя, чтобы он свысока смотрел на Первого!— негодовал где-то рядом тот же голос.

— Меняем эпизод!— скомандовал гений и захлопал в ладоши.— Не стоя, а сидя! Быстро кабинет президента!

— Весь?— испугался подскочивший парень-бутафор.

— Для малого приема!— уточнил Блим-Блям.

«Куда я попал!»— ужасался Рэм, уступая всему этому круговороту, подчиняясь командам и крикам и в то же время понимая, что без этих уверенных, напористых людей он просто бы пропал на залитом светом необъятном просторе студии.

Она была настолько огромной, что выглядела совершенно пустой. От самого потолка, терявшегося где-то

высоко вверх за переплетением решетчатых ферм, до упругого бесшумного пола, устланного большими квадратными матами, свисал тяжелыми бесконечными складками монотонный серый занавес. Он укрывал все стены, и голоса надежно тонули в нем. На юрких тележках с толстыми шинами бесшумно раскатывали операторы. Прильнув к камерам, они занимали выгодные позиции, вполголоса переговаривались с осветителями, а те, сидя за небольшими переносными пультами, мановением кнопок и клавишей повелевали своими приборами, совершавшими в вышине над головами людей сложные маневры, прицеливаясь к пятачку, на котором суетился маэстро.

Блим-Блям давал последние указания. К небольшому полированному столику с резными ножками, украшенными бронзой, рабочие придвинули два тяжелых, обтянутых матовым цветастым шелком кресла. И эти кресла, и столик, и тяжелая, литая из меди пепельница, стоявшая на полу, буквально повторяли один из уголков кабинета, в котором — к чему уже привыкли зрители — Первый обычно принимал иностранных послов, зарубежных деятелей и прочих знаменитых людей. Для полного правдоподобия Блим-Блям приказал в некотором отдалении поставить кремовую пластмассовую панель, расписанную букетами роз,— точь-в-точь как стены в покоях президента...

— Собака где?— неожиданно спохватился маэстро.

— Все в порядке!— отозвался один из помощников.— Собака ждет!

— Осталось семь минут!— вдруг напомнил на всю студию оглушительный, усиленный динамиками женский голос.

Бегом на площадке стала стихать. Рэм почувствовал нарастающее беспокойство — вот уже некоторое время о нем, о виновнике торжества, вроде бы забыли. До встречи с президентом оставалось семь минут, а он не знал, что надо будет делать, о чем говорить, как вести себя, куда пойти.

— Джета!— снова позвал парень, ища глазами свою новую знакомую.

— Здесь, здесь она! Никуда не денется!— успокоил подбежавший Блим-Блям.— Волнуемся! Нервничаем! Переживаем! Одну таблетку, чтобы поднять настроение,

и одну минутку покойного разговора. Все, мой дорогой, будет в самом лучшем виде!

Гений возбужденно сыпал словами, подталкивая гостя к шелковым креслам.

— Садись. Не стесняйся. Привыкай. Осваивайся.

Друг президента осторожно, придерживаясь за подлокотники, опустился в кресло. Металлические блески на камзоле протестующе звякнули.

— Не бойся, не развалится, не упадет.— Гений с размаху бухнулся в соседнее кресло.

На его зов подскочила девушка в зеленом халатике — наверное, имела отношение к медицине — и сунула Рэму кислую таблетку.

— Не глотай. Соси. Вникай. Будет все хорошо. Будет тихо. Будет беседа. Никаких волнений. Никаких переживаний. Никаких опасений. Беспокоиться не надо. Нервничать не надо. Сомневаться не надо.

Рэму вдруг показалось, что и в самом деле незачем волноваться. Блим-Блям — человек знающий, и если он так говорит...

— Нервы надо беречь. Нервы и деньги надо беречь,— бубнил рядом маэстро. Он прямо-таки впился в зрачки Друга президента.— У тебя будет много денег. Все будет замечательно. Все зависит от президента. Постарайся ему понравиться. Очень милый, очень симпатичный человек...

Парень слушал как в полусне — откуда-то доносился журчащий голос. Президент, конечно, милый и обаятельный человек. Шутка ли, специально приезжает, чтобы встретиться с ним, обычным маленьким человеком...

— Подумай, какой сегодня исключительный день! Какая радость для тебя! Какой почет! Через две-три минуты миллионы зрителей сойдут с ума от зависти! Миллионы зрителей будут мечтать, чтобы очутиться на твоём месте! Раньше ты сам смотрел и мечтал. И вот наступил этот день!..

В студии было совершенно тихо. Рэм впитывал неслыхаемый голос специалиста по зрелищам. Как верно он говорил! Как ждал он в своем поселении этого дня! И вот!..

Одна из стен студии вдруг озарилась красным светом. Блим-Блям встал и громко скомандовал:

— Внимание! Начинаем!

Сразу же две девушки-ассистентки подняли Рэма и потащили его куда-то в сторону. Та, что была постарше, все время шептала:

— Господин Дэвис, все будет отлично. Не забудьте поздороваться. Поинтересуйтесь здоровьем. Помните, президент очень, очень загружен. Он изумительный человек! Он очень отзывчив. Он очень простой...

Она говорила и говорила тем же мягким, убеждающим тоном, каким только что с ним разговаривал сам маэстро. И Рэм со всем был согласен. Какое-то незнакомое — возвышенное радостное чувство переполняло его. Ему вдруг вспомнилось далекое беззаботное детство, когда вечерами он ждал у ворот отца, который, приезжая с работы, притормаживал метрах в десяти свою красную малолитражку и весело кричал в открытое окно автомобиля:

— В каком кармане?

— В левом! — загадывал Рэм. И удивительно — никогда не ошибался. У отца непременно оказывалось какое-нибудь лакомство или игрушка...

Рэм не заметил, как погас красный свет и вспыхнул зеленый. Блим-Блям подошел к одной из камер и, глядя в объектив, произнес:

— Добрый день, дамы и господа! Я продолжаю рассказ о новом Друге нашего президента. Представляю, с каким нетерпением вы ждете, что же будет дальше. В эти минуты Рэм Дэвис в столице. Сейчас он подходит к дверям кабинета господина президента. Сейчас, через секунду-другую вы увидите, как руководитель нации пожмет руку обычному простому парню! Подумайте, друзья, на месте этого Дэвиса может оказаться любой из вас...

Блим-Блям оборвал самого себя. Он резко обернулся, будто что-то увидел, а девушки в тот же миг легонько подтолкнули Рэма.

— Идите к столику,— шепнула в спину ему старшая.

Парень послушно пошел. Он шел немного сутулясь, несмело улыбаясь. Он даже не думал: а где же, собственно, сам президент?

Впереди, в двух шагах от тесно сдвинутых кресел, вдруг возникла расплывчатая тень, смутно напоминавшая

силуэт человека. Быстро, скачками, как в кино, когда наводится фокус, она стала резкой, предельно отчетливой — навстречу Рэму двинулся суховатый, подтянутый господин в военном мундире. Остановившись, он провел рукой по френчу, проверяя, застегнуты ли все пуговицы, и добродушно улыбнулся. Рэм сразу его узнал — это был сам президент! Избранник расплылся ответной улыбкой. Он не смотрел по сторонам. Он глядел на самого Первого, самого выдающегося, самого мудрого и самого милого человека...

А в десяти шагах на таком же ярко освещенном прямоугольнике стоял, улыбаясь, Блим-Блям, а навстречу ему шел второй Рэм — сияющий, радостный, но только весь серый, вернее, черно-белый, такой, каким было изображение в допотопном кино.

— Добро пожаловать, господин Дэвис, — негромко и приветливо сказал Блим-Блям блеклому призраку Рэма.

И тут же настоящий Рэм Дэвис, парикмахер из поселения № 1324-ВС, вспотевший от волнения, услышал, как президент звучно, отчетливо, с интонацией, хорошо знакомой всем гражданам, сказал ему:

— Добро пожаловать, господин Дэвис!

— Здравствуйте, господин президент! — радостно откликнулся Рэм. — Не думал я, что вот так запросто вас увижу.

— Ну почему же! Я всегда рад добрым друзьям, — проговорил Блим-Блям в стороне и показал на стул. — Прошу...

— Ну почему же! Я всегда рад добрым друзьям, — послушно повторил президент, которого видел Рэм. Повторив жест Блим-Бляма, он показал на кресло. — Прошу...

Избранник сел и взглянул в лицо своего высокопоставленного друга — вблизи этот поджарый господин выглядел более чем странно: он был почти прозрачен! Нет, Рэм хорошо различал его всего — и руки, и мундир, и шею, и вместе с тем за спиной президента он видел обивку кресла! Но парень не успел ни удивиться, ни испугаться.

— Как добрались, господин Дэвис? — раскуривая старинную трубку, спросил генерал.

— Превосходно! Лучше не надо!

— Послушайте, как-то мы с вами очень официально! — вдруг усмехнулся человек в мундире. — Позвольте мне вас называть просто Рэмом?

— Разумеется, — восхитился парикмахер: глава страны оказался душкой! — Какой может быть разговор?

— А я для вас тоже просто Фрэн.

— Фрэн? Ну что вы, господин президент! — застеснялся молодой человек.

— Да бросьте, Рэм, церемонии...

И незаметно для самого себя новый Друг президента втянулся в спокойный, непринужденный разговор. Свободно откинувшись на спинку удобного кресла, он отвечал на вопросы, сам спрашивал, шутил и очнулся только тогда, когда в студии внезапно погас яркий свет.

— Что случилось? — встревоженно спросил Дэвис. Чувствовал он себя так, будто только что очнулся от глубокого долгого сна.

— А ничего, мой мальчик! — весело крикнул Блим-Блям. Поднявшись со складного стульчика, он сладко потягивался. — Дубль в кармане!

— Какой дубль? В каком кармане? — не понял Рэм.

— Вот в этом! — Гений хлопнул себя по боку.

— А где же господин президент? Куда он девался? — недоумевал парень.

— Вечером снова увидишь своего президента, — непонятно ответил юркий человечек и захлопал в ладоши: — Всем отдых — тридцать минут!

Сразу же студия вновь наполнилась приглушенными голосами. На площадке, где до этого было безлюдно, появились десятки сотрудников. Все в одинаковой синей форме, они сновали, как муравьи. Подошла и Джета.

— Как дела? — не без сочувствия спросила она.

— В голове какой-то туман, — признался Рэм. — И страшно жарко.

— Господин Блим-Блям, можно ему раздеться? — Джета показала на вспотевшего героя.

— Хоть догола! Хотите, ребята, посмотреть, что у нас получилось?

— Конечно! — ответила девушка. — Значит, это была только видеозапись?

— А ты думала, сразу передача, сразу в эфир? Рис-

кованно, милочка. Вот Рэм обвыкнет, тогда другое дело.

По крутой металлической лесенке с поручнями, наминавшей судовой трап, они поднялись этажом выше, прошли за стеклянную стену, отделявшую студию от технических служб, и, поплутав среди помещений с аппаратурой, очутились в небольшом, слабо освещенном зале с матовым выпуклым экраном на всю стену. В глубине, в полутьме, вытянув ноги и упираясь тростью в собственные туфли, сидел седовласый джентльмен с небольшими, аккуратно подстриженными усиками. «Фасон «Ниагара», — подумал Рэм, мельком взглянув на усы. И тут же налетел на спину Блим-Бляма: увидев старика, тот остановился как вкопанный.

— Не ждали? — улыбнулся обладатель усов. — Признаться, маэстро, заедает любопытство. Я через стекло наблюдал сверху, что вы там делаете в студии, и ничего не понял.

— Мы сейчас посмотрим, дорогой господин Дан! — заторопился специалист. — Но это лишь первый дубль, пробный, так сказать. Я сознаю, какая ответственность. Если надо — мы переснимем.

— А вы не волнуйтесь, — доброжелательно успокоил старик. — Посмотрим. Решим.

Джета незаметно взяла Рэма за руку, притянула к себе.

— Не болтай лишнего, — шепнула она.

Парень внимательней посмотрел на старика, но тот спокойно взирал на экран. А через минуту Рэм о нем забыл.

— Можно начинать? — раздался из динамика чей-то голос.

— Начинайте, — приказал Блим-Блям, подсаживаясь ближе к высокому гостю.

Свет погас, и на экране возник Друг президента. Он шел, радостно улыбаясь, приветственно поднимая руку.

— Здравствуйте, господин президент! Не думал я, что вот так запросто увижу вас, — воодушевленно заявил Рэм с экрана.

И тут к нему подошел высокий худощавый генерал. Он тоже улыбался.

— Ну почему же, господин Дэвис? Я всегда рад добрым друзьям.

Весь экран заполнило лицо президента. Добродушно, хотя и немного снисходительно — как и подобает великому человеку, который увидел своего дальнего провинциального родственника, раскрывшего рот от такой неожиданной встречи, — смотрел он на Рэма.

— Здорово! — не выдержав, заметил в темноте сенатор. — Вы, Блим-Блям, волшебник! Фрэн обалдеет, когда узнает, что вы тут творите.

— Сенатор, мы здесь не одни, — осторожно напомнил гений.

— Ничего. С молодыми людьми я еще побеседую.

Джета снова сжала руку Рэма, она сидела рядом. И парикмахер насторожился. Он пытался припомнить, как выглядит этот самый старик, но перед глазами возникли только усики типа «Ниагара». Очень скоро экран снова целиком поглотил провинциала, прибывшего за удачей.

Рэм и генерал сидели друг против друга. Президент неторопливо вел беседу.

— Осмотритесь, Рэм, — говорил он. — Это ведь только кажется, что руководить государством может всякий. Сиди, мол, отдавай приказы...

— Да что вы, Фрэн! — совсем непочтительно перебил парикмахер. — Так могут думать только круглые идиоты! Я понимаю, сколько у вас забот.

— И не говори! — совсем по-домашнему вздохнул человек в мундире. — Утром, поверишь, посмотришь сводку новостей — одна другой хуже, и хочется бросить все, уйти на покой. Мне ведь уже за шестьдесят...

— Фрэн, перестаньте! — горячо запротестовал Рэм. Он даже выставил вперед руки, будто преграждая путь такой несусветной мысли. — О каком покое вы говорите! В вас нуждается вся страна! Да как мы без вас? Нет, Фрэн, другого президента нам не надо!..

Рэм в зале склонился к Джете и тихо сказал:

— Слушай, я совсем не помню, как я нес эту чепуху...

Девушка еще сильнее сжала его руку.

— Замолчи сейчас же! — выдохнула она, чуть не касаясь губами его лица. — Потом поговорим!

— Эй, ребята, ну-ка не шептаться! — из темноты прикрикнул сенатор. — Не мешайте смотреть.

Черная пушистая собачонка на экране обнюхала ноги Рэма.

— Смотри, Рэм, моя Фанни сразу тебя признала, улыбнулся президент — Если бы ты ей не понравился, она бы здесь устроила страшный шум. Ей нравятся только хорошие люди.

— Спасибо. Я ваш друг, значит, и друг вашей Фанни, — совсем уж глупо заявил парень.

— С ума сойти! — засмеялся сенатор. — Блим-Блям, эта Фанни — отвратительная сучка. Она бесится при виде любого чужака. Как вам удалось? Или тоже техника?

— Да нет, сенатор. Просто другая собачонка с покладистым характером. Она здесь, в студии. Я долго обдумывал образ собаки. По Фанни будут судить о хозяине. Я решил, что она должна быть благородна, воспитанна и чуть комична. Не забудьте, среди избирателей — масса людей, обожающих собак.

— Разумно. Я вижу, мне беспокоиться не о чем..

А генерал-президент и его Друг на экране уже договаривались о новой встрече.

Зажегся свет. Все продолжали молча сидеть.

— Ну как? — не выдержал нетерпеливый затейник.

— Не знаю, что сказать, — медлил Рэм, косясь на молчавшую Джету. — У меня что-то было с глазами. Господин президент вблизи выглядел как-то странно...

— Это у тебя от света, — объяснил маэстро и склонился к сенатору: — Мы не считаем нужным всем рассказывать о технических принципах нашей работы.

— Конечно. Все превосходно. Самый что ни на есть вылитый Фрэн. Я полагаю, эта затея может обернуться для вас Большой премией года.

— Спасибо, дорогой сенатор! — восторженно ахнул Блим-Блям. — Я не ожидал, что моя скромная деятельность..

— Перестаньте. Вам еще не вручают премию. Теперь я хочу поболтать с молодежью. — Старик указал тростью на Рэма и его спутницу: — Ну-ка, ребята, идите-ка поближе.

Молодые люди нерешительно приблизились. Джета так и не отпускала руку парня.

— Ты, я вижу, меня узнала, — сенатор показал палкой на девушку

— Я вас не раз видела у нас в «Коломбине»

— Постарайся, чтобы твой новый приятель, — тут

старик протянул трость к Другу президента, — во всем слушался господина Блим-Бляма и поменьше задавал вопросов. Он не пожалеет об этом. И ты, красавица, тоже не пожалеешь. Я подумаю, что для вас можно будет сделать. Но только, ребята, одно условие — не болтать.

— Спасибо, уважаемый господин Дан! — Джета благодарно улыбнулась. — Мы постараемся.

— Джета — отличная девчонка, — сообщил сияющий маэстро. — Она меня уже один раз здорово выручила. Представляете, во время встречи этого парня возле отеля конкуренты чуть было...

— Я видел, — перебил сенатор. Он встал. — Я настоятельно рекомендовал другим компаниям транслировать вашу программу и ни в коем случае не мешать.

— Спасибо, дорогой сенатор! — Блим-Блям побежал провожать старика.

Молодые люди остались в просмотрном зале.

— Господин Блим-Блям, какие будут указания? — спросил динамик.

— Его здесь нет, — ответила девушка.

И сразу же свет погас. Джета осторожно отняла свою руку.

— Ты что? — удивился Рэм, снова найдя в темноте руку своей новой знакомой.

— Это был сенатор Дан, — негромко сказала девушка.

— Ну и бог с ним!

— Тише! О нем ни слова!

— Понимаешь... — молодой счастливчик помедлил, подыскивая слова, — я как пьяный. Я не помню, что было там внизу. Я нес какую-то ерунду. Это были вовсе не мои мысли.

— Помолчи, Рэм! — зашептала спутница. — Говори о чем-нибудь другом. Мы потом потолкуем.

— Не буду я ни о чем говорить. Мне просто хорошо стоять с тобой рядом.

— Ну стой! — облегченно сказала Джета, не отстраняясь.

Через минуту девушка шевельнулась.

— Ох и попадет мне от мадам Софи! Я ведь с тобой уехала сюда без разрешения.

— Не попадет! — вдруг весело отозвался динамик голосом Блим-Бляма. — Сенатор очень доволен. Я сейчас

сообщи об этом твоей мадам. Уверю — она подпрыгнет до потолка от радости.

— Спасибо. А что нам с Рэмом делать?

— А ничего. Я скоро приду, ребята,— засмеялся по радио гений.— Можете пока целоваться, если надумаете...

Джета сразу же отодвинулась от парня...

На прощание Блим-Блям дал последние наставления хорошенькой конвоирше господина Дэвиса:

— Будьте оба готовы к семи. Одень Рэма для вечера. В отеле все уже приготовлено. Сама не забудь о вечернем платье. Мадам Софи — в курсе...

— Ну вы и работаете!— искренне удивился парикмахер.— Я бы за это время не подстриг и троих.

— Стриги лысых — быстрее получается,— убегая, посоветовал радиогений...

В отель молодые люди были доставлены на комфортабельном броневике Корпорации. Уже в нижнем холле на Рэма навалилась слава. Навстречу ему, сменяя цепочку охранников, рванулись любители автографов. Размахивая блокнотами, они жаждали отпечатков пальцев человека, которому так повезло. Рэм неумело прикладывал руку к белым страничкам блокнотов, и на них сразу же проступали синие, красные, черные оттиски.

— Пока мы с тобой добирались, Блим-Блям уже успел показать все в эфире!— догадалась Джета.

Она была права. Сквозь толпу любопытных протиснулась раскрасневшаяся от волнения мадам Софи.

— Поздравляю!— зычно крикнула она прямо в лицо молодому человеку.— Вы говорили с президентом, будто сто лет с ним знакомы!

— Мадам, это было очень просто...— принялся объяснять счастливчик, но девушка решительно его одернула.

— Я вижу, ты уже командуешь!— заявила мадам Софи.— Моя школа!

Она ухватила героя под руку. А кругом безостановочно пощелкивали фотоаппараты, стрекотали камеры. Жаба раздаривала улыбки, будто бы не Рэм Дэвис, а она сама только что побывала у самого Первого. Джета это очень не понравилось. Она ловко втиснулась между Рэмом и своей начальницей и подчеркнуто вежливо спросила:

— Мадам, мистер Блим-Блям попросил быть готовой к семи в вечернем платье. Вы не возражаете?

— Не дури,— продолжая улыбаться, негромко ответила руководительница.— Делай все, что он говорит. При случае замолви обо мне словечко господину Дану. Я все уже знаю.

— Слушаюсь, мадам.

Лифт наконец унес молодых людей от зевак, толпившихся в холле отеля. В кабину охранники больше никого не пустили.

— Рэм, нам надо поговорить,— предложила девушка.

— В лифте?

Спутница не ответила. Но когда они вышли на двадцать четвертом этаже, вместо того чтобы направиться в комнаты, ожидавшие Друга президента, девушка быстро свернула в какой-то темный коридор. Скоро она привела Рэма в грязное, тесное помещение. По-видимому, это был гараж самодвижущихся пылесосов. Трудлюбивые машинки сновали как живые. Одни, повинаясь неслышным командам, выползали в коридор, другие возвращались в свои ячейки. Рэм шагал, высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на работяг. Вслед за девушкой он вошел в комнату с подслеповатым оконцем-люком под потолком. Покоясь на толстом резиновом основании, негромко гудел какой-то мощный мотор. Всюду вились разноцветные трубы. В углу к стене прислонилась обычная древняя лестница-стремянка. Джета остановилась возле нее.

— Куда это ты меня привела?— удивился парень, стараясь не касаться пыльных бетонных стен.

— Это хозяйство моего отца. Здесь шумит насос, и мы можем спокойно поговорить. Не знаю почему, но я не хочу, чтобы ты попал в беду, Рэм. У нас всюду подслушивают, и днем и ночью. И даже, когда ты будешь в постели. Одно неосторожное слово, и можно свернуть себе шею.

— Ты такая красивая!— вдруг сказал парень.

— В твоём поселке, наверное, есть девчонки красивее.

— Что ты!— горячо запротестовал Рэм.— У меня вообще нет никаких знакомых девчонок.

— Об этом потом,— прервала советница.— Слушай дальше. В студии тебе подсовывают какой-то препарат.

Поэтому во время съемки ты и говоришь не то, что думаешь.

— Я больше ничего в рот не возьму!

— Не глупи, Рэм. Блим-Блям сразу поймет, что я тебя предупредила. Он пожалуется сенатору. Ты знаешь, что со мной будет?

Парень сильно прижал к себе Джету.

— Я тебя никому не отдам!

— Не валяй дурака! — рассердилась наставница. — Не отдашь! Может, у меня есть любимый муж! Я же говорю с тобой по-дружески, просто предупреждаю.

Рэм сразу сник.

— Извини, Джета. Я, конечно, дурак. У такой девушки, как ты, разумеется, есть муж.

— У меня их дюжина! Так вот, води себя в студии, как будто мы с тобой ни о чем не говорили. На стереовидении бояться нечего. Там Блим-Блям следит, чтобы все было в порядке. А вот в других местах, особенно здесь в отеле, в своих комнатах, в ванной, в ресторане, всюду думай, когда говоришь. Никакой политики, а то сгоришь. Понял?

— Понял, — хмуро ответил Рэм. — Странно все это. Я у себя дома стриг, брил, завивал, смотрел визор и считал — у вас здесь жизнь шик и блеск. А мы с тобой стоим в каком-то чулане, шепчемся, даже страшно становится. Меня вытащили, делают из меня чучело, и еще молчи обо всем этом...

— Дурачок ты, Рэм! У тебя будет такая слава, которая никому и не снилась! А если у человека есть голова, можно здорово сыграть на этом!

— Наверное, у меня нет головы.

— И в самом деле ее почти не видно, — совсем развеселилась Джета. — Придется мне за тебя думать, не возражаешь?

— А твои мужья тебе позволяют? — Рэм глядел в сторону.

— Мужья? И вправду, Рэм, ты дурачок! Нет у меня никаких мужей! Да если бы я подружилась с каким-нибудь парнем, мадам Софи меня бы выставила!

— Ей-богу, выставила бы! — просияв, сообразил Рэм. — Как это я сразу не понял? Да здоровствует твоя мадам! Слушай, ты, кажется, ко мне хорошо относишься?

— Кажется, — неопределенно ответила девушка

— Не сердись, но можно, я тебя поцелую?

— Настоящий мужчина никогда об этом не спрашивает! — заявила Джета и направилась к выходу

— Вот и пойми тебя, — растерянно говорил сзади Рэм. — То сердись, что я до тебя дотронулся, то говоришь — надо без разрешения...

— Так я же женщина! Идем, нас, наверное, уже ищут

Их в самом деле искали. Сотрудники охраны носились по этажам. Главный детектив стоял у дверей комнат господина Дэвиса и очень переживал: не хватало, чтобы в мирных стенах «Коломбины» с Другом президента что-нибудь стряслось! Завидев приближавшихся молодых людей, агент бросился им навстречу. На его физиономии, обычно лишенной всяких эмоций, на этот раз пылала бурная радость.

— Где вы пропадали! — еще издали закричал сыщик. — Я думал, меня хватит удар!

— Господин Дэвис попросил показать ему отель, — соврала девушка. Она посмотрела на Рэма, как бы призывая его в свидетели. — Мадам Софи приказала мне выполнять все пожелания господина Дэвиса и господина Блим-Бляма.

— Впредь — никуда без охраны! — предупредил не приметный человек и подозрительно поглядел на Джету. — Ты что, первый день служишь в отеле?

— Слушаюсь. Никуда без охраны. Нам можно идти?

Агент кивнул.

— Обошлось, — с облегчением сказала девушка, когда они с Рэмом вошли в номер и двери плотно затворились.

— А что это ты так перепугалась?

— Перепугаешься! Этому типу достаточно слово сказать, и меня вышибут из «Коломбины»

— Что значит вышибут? Я попрошу господина Блим-Бляма...

— Ты попросишь! Ты ведь король на час Забыл, что через семь дней у президента появится новый приятель, а ты укачишь в свою провинцию?

— А если не укачу?

— Оставь, Рэм. Давай лучше обедать

Джета подошла к большому столу, стоявшему в центре комнаты, отодвинула два стула.

— Садись, — предложила она.

Рэм сел и в недоумении посмотрел на пустой стол.

— Дальше что?

— Как что? — в свою очередь удивилась Джета. — Неужели ты хочешь пойти в ресторан?

— Где ты, там и я.

В комнате послышался негромкий щелчок. Рэм увидел, как массивная решетка, которую он принял поначалу за обычный кондиционер, поднялась, обнажив нишу, напоминавшую чрево холодильника. Из нее выехал столик на колесиках и двинулся к обеденному столу. Крышка столика и сетчатый ящик под ней были уставлены тарелками, судками, бокалами.

— Вот это да! — восхищенно отметил провинциал.

— Ты что, никогда не видел? Обычный лифт из ресторана. Номера люкс обслуживают автоматы. Как правило, тот, кто живет в таком номере, терпеть не может, когда кругом болтается чужая прислуга. Автоматы меньше действуют на нервы. Не спорят, не пререкаются, не бастуют...

Джета быстро накрыла на стол. Но пообедать им не пришлось. Вдруг засветился прямоугольник фона, и в рамке появилось изображение взволнованного маэстро. Он был в тяжелом пуленепробиваемом жилете и в металлической каске.

— Обедаете? — быстро начал Блим-Блям. — Это хорошо, но не нужно. Все переменялось в самую лучшую сторону! Еду за вами. Ждите внизу.

Минут через десять под раскидистый козырек парадного входа «Коломбины» подкатил знакомый броневик. Из открывшейся дверцы молодым людям энергично замахал знаток.

— Бегом, ребята!

— Куда мы? — спросил Рэм, когда они с Джетой устроились на заднем сиденье.

— На Центральный вокзал! — не отвечая, приказал Блим-Блям водителю и повернулся к спутникам: — Ну, детки, дело принимает восхитительный поворот. Звонил господин Дан. Едем срочно в столицу!

По броне экипажа вдруг застучало дробно и оглуши-

тельно, до звона в ушах. Кто-то, видно, взял их на мушку тяжелого пулемета.

— Гони! — в страхе взвизгнул гений и скатился на пол машины.

Водитель, рванув руль, заложил такой крутой вираж, что девушка, скользя по сиденью, сильно прижалась к Рэму. А парень, вместо того чтобы испугаться стрельбы, вдруг стал ее целовать.

— Посмотрите на них! — изумленно воскликнул специалист по обработке голов. Он все еще сидел на полу. — Я думал, нам крышка! А они обнимаются! Ну и нервы у вас, ребята!

— Пусти, Рэм, — попросила девушка. — А ты, оказывается, не из трусливых.

— Нет, вообще-то я боюсь. Но когда ты оказалась так близко, я забыл об опасности. Ну и осточертела мне эта Национальная традиция!..

Джета сразу же толкнула его и молча, глазами, показала на невозмутимого водителя. Рэм прикусил язык.

— Ребята, а вы мне сейчас подкинули идейку! — объявил гений и, снова взобравшись на сиденье, стал придиричиво рассматривать молодую пару. — Ей-богу, в этом есть смысл...

Блим-Блям не стал объяснять, в чем он узрел смысл.

Машина, снизив скорость, подземным туннелем выбралась на платформу и остановилась у серого обтекаемого вагона, напоминавшего фюзеляж воздушного лайнера. Рэм первым выбрался из броневика и с интересом оглядел подземный поезд — на этой новинке ездить ему еще не приходилось...

Минут через двадцать они прибыли в столицу. Столичный вокзал подземки ничем особенным не отличался. Та же, что и всюду, реклама лепилась по стенам. Те же стандартные надписи: «Сорить и стрелять воспрещается!» Та же форма у полицейских, бдительно гулявших по перрону. Единственное, что насторожило Джету, — это молчаливая шеренга солдат, выстроившихся вдоль вагонов.

— Опять кого-нибудь ловят, — вслух подумала девушка.

Но она ошиблась. Военные встречали господина Блим-Бляма. Элегантный офицер пожал руку знаменитости, не скрывая своего любопытства. Узнав, что дальше они едут

в сопровождении такого надежного эскорта, Блим-Блям пожалел, что напрасно напялил жилет и шлем.

Через тридцать минут транспортер доставил маэстро и его спутников на загородную виллу. Первым, кого они увидели, был здоровенный хмурый человек с кривым перебитым носом — наверное, в прошлом боксер. Весь его вид и не улыбочивый, подозрительный взгляд не оставляли никаких сомнений: это был агент охраны.

— Пошли,— коротко пригласил он гостей и повел их к одноэтажному павильону со стенами матового стекла. Сразу за дверью открылось помещение, напоминавшее раздевалку стадиона или какого-нибудь другого спортивного сооружения. Около входа стояла прочная решетка из стальных прутьев.

— Оружие есть?— спросил охранник.

— Есть!— решительно ответил Блим-Блям и вытащил из кармана небольшой пистолет.

— Также мне оружие!— На лице здоровяка промелькнула тень, отдаленно напоминавшая улыбку. Забрав пистолет, агент подошел к высокому турникету, надежно преграждавшему путь.— Жетоны!— потребовал он.

Вытащив свой нашейный знак, первым к перегородке подошел Блим-Блям. Малый из охраны взял его жетон и вставил в едва заметную щель низкого металлического столбика, установленного перед турникетом. Цепочка у маэстро оказалась короткой, и ему пришлось покорно согнуться перед контрольным прибором. Раздался мелодичный звонок. Турникет повернулся, пропуская специалиста. За ним, поочередно задержавшись у столба, прошли молодые люди. Последним проследовал агент. Свой жетон он носил на длинной цепочке, привязанной к поясу. Ему склоняться не пришлось.

За перегородкой страж показал на узкие пронумерованные дверки.

— Господин Блим-Блям — кабина номер два, господин Дэвис — кабина номер четыре. Девушка пойдет в третью кабину.

Джета послушно направилась к дверце, на которой была нарисована тройка. В небольшой комнатке, необычайно светлой из-за сплошной стеклянной стены-перегородки, ее встретила высокая плотная женщина в полувойенной форме.

— Оружие есть?— повторила она вопрос.

— Нет,— ответила Джета, оглядываясь.

В комнатке ничего, кроме небольшой скамьи и стенового шкафа, не было.

— Раздевайтесь,— приказала дама, имевшая отношение к охране.

— Зачем?

Женщина, не отвечая, взглянула так, будто хотела сказать: ты что, порядка не знаешь? Джета скинула куртку, блузку.

— А брюки тоже снимать?

— Все снимать!— холодно повторила охранница и сунула Джете цветную тряпку.— Держите купальник.

— И это все?

— Может быть, прикажете подать норковое манто?— коротко ответила служительница и рывком распахнула дверь.

Перед дверью уже топтались растерянные Рэм и Блим-Блям. Оба они были в полосатых трусиках с помочами. Вид у гения оказался настолько потешным — маленький, худой, с впалой грудью, поросшей черной курчавой шерстью, он вдруг напомнил Джете юркую смышленную обезьяну,— что девушка невольно улыбнулась.

Провожатый привел их в обычный душ. С потолка хлестал безостановочно теплый ароматный дождь.

— Всем быстро вымыться!— приказал агент.— Президент уже ждет.

Затем гостей провели в просторный зал с бассейном. Вокруг воды желтел мелкий просеянный песок. Только в одном месте вниз вели широкие мраморные ступени, утопавшие в воде. Посреди бассейна плескалась полная интересная дама с массивным ожерельем на шее и в прозрачной шапочке, охранявшей прическу.

— А вот и наши новые друзья!— весело провозгласила купальщица и высунулась из воды по пояс.

— Фрэн, посмотри, какая симпатичная девочка!— крикнула дама, и Джета поняла, что это была жена президента.— Господин Дэвис и ты, девочка, идите ко мне, а нашей знаменитости, я уверена, будет интересней с мужчинами.

Тут только девушка из «Коломбины» заметила, что в стороне, на большой пятнистой шкуре, сидят трое мужчин.

Она узнала сенатора Дана и самого президента. Третий — тучный пожилой человек с животом, вывалившимся из трусов, — был незнаком.

— Девочка, да перестань стесняться! — громко посоветовала первая дама страны. — Смотри под ноги, а то поскользнешься и шлепнешься. Фрэн, взгляни, она стесняется!

Джета еще больше смутилась.

Друг президента тоже был не в своей тарелке. Он осторожно вошел в воду и нерешительно приблизился к хозяйке дома.

— Для нас все так неожиданно.

— Это твоя подружка? — спросила жена президента, рассматривая Джету.

— Да, уважаемая госпожа. Если бы не она, я бы пропал в студии. Господин Блим-Блям так брызжет словами, не успеваешь поворачиваться...

— Я бы не сказала. Ты очень неплохо выглядел во время передачи. Фрэн очень доволен. Он считает, что вот такие, как ты, преданные, верные люди и нужны нации.

— Спасибо. Все это очень почетно...

Дама улыбнулась.

— Детки, давайте сразимся! Кто первым доплывет до другого края бассейна! Покажи-ка, Рэм, на что ты способен! — Она игриво хлопнула парня по плечу...

Мужчины сдвинулись, освобождая Блим-Бляму место на шкуре.

— Всегда радуюсь, когда вижу вас по визору, — любезно сказал президент, поправляя полотенце, которым была обмотана его голова.

— Спасибо, господин президент, — ответил удачливый продюсер.

— Сенатор мне рассказывал об ослах, которые чуть было не загубили вашу новую чудесную игру.

— Если бы не сенатор — все пропало бы! — Блим-Блям благодарно взглянул на улыбавшегося старика.

— Если бы не сенатор, пропала бы не только ваша затея. Вся нация пропала бы, — улыбнулся и президент.

— Ладно, Фрэн, — отозвался сенатор Дан. — Перейдем к делу. Вот что, наш уважаемый Блим-Блям, есть серьезная задача. Но прежде познакомьтесь — начальник объединенных штабов, генерал Эсли.

Тучный мужчина вяло пожал руку Блим-Бляма.

— Сегодня Фрэн подписывает распоряжение о дополнительных ассигнованиях на нужды обороны. Как всегда, кто-нибудь начнет ворчать, протестовать, митинговать. Мы хотим, чтобы ваш парень поддержал эту идею.

— Хорошо было бы вечернюю вашу программу построить вокруг этой темы, — промолвил генерал Эсли. — Парень мог бы поговорить о значении патрульных полетов спутников, о жертвах ради свободы, о чести — о чем угодно. Важно сделать так: президент сомневается, подписывать декрет или нет, а ваш парень его уговаривает, настаивает, и в конце концов Фрэн не выдерживает...

— Точно! Я не выдержу и подпишу, — согласился президент. — Это будет весьма убедительно: простой гражданин отлично понимает интересы нации...

— Все понятно. Будет сделано, — ответил специалист. — Вы желаете, чтобы кто-нибудь еще присутствовал при встрече Рэма с господином президентом?

— Это ваша кухня, — ответил сенатор. — Как знаете...

— Может быть, генерал Эсли будет присутствовать?

— Ни в коем случае! — встрепнулся начальник штабов. — Зрители, когда меня видят, выключают визоры. Раз армия, либо опять неудачи, либо опять деньги...

— Слушаюсь, — сказал Блим-Блям. — Этот парень прост и прям, как деревянная линейка. С ним легко работать. Все будет в самом лучшем виде...

Из воды неся визг — первая дама отличалась веселым нравом.

— Как бы Лиз его там не утопила до передачи, — шутливо обеспокоился Эсли.

— Моя Лиз дело знает, — ответил президент. — Эти ребяташки будут очарованы.

Жена президента и в самом деле уже, видно, успела сдружиться с молодыми людьми. Они с Джетой нападали на Рэма. Парень отбивался и хохотал.

— Друзья, а вы сегодня обедали? — вдруг спохватилась Лиз.

— Почти, — признался Рэм, отплыв на безопасное расстояние. — Мы с Джетой собрались было, но господин Блим-Блям поднял из-за стола...

— Так что же вы молчите! Идемте скорей!

Взяв гостей за руки, жена президента потащила их

из воды. Веселая компания устроилась на пушистом белом ковре у огромного серебряного подноса, уставленного вазами с фруктами, блюдами с бутербродами, графинами. Судя по количеству приборов, на белом ковре должны были появиться и мужчины. Но они не спешили.

— Есть еще одно дело,— негромко сказал сенатор.— По нашим сведениям, в самое ближайшее время в стране произойдут беспорядки. Речь идет о Национальном синдикате...

Физиономия гениального человека заметно посередела — Блим-Блям вспомнил недавнюю странную беседу в поезде. Но сенатор по-своему оценил испуг маэстро.

— Не беспокойтесь. Вас это не коснется. Я принял меры — и вас, и этого парня будет охранять армия. Нам надо, чтобы вы срочно увлекли граждан какой-нибудь помпезной штукой. Понимаете задачу? Отвлечь их в эти дни. Закатить спектакль, что ли...

— Праздник какой-нибудь,— подсказал президент.— Шум, ракеты, музыка!

— Свадьба не подойдет?— быстро нашелся Блим-Блям.— Мы сто лет уже не закатывали ничего подобного. Подарки, тысяча гостей, фейерверк, разумеется. Посвятить этому пяток передач...

Президент уважительно посмотрел на специалиста:

— Свадьба, кажется, довольно ловкий ход. Признаться, я уже и забыл, что когда-то был такой обычай. Главное, покрикливей.

— За криком дело не станет!— Блим-Блям клятвенно прижал руку к волосатой груди.

— А кого, собственно, женить?— спросил генерал Эсли.

— Зачем далеко ходить?— Гений показал на молодую пару, расположившуюся на белом ковре. Под руководством веселой Лиз Рэм и Джета энергично опустошали поднос.— Этих ребят и женим.

— Вы уверены, что они согласятся?— усомнился Эсли.

— А кто их, собственно, будет спрашивать?— ответил комбинатор.

— Дан, я думаю, лучше все отдать в руки господина Блим-Бляма.— Президент по привычке провел рукой по тем местам, где полагалось быть пуговицам мундира.— Он в этом деле смыслит больше нас.

— Разумеется, Фрэн. Ты, кстати, не забыл о Большой премии года?

— За особые заслуги в области искусства она единогласно присуждается господину Блим-Бляму!— торжественно объявил президент и поднялся.

Специалист тоже вскочил. Президент пожал руку онемевшему от восторга человечку в полосатых трусах.

— По рюмке бренди по такому случаю!— провозгласил, поднимаясь со skóry, сенатор.

— По две!— поддержал Эсли.

Так и не окупившись в бассейн, новый лауреат Большой премии года направился вместе с государственными деятелями к серебряному подносу...

Блим-Блям свое слово сдержал. Вечером генерал-президент, похрустывая солеными орешками, с удовольствием смотрел передачу. Он смотрел на самого себя, склонившегося в раздумье над листом бумаги. Смотрел на своего дружка-парикмахера, горячившегося, хлопавшего себя по колену, даже подскакивавшего в кресле. Время от времени с экрана на зрителей взирали честнейшие, наивнейшие глаза Дэвиса. Они молили поверить, прислушаться. Они убеждали сильнее слов.

— Чудесный мальчишка!— заметила первая дама государства.— Фрэн, ему невозможно отказать. Я бы на твоём месте подписала эту бумажку.

— А я уже подписал,— ответил президент.

Но Блим-Блям старался на совесть. И президент на экране визора долго еще сопротивлялся. Два или три раза он даже откладывал ручку, но парень упорствовал. Он сыпал словами, просил, убеждал, доказывал. Он снова и снова подсовывал ручку, и глава страны в конце концов сдался. Зрители увидели его четкий, решительный росчерк под документом. Теперь их собственные карманы существенно облегчались в пользу армии. Но размышлять было некогда — Блим-Блям своим зрелищем уже тащил дальше.

Рядом с президентом и его Другом в кадре возникла уже знакомая девчонка из «Коломбины». На руках она держала высокопоставленную собачонку. Строгий государственный муж, только что ломавший голову над важной финансовой проблемой, мигом преобразился в пожилого добряка.

— Джета, а твой парень что надо!— произнес он, обращаясь к девушке.— Так налетел на меня, старика...

— Господин президент,— лукаво улыбнулась Джета,— а ведь Рэм вовсе не мой. Обо мне он и не думает...

Молодой парикмахер на весь экран расплылся глупейшей улыбкой — откровенной и ласковой, и зрителям стало совершенно ясно, что эта красotka уже успела накинуть на него невидимые, но прочные поводья...

Когда наконец свет в студии перестал буйствовать, Рэм долго неподвижно сидел опустив руки.

— Эй, парень, что с тобой?— окликнул Блим-Блям.

— Не трогайте его,— попросила Джета, стирая ватой грим.— Кажется, маэстро, нас вместе с вами ждут большие неприятности. Эти новые деньги армии... Многие зрители будут вне себя...

— Не дури, киска,— посоветовал гений.— Считай, что на твоём счету уже десять тысяч монет. С ними неприятности легче кушаются.

— Спасибо, господин Блим-Блям.— Девушка решила не продолжать разговор.— Нам можно уехать?

— До десяти утра вы свободны,— разрешил специалист и помчался по студии, разбрасывая по сторонам короткие четкие приказания.

Увидев, что первым у входа в «Коломбину» их встретил детектив, Джета окончательно утвердилась в своих предположениях.

— Ребятишки, быстро за мной!— приказал агент и, расталкивая зевак, собравшихся под безопасным козырьком отеля, потащил телевизионных героев в здание.

— Случилось что-нибудь?— спросила на бегу девушка.

— Еще нет, но вполне может случиться,— не оглядываясь, ответил сыщик. Служебное рвение так и выплескивалось из него.— Теперь вас надо стеречь пуще алмаза.

— Почему это?— не понял Рэм.

Охранник не успел ему ответить. Высокий парень в очках, стоявший у самых дверей, вдруг размахнулся и влепил провинциалу размашистую пощечину.

— Это тебе за заботу о нашем бюджете!— крикнул очкастый.— Сколько ты получил за это, подонок?

Полицейские энергично навалились на парня и, выкручивая ему руки, поволокли из толпы.

Схватившись за щеку, Друг президента спешно укрывлся в отеле.

— Вот видите, господин Дэвис,— радостно сказал ему детектив,— рядом с вами теперь не скучно! Только успевай оглядываться.

К нему подбежал взволнованный помощник и что-то зашептал. Склонив голову и вытянув шею, Главный детектив отеля внимательно его выслушал.

— Нет, это просто чудесно!— наконец сообщил он, повернувшись к молодым людям.— Ну и повезло нам с вами! Ваш двадцать четвертый этаж, господин Дэвис, уже горит! Кто-то поджег в знак благодарности!

— Почему это вам с нами повезло?— нахмурилась Джета.

— Повезло всем нам! Для вас — реклама лучше не надо! А мне на таких птицах, как вы, легко сделать карьеру! Мне уже звонил сам сенатор Дан! Шутка ли, сенатор звонил! Вы не волнуйтесь, в отеле с вас не упадет и волосок. Если вас продырявят где-нибудь на улице — это другое дело...

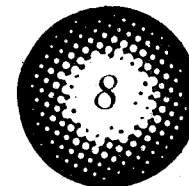
Страж привел Рэма и его спутницу на третий этаж. Джета знала, что здесь почетных гостей никогда не принимали — слишком уж скромные номера.

— Придется вам побыть в моих помещениях,— объяснил агент.— У меня полный покой. Курорт.

У одной из дверей стоял могучий малый в штатском. По привычке расставленные ноги-тумбы и белая кобура, оттягивавшая пояс, безошибочно выдавали полицейского.

— Мы и мухе не дадим к вам взлететь!— заверил детектив.

Страж в штатском важно выпятил челюсть, давая понять, что мухам, рискнувшим нарушить уединение господина Дэвиса и его подруги, не поздоровится...

Ген Корт хорошо понимал, что неожиданное приглашение к Восточному лидеру вызвано какими-то чрезвычайными обстоятельствами.

Путешествие по подземелью показалось деловому человеку более коротким, чем в предыдущий раз. Завидев тусклую лампочку, Корт уже хотел было свернуть к двери, которая вела в приемную, но проводница решительно повела гостя дальше, и скоро они очутились перед эскалатором, бесшумно уносившим свои ступени куда-то вверх.

— Что-то новенькое, — удивляясь, заметил вслух бизнесмен.

Эскалатор вынес их в просторный холл. Широкий проем в стене открывал вход в огромный зал с мраморными колоннами, с великолепными хрустальными люстрами, ошеломлявшими своими переливами, с неправдоподобно блестящим паркетом, на который, казалось, стоило ступить, чтобы тотчас поскользнуться. В зале было множество гостей — все в строгих вечерних туалетах. Дамы с такими камнями в кулонах, в серьгах, каких Корт не видел и на правительственных приемах. Владелец фирмы поймал на себе несколько удивленных, если не презрительных взглядов. С досадой он вспомнил, что приехал в обычном костюме, к тому же еще порядком измятом и уж никак не соответствовавшем такому приличному обществу.

«Не мог предупредить, — недовольно подумал о саванном гангстере босс, — а может, специально хотел ткнуть носом: вот, мол, мы какие?..»

Решить эту задачу он не успел.

— Не огорчайтесь.— Восточный лидер подошел незаметно.— Я не предупредил о форме одежды, потому что уверен, у вас не возникнет желания остаться с нами. Скорее всего, вы немедленно броситесь к сенатору Дану.

— Вы приготовили ему сюрприз?— поинтересовался босс.

— Сегодня премьера. Рюмку бренди?

Корт кивнул. Около компаньонов мигом возник интеллигентного вида человек в ливрее. Лакей хорошо вышколенным жестом подал поднос, на котором высились изящные рюмки.

— Здесь мой командный состав,— пояснил вождь.— Мне предстоит сегодня выступить перед ними с докладом о новых задачах.

К лидеру один за другим подходили его приближенные.

Он дружески улыбался, пожимал руку, успевая представить каждого.

— Познакомьтесь, госпожа и господин Чейз. Господин Чейз заведует отделом банковских грабежей. Господин Мит— руководитель управления уличных инцидентов. Госпожа и господин Полонски. Он опекает мир искусства.

Ген внимательней взглянул на могучего верзилу с нахальной физиономией, ясно предвещавшей любому представителю искусства, что ему предстоит хлебнуть горя, если он вздумает перечить Национальному синдикату.

— Господин Икни с дочерью.— Лидер представил толстяка с бритой головой, которого сопровождала высокая зеленоглазая красавица.— Это мой директор по кадрам...

Бизнесмен вдруг заметил, что у одной из стен на возвышении стоит модный, отделанный бронзовыми завитками визор. Его огромный выпуклый экран плескал красками. Гости, поглядывая на часы, собирались к нему.

— Кажется, что-то важное?— удивленно спросил Корт.

Не отвечая, вождь увлек его за собой. Они прошли за тяжелую портьеру, отделявшую от зала нечто вроде

ложи. В нише их поджидали два кресла и маленький переносной визор, стоявший на низком столике.

В рамке аппарата Блим-Блям чуть ли не насильно тащил растерянную пару: парня и девушку к узкому железному ящику, который был разрисован аляповатыми, как будто распустившимися в прошлом веке розочками.

— Не робейте, ребята! Смелее!— громко кричал маэстро, подталкивая героев своей новой популярной передаче.

Окружавшие статисты, девушки из «Коломбины», оркестранты хохотали, осыпая молодых стучавшими пластмассовыми цветами...

— Чушь!— не выдержал Корт.— Я, когда вижу этого клоуна, переключаю на другую программу. Смотреть на него не могу!

— Потерпите минуту,— попросил вождь.— К тому же серия «Друг президента» идет по всем программам. Думаю, тут не обошлось без сенатора Дана, он всегда заботится о развлечениях нации...

Визор вдруг очень тревожно и дробно застучал барабаном.

Это Блим-Блям уже заставил молодых людей сунуть свои жетоны в автомат. Они стояли, покорно согнувшись перед роботом.

И тут сбоку на экране неожиданно появился решительный малый, лицо которого было очень знакомо бизнесмену.

Делец придвинулся к аппарату, чтобы лучше разглядеть этого человека.

— Наш Пит,— подсказал гангстер.— Ему можно доверять важные поручения.

Корт тут же сообразил, что это тот самый Пит, который первым известил его о заказе Национального синдиката. Но тогда он был, кажется, в полосатом костюме.

— Смотрите,— не скрывая возбуждения, проговорил лидер.— Дальше все должно пойти по моему сценарию!..

Брачный автомат, выплюнув жетоны, отпустил молодых людей. Они облегченно выпрямились. Грянул оркестр, и в руки Блим-Бляма ящик выкинул плотную карточку брачного контракта. Гений высоко поднял ее, но ска-

зять ничего не успел. Высокий Пит одним движением руки отстранил его.

— Госпожа и господин Дэвис!— громко заявил он.— Первым вас поздравляет с законным браком Национальный синдикат!

— Кто?— отшатнувшись, переспросила юная госпожа Дэвис. В страхе она ухватилась за рукав только что приобретенного мужа.

— Национальный синдикат!— еще громче повторил человек, которому, по словам лидера, можно было доверять важные поручения.— Примите наш подарок, друзья! Господин Дэвис, придется вам его взять самому — он весьма тяжеловат...

Тут гангстеру кто-то из окружавшей толпы подал массивный тусклый желтый ларец. Пит с усилием приподнял его — это был визор в необычном золотом футляре.

— Золото!— воскликнул Блим-Блям.

— Совершенно верно, уважаемый маэстро,— подтвердил Пит, передавая ящик опешившему молодому.— Это золото. Советую вам немедленно его включить!

Рэм неловко подхватил ящик. Гангстер тут же нажал на кнопку. Экран необычного визора осветился. Широко расставив ноги, двумя руками ухватив аппарат, Друг президента растерянно и недоуменно смотрел на высокого человека.

— Не на меня надо смотреть,— подсказал ему решительный человек.— Смотрите на экран. Вас это тоже касается...

Изображение мигнуло, на мгновение стало тусклым, серым. И вдруг в центре кадра Корт увидел какую-то желтую шевелившуюся точку. Она быстро росла, уже можно было разглядеть выпуклый желтый крест. Будто живой, он полз и полз из визора. И звучно, низко гудел густой, виснувший в воздухе колокольный звон. Корт даже немного отодвинулся — настолько осязаем и неприятен своими паучьими движениями был этот отвратительный желтый крест.

Но вот он замер, согнув свои лапы в четкий рисунок свастики...

— Дамы и господа! На минуту оставьте все дела и заботы! К вам обращается великий Национальный синди-

кат! — торжественно объявил уверенный бас.— Национальный синдикат говорит всей нации!..— настойчиво повторил голос.

«Ну и реклама!» — не без зависти подумал деловой человек.

На экране во весь рост молча стоял человек с фигурой атлета. В первый момент глава фирмы «SOS» даже не понял, как он выглядит. У человека не было лица! Был только рот — властный, жесткий, с плотно сжатыми губами,— настолько жуткое, непонятное зрелище, что от него невозможно было оторваться. Губы наконец шевельнулись.

— Господин президент, господа сенаторы и конгрессмены, граждане!— заговорил человек без лица. Голос его звучал ровно и холодно.— Страна дышит пороховым дымом. Великая национальная традиция сделала нас рабами. Мы все рабы страха. Мы заперлись в домах. Мы сжимаем пистолет и никогда не знаем, кто выстрелит первым!..

Когда человек на экране заговорил, он стал еще страшнее.

Нельзя было понять, какой он — молодой, старый, злой, умный...

— Насилие порождает насилие!— продолжал безликий.— Демократии грозит анархия. Решая споры с оружием в руках, мы роем могилу обществу. Опасность близится! Опасность рядом! Национальный синдикат обращается к вам вешими словами Авраама Линкольна: «Так откуда же надвигается опасность? На это я отвечаю: если она появится, то возникнет среди нас же. Она не может прийти из-за границы. Если мы обречены на гибель, то ее творцами и свершителями будем мы сами. Мы должны всегда жить как нация свободных людей или же погибнуть от собственной руки...» Так говорил отец демократии Линкольн!..

Корт изумленно приоткрыл рот — он дивился каждой точной фразе обращения. Видно, вожди синдиката всерьез поломали головы. Он не замечал, как за ним, удовлетворенно улыбаясь, наблюдал один из властелинов подпольного мира..

— Граждане! Отныне Национальный синдикат встает на защиту закона! Мы решили покончить с Великой на-

циональной традицией! Прочь оружие!— Тут человек с могучими плечами вытащил из-за пояса пистолет и картинно швырнул его на пол.— Национальный синдикат объявляет всем гражданам! Первое. Немедленно после этого обращения прекращается продажа огнестрельного и ракетного оружия частным лицам, не имеющим разрешения федеральных или местных властей. Все коммерсанты, которые нарушат это наше предписание, будут уничтожены без вмешательства каких-либо судебных инстанций. Будут также уничтожаться их торговые предприятия. Второе. Немедленно после этого сообщения запрещается всем частным лицам, независимо от возраста, использовать огнестрельное и ракетное оружие во взаимоотношениях с другими гражданами. Любое лицо, нарушившее это наше предписание, будет уничтожено. Национальный синдикат рекомендует всем родителям разъяснить своим детям значение отмены Национальной традиции...

По экрану пробегали цветные полосы, изображение дергалось и искажалось — видимо, кто-то уже опомнился и пытался глушить передачу, но голос безликого продолжал звучать ясно, резко и повелительно, невзирая на помехи.

— Дамы и господа! Национальный синдикат позволяет себе выразить надежду, что его действия, направленные на благо закона и правопорядка, будут повсеместно поддержаны полицией, армией и также прочими прогрессивными силами нашего общества! Национальный синдикат заодно выражает уверенность, что его деятельность в защиту нашей демократии найдет полное понимание и поддержку президента страны, конгресса и деловых кругов!..

Голос смолк, снова на экране вспыхнул желтый крест-свастика и медленно угас. Короткая передача кончилась так же неожиданно, как и началась. Из визора вновь глядело испуганное лицо Блим-Бляма. Даже его обычная самоуверенная прядка волос на макушке и та, казалось, поникла.

— Прошу извинить,— начал было мямлить маэстро. Человек, которого звали Пит, снова решительно его отстранил.

— Слушайте, господин Дэвис, а что вы думаете по

этому поводу?— спросил он у парня, все еще оторопело смотревшего на желтый чемодан.— Не надоело вам стрелять по прохожим?

— Я никогда не стрелял,— не задумываясь, ответил Друг президента.— Я вообще не очень приветствую такую стрельбу.

— Вот и скажите об этом господину президенту, когда его снова увидите!— с довольным видом заключил высокий человек.— Успеха вам, молодожены!

Он шагнул в толпу и будто в ней растворился. А над головами людей уже высились и приближались каски полицейских. Но, как всегда, они опоздали.

Лидер выключил визор.

— Не схватят этого Пита?— спросил Корт.

— Не думаю. В крайнем случае, это обойдется в тысячу монет. Завтра он снова будет на свободе.

— Итак, дорогой друг, война объявлена?

— Ни в коем случае! Никакой войны!— решительно заявил лидер.

— Но Национальный синдикат только что угрожал...

— Кому? Правительству? Армии? Бизнесу? Ничего подобного! Мы обращались только к частным лицам. Так и прошу передать сенатору Дану. Мы далеки от мысли, чтобы сталкиваться с официальными кругами. Мы надемся, что и правительство в свою очередь не будет принимать никаких поспешных мер. Вот наше послание президенту.

Лидер взял со стола плотный пакет с яркой красной печатью и подал его Карту:

— Передайте, пожалуйста, уважаемому сенатору для президента. Думаю, сенатор Дан вас уже ждет,— сказал он.

— Нельзя ли отсюда позвонить?— оглядываясь, поинтересовался бизнесмен.

— Разумеется.— Хозяин коснулся золоченого витого шнура, свисавшего с портьеры.

Сразу же панель стены вместе с бронзовыми бра отодвинулась на полметра, открыв матовую плоскость обычного фона. Ген подошел, произнес номер. В рамке фона возникла Элия, которая, по всей видимости, давно ждала звонка.

— Что это было, Ген? — встревоженно спросила госпожа Корт.

— Потом, потом. Твой папа не звонил? — спросил он жену.

— Только что звонил. Сказал, чтобы ты немедленно прибыл в Центр гражданской войны. Пропуск тебе заказан... — Тут женщина заметила лидера, сидевшего в глубине ложи. — Ты не один?

— Здравствуйте, госпожа Корт! — улыбаясь, поклонился гангстер. — Не беспокойтесь, пожалуйста, ваш муж у друзей.

— Элия, не волнуйся. Из столицы я тебе позвоню. — Корт погасил экран.

— У вас очаровательная супруга, — сказал ему лидер. — Какие цветы она любит?

— Розы, — наугад выпалил делец. Ему и в голову не приходило думать, какие цветы по душе его новой жене. Прежняя, кажется, предпочитала гвоздики, если только он не ошибается.

— Вы разрешите, я пошлю ей сейчас букет? — поинтересовался лидер.

— Мой друг, не делайте глупостей! — остановил Корт. — Вы не хуже меня знаете, что букет настоящих живых цветов теперь — целое состояние.

— Мне очень хочется сделать приятное дочери сенатора Дана, — продолжал настаивать гангстер. — Подумайте только, ведь когда-то цветы росли прямо на клумбах!

— Нет, я не могу допустить, чтобы вы вошли в такие расходы! — упорствовал Корт. — Если уж вам так хочется послать цветы, давайте пополам. Вышлите на мое имя счет.

— Надеюсь, моя идея не будет для вас слишком обременительна?

— Если букет будет нормальным — выдержу. А если вы пришлете целую охапку, то обанкрочусь...

— До этого дело не дойдет. — Лидер встал. — Мой вертолет в вашем распоряжении. Он на крыше. Пилот первого класса. Если хотите воспользоваться, то машина в вашем распоряжении.

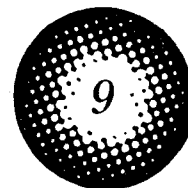
— Благодарю. — Корт тоже поднялся, тщательно пряча пакет во внутренний карман пиджака. — Но разре-

ние на полет в столицу? Нас наверняка сшибут через две минуты.

— Разрешение на полеты в столицу и на посадку где угодно — у меня постоянные.

— Ну и связи! — восхитился Корт.

Через несколько минут небольшой вертолет с армейскими опознавательными знаками поднялся с плоской крыши одного из каменных исполинов в небо и взял курс на столицу...

Сенатора, руководившего борьбой с опасными идеями, передача Национального синдиката застала дома. Как только она кончилась, старик, прихватив свою трость, поспешил вниз. К подъезду сразу же был подан его небольшой бронетранспортер. Старик всегда сам садился за руль и был доволен, если в стереохронике показывали отчаянные виражи, которые закладывал на углах его экипаж. Сенатор слыл вообще отчаянным смельчаком. Он никогда не ездил в громоздких надежных танках, предпочитал свою легкую, верткую машину, прикрытую тонкой стальной скорлупой, которая могла предохранить разве лишь от шальной пули какого-нибудь плохо воспитанного мальчишки. Подростков и тем более взрослых сенатор не боялся. Он был дальновиден, долгие годы заботился о популярности своего комитета и в конце концов стал собирать отличные дивиденды. За его Особым комитетом по охране демократии прочно установилась репутация места, в которое не стоило попадать ни видным правительственным чиновникам, ни самым захудалым гражданам. Вызов к сенатору нередко означал пропуск в одну сторону — в этих случаях обратно не возвращались. Естественно, глава такого учреждения не слишком заботился о собственной безопасности — его самого избегали как чумы. И редко какой сумасшедший решался пальнуть вслед проносившемуся на огромной скорости красному броневичку...

В машине неизменная усмешка покинула сенатора, лицо его расслабилось, углубились впадины под глазами — годы наедине с обладателем коротких пожелтевших усов чувствовали себя свободней.

— Куда же ехать?— вслух произнес старик, включая мотор.

Огромное количество мест, где в самую нужную минуту мог оказаться президент, всегда бесило сенатора. С раздражением припоминал он все эти бесчисленные мышеловки — городское убежище А, убежище В в горах на случай войны, подземный бункер начальников военных штабов, убежище министерства обороны, Центр гражданской войны...

«Скорее всего, он в Центре»,— окончательно решил главварь Особого комитета и, рывком сдернув транспортер с места, ходко погнался за ним; стараясь держаться возможно дальше от основных городских магистралей. Лучше было сделать лишний крюк, чем застрять в часовой пробке. К тому же на узких боковых улочках и стреляли по-прежнему.

Скоро старый политик понял, что жизнь столицы резко переменялась. Движение почти замерло. Лишь по-прежнему парами безостановочно патрулировали танкетки полиции. Заметив красный экипаж сенатора, они поспешно сворачивали, освобождая дорогу.

Но самое главное — в городе как будто не стреляли! Старик не верил ушам. Он даже остановил машину и, открыв люк, прислушался — было тихо! «Эти ребята задали нам задачку»,— вздохнул сенатор и снова взялся за руль.

Через несколько минут он добрался до огромного бетонного сооружения, напоминавшего колоссальную, врытую в землю танковую башню. Бросив у входа свой транспортер, сенатор торопливо, как только позволяли возраст и трость, прошел в контрольный пункт, на секунду задержался у стеклянной панели, вделанной в стену. Прижав руки к стеклу, он дал электронной голове удостовериться в отпечатках пальцев. Щелкнув, металлический турникет пропустил сенатора в кабину, где надо было шепнуть микрофону пароль. После этого дверь приотворилась, за ней уже ждал молодой офицер. Он проводил сенатора к лифту — по зданию категорически запрещалось ходить без сопровождения внутреннего персонала Центра.

У лифта сенатор предъявил свое удостоверение сержанту особой охраны. Тот надел специальные очки; обнаружив на документе невидимые знаки, вежливо вернул его стари-

ку. Дверцы лифта раскрылись, джентльмен с палкой вошел в кабину. Эту часть путешествия по Центру гражданской войны старик не переваривал — лифт словно проваливался в бездонный колодец, сердце екало и прыгало вверх. Казалось, хрупкий футляр с человеком внутри вот-вот разобьется всмятку, но этого не произошло: кабина плавно затормозила и дверцы бесшумно разъехались в стороны. Председателю комитета пришлось еще немного пройти по безлюдному, уходившему вниз коридору. У массивных стальных дверей светилась бросающаяся в глаза надпись: «С оружием не входить!» Сенатор в последний раз предъявил себя автомату, мгновенно проткнувшему его невидимыми лучами и не обнаружившему ничего подозрительного.

Зажглась красная лампа над входом, и ворота не спеша уползли в стену...

«Ослы!»— в который раз подумал старик о военных: наставив повсюду своих роботов-идиотов, не могут додуматься, что их самая совершенная контрольная машина не в состоянии была учуять обычную пластмассовую газовую гранату, точь-в-точь копировавшую фляжку с бренди,— на крайний случай сенатор постоянно таскал ее в заднем кармане брюк...

Пройдя большой овальный зал, в котором военные специалисты по борьбе с гражданскими беспорядками торчали перед экранами лазерной связи, регистрируя инциденты в любых частях страны, деятель с тростью наконец добрался до кабинета № 001.

Охрана, дежурившая у входа, расступилась: сенатор здесь был частым гостем.

— Первый у себя,— услужливо подсказал Худой Ларри — любимый телохранитель президента. Этот парень был известен в кругу приближенных лиц тем, что, надув брюхо, мог на пари разорвать любой ремень.

— Штаны еще держатся?— не останавливаясь, ухмыльнулся сенатор.

— Ремень в полном порядке!— шутливо доложил охранник.

— Береги его. Скоро придется побегать,— сообщил сенатор и прошел в кабинет.

Каждый волнуется в меру способностей. Простые смертные проявляют волнение как им заблагорассудится.

Они могут покрываться неприличными красными пятнами либо, напротив, бледнеть до омерзения. Могут сидеть часами, тупо уставившись в одну точку, или, наоборот, бессмысленно ходить из угла в угол. Могут самым банальным образом, нервничая, курить до одурения, грызть ногти или даже выражаться неприличными словами.

Высокопоставленным лицам много сложнее. Кто из них, помня о неусыпных фото- и телеобъективах, решится волноваться самым приятным для себя образом? Помощники Первого давно уже разработали каждый внешний штрих его душевного состояния.

Президент сильно тревожился. Поэтому его генеральский мундир был застегнут на все пуговицы, а ремни португеев туго затянуты. Казалось, генерал готов выскочить на плац и начать зычно подавать команды. Но в действительности генерал-президент говорил необычайно тихо и коротко. Благодаря такому нехитрому приему он, как и подсказывала субординация, выглядел значительно и весомо.

Но и сенатор был не из любителей сидеть на запятках.

Войдя в кабинет, он с ходу, на правах старого друга, влез в дилижанс, крайне непочтительно хлопнув по президентскому плечу.

— Привет, Фрэн! Мало у нас было хлопот! Теперь будет по горло и даже больше!

— Свинство, — хмуро откликнулся президент.

— Еще какое! Абсолютное свинство! Законные власти вызывают меньшее уважение, чем паршивые гангстеры! Да, я тебе скажу, на этот раз нам придется совсем туго...

Суровый седой генерал, восседавший за необъятным письменным столом, коснулся рукой галстука, убеждаясь, что он, как и положено, крепко стягивает воротничок сорочки.

Двери решительно распахнулись, и в кабинет бодрой рысцой ворвался министр обороны — он был самым молодым членом правительства и, наверное, поэтому всегда торопился.

— Господин президент! — с порога выкрикнул министр. — Я приказал подтянуть армейские соединения из летних лагерей поближе к крупнейшим городам!

— Не помешает, — поддержал сенатор. — Скорее всего, начнется в городах.

— Что? — спросил президент.

— Начнется свалка, если мы оплошаем, — пояснил сенатор, рисуя что-то тростью на ковре. — Есть много причин, по которым нельзя во всем пойти навстречу Национальному синдикату. Но прежде хотелось бы знать, куда смотрело Бюро расследования? Дождались! Подумай, Фрэн, — пропустить такую передачу в эфир! Представляешь, какая будет реакция за рубежом?

— Бюро расследования всегда все знает часом позже и никогда часом раньше! — раздраженно вставил министр. — Зато эти деятели не упускают случая, чтобы перебежать дорогу военной разведке!

— Впрочем, мой юный друг, вряд ли сейчас своевременно трясти этих сыщиков, — заметил старик. — Сейчас всем нам придется, как это говорится у вас, у военных? Занять круговую оборону...

— Ну уж, Дан? — с сомнением произнес президент, но все-таки провел рукой по пуговицам, проверяя, нацек ли его собственный мундир. Этот жест означал высшую степень волнения.

— Уверю тебя, положение не из приятных...

Будто услышав слова сенатора, в дверях внезапно возник адъютант. Вид у него был озадаченный. Он молча стоял, ожидая разрешения доложить.

«Что?» — не спросил, а взглянул президент.

— Господин президент, Центр получил сообщения из восьми точек страны. Крупнейшие арсеналы оружейной фирмы Хамса заняты отрядами синдиката. По-видимому, операция спланирована заранее, так как сведения начали поступать почти в одну и ту же минуту. Господин Хамс просит немедленно соединить его с вами.

Первый повернулся к экрану фона. Из матового прямоугольника выглядывал расстроенный коммерсант.

— Извините, господин президент, за настойчивость, но без совета с вами... — Хамс на секунду смолк и быстро завертел в руках собственные очки. — Короче, они не грабят, а платят! Что делать?

— Вы раздавите очки, — спокойно предупредил сенатор. — Расскажите толком.

— Это вы, старина Дан?— Коммерсант искал глазами сенатора, но старик никак не попадал в поле зрения фона.

— Да говорите вы, наконец!— не вытерпев, вскипел министр.

— Они изымают оружие и подписывают обязательства об уплате по ценам на сегодняшний день. Они вооружаются, господин президент. И я не могу воспрепятствовать.

— И не надо!— живо отозвался сенатор.— Нам только гражданской войны не хватало! В конце концов, вам же платят? Обычная торговая операция.

— Послушайте, так они же намерены использовать мое оружие против традиции!— снова затряс очками торговец.— Вы представляете, какие убытки постигнут оружейный бизнес, если они все-таки выполнят свое обещание!

— Ах, если бы дело было только в ваших убытках! Скажите лучше, какое оружие они закупают в первую очередь?

— Они берут стрелковое оружие, легкую артиллерию, танкетки. Ну, разумеется, газ, гранаты, всякую мелочь. Ракеты их не волнуют. Танки тоже... Да, вот еще что! Они интересуются всеми видами вооружения для ночного боя.

— Спасибо. Держите нас в курсе.— Повернувшись к президенту, старик Дан тихо посоветовал:— Фрэн, скажите ему что-нибудь в утешение.

— Торгуйте, Хамс. Все будет в порядке,— промолвил президент и погасил экран.

— Дорогой сенатор, идите служить в мое ведомство!— вдруг облегченно улыбнулся министр обороны.— У вас чудесная голова. Я сразу понял, почему вы..

Президент недовольно поморщился, и легкомысленный генерал тотчас смял улыбку.

— Фрэн, уже ясно — они не собираются сталкиваться с нами,— опершись подбородком на трость, медленно заговорил старик.— По-видимому, они укрепляют свои штурмовые отряды, чтобы активней воздействовать на население. Собираясь бороться с армией, они бы занялись тяжелым вооружением и, конечно, постарались бы захватить армейские арсеналы.

— Нейтралитет? — догадавшись, коротко предложил президент.

— Пока не найдем выхода,— согласно кивнул пожилой деятель.— Думаю, армию надо держать в стороне. Ни в коем случае не допустить потасовки внутри страны. Идиотское состояние, Фрэн! Если нажимать на синдикат, то выходит — они за законность, а официальные власти — против! Глупо! Тысячу раз глупо! Но еще глупее совсем не вмешиваться! Они ведь выпустят из бутылки джинна! Хотелось бы, Фрэн, поболтать с твоим профессором.

Президент вызвал адъютанта и приказал ему срочно разыскать профессора Ургера...

Следующие четверть часа оказались весьма бурными. Пробуждаясь, Центр гражданской войны загудел как встревоженный улей. В овальном зале начали взволнованно стрекотать телетайпы. На экранах замелькали картинки, напоминавшие кадры какого-нибудь старого военного фильма,— снаряды дырявили стены, на минах подрывались танкетки, горели магазины и склады. Но нигде, ни в одном округе не было отмечено авиационных боев либо танковых сражений, не говоря уже о применении ядерного оружия. Специалисты Центра единодушно признали, что гангстеры ведут себя на редкость корректно. Они старательно избегали каких-либо действий, которые могли бы спровоцировать армию или полицию. Они лишь карали граждан, осмелившихся ослушаться предписаний Национального синдиката.

Из трех мест, удаленных друг от друга на тысячи миль, пришли совершенно одинаковые сообщения. Торговцам средней руки было предложено убрать с прилавков оружие. Те отказались. Вскоре к их заведениям подкатили огнеметы и полоснули огнем по витринам. Гангстеры даже не пытались помешать пожарным, прибывшим на место происшествия.

— Синдикат просто предупреждает нацию,— высказал свое мнение сенатор.— Держу пари, за этот час не зарегистрировано ни одного существенного ограбления или нападения на банк!

Он оказался прав. Не только за этот час, за весь день в сводках Центра не было обнаружено ни одного подобного инцидента.

— Плохо, Дан,— узнав об этом, огорчился президент.

— Плохо, Фрэн. Они лишают нас козырей. Не можем же мы вмешиваться в их отношения с публикой? В конце концов, они в рамках своего бизнеса. Они ведь даже, по существу, не покушаются на частную собственность. Они занялись моралью! Не стреляй попусту, и мы тебя не тронем — вот что они предлагают гражданину. Похоже, они выиграли первый раунд...

— К сожалению,— признал президент, и, как бы подтверждая окончательный вывод, брови его озабоченно сдвинулись.— Это психологический выигрыш.

Снова неслышно вошел адъютант. Первым его заметил министр.

— Опять, кажется, новости?

— Профессор Ургер наверху,— доложил адъютант.— Будет через две-три минуты.

Советник президента по вопросам внутренней политики был одет в нормальный полковничий мундир, да и выглядел он как самый обычный сорокалетний человек, у которого морщинки уже достаточно смело собрались вокруг глаз, а седина всю принялась за виски. Единственно, что во внешности Ургера подтверждало, что он в самом деле является советником Первого — так это глаза. Цепкие и очень быстрые, они вонзались в собеседника и шустро отскакивали, блуждая некоторое время где-то поблизости от цели. Но когда удавалось поймать взгляд профессора, сразу собеседнику становилось ясно: человек это умный и знает, что говорит.

Сенатор с удовольствием пожал руку Ургера — он ценил этого работягу, сумевшего без солидных связей, без крупных денег из скромных адвокатишек выбиться в люди. Такие служат верно и до самого гроба.

— Как дела?— радушно спросил Первый.

— До банкротства еще далеко,— ответил советник.— Но есть над чем необходимо подумать, господин президент.

Генерал, оставив свой стол, опустился в кресло рядом с советником.

— Ты не думаешь, что если мы позволим им сломать Великую национальную традицию, то потом нам не вылезти из кучи?

Советник подтверждающе кольнул президента своими быстрыми глазками.

— Господа, традицию рискованно трогать! Сейчас гражданин сидит в окопе и не спешит поднять голову. Если страна перестанет стрелять — гражданин поднимет голову, а то и вылезет из окопа!

— С ума сойти!— выдохнул несдержанный министр, отвечавший за оборону.— Опять эти вечные проблемы безработицы, инфляции, кризиса! У меня и так хватает беспорядков в армии!

— С другой стороны,— продолжал советник, умно шныряя глазами по лицам собеседников,— надо признать, что традиция существенно подрывает организацию производства. Напоминаю — отказ общества от многих групп товаров, постоянная текучесть кадров, снижение интереса к накопительству, нигилизм молодежи. Кроме того, вооружение населения усиливает сопротивление акциям властей. И все же я за традицию!

— Я тоже!— решительно поддержал сенатор и даже рубанул воздух тростью.

— Господа, можно привести тысячи доводов,— объяснил советник.— Прежде всего — само производство. Одни отрасли отмирают, другие идут вверх. Взять хотя бы производство бетона и строительных материалов. Да ведь только заборы и ограды, не говоря уже о всякого рода других защитных сооружениях, увеличили производство цемента в шестнадцать раз! А что скажет бизнес готового платья? Ну-ка, господа, припомните, насколько пуленепробиваемый костюм стоит дороже обычного? Но главное — моральные факторы! Суть в том, что Великая национальная традиция, вооружая граждан, не дает им объединяться! Каждый целится в другого! Сейчас нелегко заманить на сходку или собрание — там могут и пальнуть. Отработал свое под охраной и скорее домой, под защиту стен! А воспитательная функция?

Глазки советника быстро пробежали по лицам и на мгновение задержались на министре.

— Господин министр, несомненно, подтвердит — сегодня молодой парень приходит в армию, умея отлично стрелять, не так ли? Но основное еще глубже: он стреляет не размышляя. Кто помнит теперь выражение «угрызения совести»? Это ли не признак нового общества?

Наши критики говорят о бесконечном насилии, в котором погрязла нация. Ну и что? Ведь благодаря насилию удастся дисциплинировать нацию! Для блага же самой нации! Ограждая нацию от политической жизни, мы не расходим ее силы на бесплодные идейные поиски, на борьбу отдельных социальных групп между собой. Больше того, Великая национальная традиция окончательно демократизирует общество. Она уравнивает шансы всех его членов, независимо от его положения — стрелять умеет каждый! Традиция родила важнейшую трактовку, объясняющую каждому гражданину его успехи или неудачи — «повезло» или «не повезло!» Подумайте, господа, какие простые, предельно ясные мысли мы сумели противопоставить в последнее время всяким враждебным идейным доктринам! «Кто целится лучше!», «Пеняй на самого себя!», «Пали первым!» и сотни других. Попробуй их опровергни! Так можем ли мы допустить, чтобы традиция погибла?

— Нет! — твердо заявил сенатор. — Этому никогда не бывать.

— Пусть стреляют! — вслед за ним проговорил Первый.

Профессор Ургер встал.

Потом заговорил, ткнув пальцем в высокий свод подземелья.

— Господа, в то же время там, наверху, Национальный синдикат решил иначе. Сейчас нет времени изучать причины такого неразумного шага. Разберемся. Я хочу предостеречь от другой крайности. Можем ли мы разгромить синдикат и уничтожить преступность? Следует ли идти таким путем? Допустим, хотя и весьма сомнительно, что нам это удастся сделать. Кого же тогда будет бояться гражданин? Кто будет на него нападать? От кого он будет обороняться? В кого стрелять? В своего же соседа?

— Да с соседом он помирится в пять минут! — снова стукнул тростью старик.

— Бесспорно, сенатор! — Глазки советника на долю секунды вернулись к сенатору. — Если не будет преступности — рухнет традиция! Гражданин успокоится, спрячет пистолет в кобуру, начнет стричь газоны, станет ворчать по поводу цен, задумается о своем завтрашнем дне...

Короче, господа, общество будет отброшено к исходным рубежам. Чтобы жила традиция, нужно, чтобы жил синдикат!

— Я говорил то же самое! — решительно заявил старик Дан. — Нет общества без традиции, нет традиции без синдиката!

— Круг, господа, — подытожил Первый.

— Круг, — подтвердил сенатор. — Но я думаю, отмычку мы найдем. Я пригласил сюда господина Корта, компания «SOS». От него мы узнаем кое-какие подробности о намерениях синдиката.

— Он входит в синдикат? — поинтересовался военный министр.

— Нет. Но по роду своего бизнеса он вынужден постоянно иметь с ними дело. Это надежный и негласный канал связи. Я думаю, Корт прибудет с минуты на минуту...

И в самом деле, в кабинет № 001 снова заглянул адъютант.

— По приглашению сенатора Дана... — начал было он.

— Просите! — приказал, обрывая, Первый.

Ген Корт вошел спокойно и достаточно уверенно, как и подобает крупному бизнесмену. Он покосился на сенатора, тот ободряюще подмигнул. В глазах старика даже мелькнула одобрительная искорка, и делец подумал, что с тестем они, по-видимому, будут жить душа в душу...

— Добрый день, господин президент! Добрый день, господа! — проговорил Корт.

— Есть ли новости? — произнес президент — Мы уже знаем о вашем флирте с синдикатом.

— Лидер Восточной ветви вручил мне для вас послание, мистер президент.

Корт достал пакет. Руководители озабоченно переглянулись.

— Вот это номер! — Генерал снова забегал пальцами по своим пуговицам. — Господа, не могу же я, глава государства, принимать послание нелегальной, формально стоящей вне закона организации!

— Не можешь, Фрэн, — поддержал сенатор. — Хотя мы и в узком кругу.

— Такого в истории страны не бывало,— подтвердил Ургер.

Ген Корт молча стоял, крепко сжимая злополучный конверт.

— Господа, если вы не возражаете, я, как частное лицо, могу вскрыть пакет и вслух прочитать,— предложил деловой человек.

— Превосходная идея!— Президент обрадованно откинулся в кресле.— Только читайте громче, господин Корт.

Владелец фирмы неторопливо подошел к столу, присел, достал очки. Все молча ждали, пока он развернул плотный бумажный лист.

— «Уважаемый господин президент,— громко и внятно читал Корт,— настоящим Национальный синдикат подтверждает свою лояльность существующему строю и просит считать последнюю акцию в рамках его обычной деятельности. Она имеет целью лишь уточнить взаимоотношения синдиката с отдельными гражданами. Национальная традиция, в той форме, в которой она существует в настоящее время, поголовно вооружив всех членов общества, лишила Национальный синдикат всякой возможности нормально нести свою прогрессивную миссию в обществе.

Никаких действий против местных и федеральных властей Национальный синдикат предпринимать не намерен. Мы заверяем в своей преданности нашим общим идеалам и подтверждаем, что, на наш взгляд, правительство весьма удовлетворительно осуществляет свои высокие обязанности. Национальный синдикат намерен в самое ближайшее время предпринять ряд весьма действенных мер в масштабе всей нации, чтобы обеспечить, уважаемый господин, избрание Вас президентом на второй срок.

С искренним уважением по поручению совета лидеров Национального синдиката...»

Корт смолк.

Первым нарушил молчание сенатор.

— Фрэн, похоже, на этот раз выборы пройдут как по маслу! Если за дело берутся эти ребята, можно быть уверенным, что избиратели пойдут к урнам дружным стадом.

— Это так, Дан. Но нас же вяжут по рукам и ногам!— заявил президент.

Одна из его пуговиц, не выдержав бесконечных проверок, отскочила и, звякнув, упала на пол. Министр поспешно нагнулся и зашарил под ногами участников совещания...

Еще несколько лет назад сенатор Дан в своем заведении добился значительного прогресса. Ему завидовали руководители всех столичных комиссий, ведомств и управлений, давно уже погребенных под лавиной бумаг. Смог, радиация, ртуть в рыбе, стереовидение и прочие бедствия века не шли ни в какое сравнение с катастрофой, которую принесли бумаги, неиссякаемым потоком извергавшиеся всеми вышестоящими и нижестоящими инстанциями.

Нельзя сказать, чтобы с бумагами не боролись. Их втискивали в микрофильмы, запихивали в магнитные ленты, превращали в пластмассовые диски и все это в конце концов засовывали в мозги компьютеров. Но борьба была совершенно бесполезной. Бумаги плодились быстрее бактерий. Бюрократизм был для них превосходным питательным бульоном.

Взявшись за искоренение крамольных идей, сенатор быстро сообразил, что, прежде чем начинать борьбу с подрывными элементами, надо было одолеть бумаги. Старик изобрел и ввел в обиход крайне простую систему. Вся поступавшая в его комитет информация последовательно ужималась по крайней мере до плотности звезд-карликов. Что нужно было знать о гражданах, чтобы достаточно ясно представлять себе их благонадежность? Отпечатки пальцев, имена или клички, размер состояния, ну и, конечно, взгляды. Собственно, взгляды, воззрения, высказывания — все это фильтровалось у подножия пирамиды, на вершине которой восседал председатель комитета. К нему доходили лишь сводки с условными обозначениями — номер нашейного жетона, которым была оснащена личность, а рядом — особый значок. Красный

кружок означал опасность. Гражданин, помеченный красным кружком, нуждался в неусыпном наблюдении, в изоляции либо даже в газовой камере. Розовый кружок требовал пристального внимания. Желтые кресты означали более или менее сносное поведение. Голубые — добропорядочность. Черный крест был зна́ком высшего качества. Граждане, украшенные таким крестом, могли спать спокойно.

По утрам, не признавая субботних и воскресных дней, сенатор прежде всего знакомился с цифрами сводок — сколько прибавилось красных кружков, кому удалось перебраться в желтые или даже голубые. Как и всякий толковый руководитель, сенатор Дан мало интересовался конкретными делами, разве только если речь шла в них о наиболее известных лицах, либо в тех случаях, когда члены Особого комитета не могли столкнуться между собой. Сенатор предпочитал заниматься общим руководством и стратегическими проблемами...

Утро за чистым окном кабинета выглядело великолепно. Июльское солнце упрямо пыталось пробиться сквозь пыльные облака, висевшие над городом. От этого небо казалось бронзовым. И темные сгустки дыма, обозначающие на горизонте заводские районы, необыкновенно рельефно читались на этом фоне. В нижней части пейзажа, заключенного в оконную раму, за частоколом высотных зданий кое-где виднелись изгибы набережных, плавно ограждавших темное месиво реки...

Особый комитет плодился в сотнях бетонных ячеек, висевших гроздками гроздьями на неправдоподобном гигантском ветвистом сооружении, похожем не то на высохшее дерево, не то на оленьи рога. Это здание новейшей конструкции высоко вздымалось над столицей, как бы символизируя первостатейное значение учреждения, которое возглавлял сенатор Дан.

Убедившись, что за окном все в порядке, старый джентльмен приступил к изучению новостей, дожидавшихся на столе. Вот уже третий день сводки, исследовавшие перемещения цветных значков, сообщали одни и те же данные.

«Любопытная ситуация,— задумался сенатор, разглядывая бумаги.— Либо нация еще не успела сформировать свое отношение... либо мой комитет не понимает,

с каких позиций теперь следует производить оценку умонастроений. Ведь до сих пор нет официальной точки зрения...»

Об этом старику не надо было рассказывать — Первый по его совету категорически запретил всем видным государственным чиновникам высказываться о положении в стране.

Молоденькая статная секретарша, зная, что сенатор благоволит к ней, вошла без стука.

— Мистер Дан, к вам идет старина Додд,— сообщила она.

Тучный верный Додд — правая его рука и друг, человек, обладавший феноменальным нюхом, когда-то баловавшийся журналистикой, но отыскивший себя по-настоящему только в тайном сыске, — старина Додд стоял перед столом сенатора, восторженно тряс своим необъятным животом и, глотая слова, рассказывал:

— Понимаешь, Дан, ночью до меня дошло! Чувствую, дело нечисто! Чтобы целых три дня! Таких дня! Короче, у него мозги не выдержали! Так я и думал!

— Не спеши,— остановил сенатор, с интересом слушавший приятеля.— Ты о чем? Толком говори.

— Да о нашем компьютере! Я тебе всерьез говорю — бедняга скис, свихнулся! На таком крутом повороте может устоять только человек, живой человек! А тут электроника, пневматика! Короче, Дан, лежу, думаю — быть того не может! Сам знаешь, колыни нацию булавкой в зад, она до потолка подпрыгнет. А тут не булавка — тут ножом пырнули! Понял?

— Понял,— кивнул сенатор. Он снова взял папку со сводками.— Ты им не веришь?

— Я?— Додд воодушевленно постучал себя по груди.— Я с шести утра в отделе статистики! Я их там заставлял побегать!

— Представляю,— усмехнулся старик.— Пустили, наверное, приличную лужу от страха.

— Лужа — не то слово! Море напустили! Мальчишки! Интеллектуалы! Технократы! Они меня уверяли, что все мигает, все крутится, все пыхтит нормально! Исправен, мол, их компьютер! Черта с два! Короче — разобрались. Но прими таблетку, дружище. Тогда дам настоящие цифры.

— Не дури!

— Я всерьез говорю. Плохо дело.

Сенатор знал своего Додда давно — этот зря пугать не станет. Молча достав из стола белый тюбик, старик поднес его ко рту, сжал — и успокоительная таблетка метко стрельнула из пластмассового жерла под его аккуратные седые усики...

Новые сводки, которые показал Додд, были ужасны. В первые часы после заявления Национального синдиката красные кружки потеснили другие значки на 16 процентов. Но уже на следующий день они овладели пятьюдесятью процентами населения! Сутками позже из каждого десяти граждан восемь с половиной встали на сторону синдиката! Красные значки подмяли розовые. Почти совершенно исчезли желтые. Сдали свои позиции голубые. Пошатнулись даже черные кресты...

— Смотри в корень, Дан, — успокаивающе произнес Додд. — Дело, понятно, не в бунтарских идеях, которые внезапно охватили общество. Просто компьютер растерялся, сдрейфил и не сумел произвести никакого маломальски стоящего анализа. Он просчитал по самой примитивной схеме — если Национальный синдикат вне закона и если гражданин высказывается за действия синдиката, значит, данный гражданин сам вне закона...

Сенатор устало откинулся в кресле. Уселся и Додд. Он долго вертелся, стараясь втиснуться в объемистую кожаную яму.

— Ты обратил внимание на черных? — спросил он.

— Это я предвидел. Части большого бизнеса выгодна новая обстановка. Я просчитался в другом...

— В чем?

Старик молча и бесцельно крутил свою трость.

— Да оставь ты эту палку! — вдруг обозлился провинец.

— Я не ожидал, что Великая национальная традиция рухнет в два дня, — признался наконец сенатор. — Мне казалось, синдикату придется повозиться по крайней мере три-четыре месяца...

— Месяца? — удивился друг. — Ты так и ориентировал президента?

— Да.

Толстяк сожалеюще вздохнул. Его круглая физионо-

мия с оттопыренным носиком, с трудом вздымавшимся над пухлыми щеками, вдруг искренне озяла. Уголки рта уныло съехали вниз, а маленькие голубые глазки, только что возбужденно и весело сверкавшие, потухли.

— Старина, — смотря куда-то мимо приятеля, тихо проговорил Додд, — тебе это дельце может стоить кресла...

— Как бы не так! — раздраженно ответил старик и даже пристукнул тростью об пол. — Прежде всего надо взять в компанию Ургера!

— Обязательно! — не раздумывая, поддержал Додд и, пыхтя, выбрался из кресла. — Парень имеет влияние на Первого, умеет ловко трепаться, он нам здорово пригодится...

Через час три господина, пекущихся о судьбах страны, встретились в пыльном городском парке. Охрана отстала — таков был приказ сенатора.

Заметив прятавшиеся в траве полуразвалившиеся ступени каменной лестницы, уходившей к вершине холма, профессор Ургер предложил:

— Здесь можно присесть.

Первым тяжело опустился на камень Додд. На ступень выше его устроился сенатор.

— А ведь когда-то в парках стояли скамейки, — сказал он. — И можно было сидеть, не пачкая собственного зада...

— Зачем здесь скамейки? — ответил Ургер. — Еще три дня назад ни один смельчак не рискнул бы среди бела дня шататься по парку. Сенатор, вы назвали меня сумасшедшим, когда я предложил приехать сюда. А теперь сами смотрите. Смотрите внимательней, друзья...

В самом деле, в запущенном заросшем парке было не что посмотреть. На поляне, шагах в двухстах, играли мальчишки. Правда, на всякий случай они выставили «часового» — он забрался на дерево, присматривая за подступами к лужайке.

Вдалеке показалась женщина, катившая допотопную детскую коляску. К коляске была привязана сумка с молочными пакетами и карабин. Завидев сидевших мужчин, отважная мать на всякий случай свернула в сторону и скрылась за кустами...

— Ну как? — удовлетворенно поинтересовался со-

ветник.— Я не случайно просил вас приехать именно сюда. Вы видите своими глазами — традиция трещит по швам. Из щелей вылезают людишки...

Сенатор и Додд переглянулись. Остроглазый профессор успел перехватить этот немой разговор.

— Я вижу, дорогой Дан, ваши данные совпадают с моими выводами?

— Вся шутка в том, что традиция уже рухнула!— Своей тростью сенатор начал выводить на траве восьмерку.— Восемьдесят пять процентов граждан устраивает новое положение...

— И это за три дня вместо трех месяцев!— скорбно улыбнулся Ургер.— Но сразу скажу: лучшего председателя комитета, чем вы, я не знаю.

— Так-то лучше!— облегченно пропыхтел Додд. Он вытащил из кармана свернутую в трубку газету, выдрал из нее несколько страниц и начал мастерить шляпу.

Охранники, воспользовавшись возможностью поваляться на траве, лениво посматривали по сторонам.

— Хорошо бы эти бездельники поболтали еще с чашечкой,— мечтательно заметил один из парней...

Но участники совещания, обсуждавшие судьбы нации, спешили. Им было ясно, что информация, поступавшая в Центр гражданской войны, сведения Бюро расследования, сообщения губернаторов и прочие источники вот-вот вынесут Великой национальной традиции окончательный приговор.

— Дан, это наша общая ошибка,— убеждающе говорил профессор в мундире.— Мы все перегнули палку. Стопроцентный гражданин подчинялся, потел от страха, а в душе мечтал. И синдикат правильно нащупал нашу ахиллесову пяту. Синдикат построил свои расчеты на чувствах.

— На чувствах?— Додд забыл о своей бумажной шляпе и изумленно уставился на знатока национальных вопросов.

— А что удивительного? Чувствует, ощущает все живое. В том числе и нормальный гражданин, если, разумеется, он еще жив. Вы обратили внимание на стереовидение?

— У меня нет времени смотреть этот бред,— откликнулся Додд.

— И напрасно! Национальный синдикат знает, за что платит деньги. Со вчерашнего дня по всем программам идут видовые фильмы, раздаются призывы ездить, путешествовать. Даже этот клоун Блим-Блям и тот объявил, что следующий Друг президента встретится с ним на лоне природы...

— Они разгоняют страх по углам,— подытожил сенатор.— Я думаю, есть одна-единственная возможность спасти традицию.

— Какая?

— Самим поджигать дрова...

Сенатор не успел договорить. В нескольких шагах вдруг шевельнулся куст. Чуткий Додд необъяснимо быстро при его полноте повернулся и сунул руку в карман.

— Не стреляйте!— раздался детский голос.

— Чего тебе?— крикнул толстяк.

— А вы стрелять не будете?

— Не будем,— пообещал сенатор.

В листве показалась рыжая голова. Из веснушек выглядывали озорные синие глаза.

— Я хотел спросить, который час. Мама мне оборвет уши, если я не вернусь к двенадцати.

— Тогда беги домой,— посоветовал Додд.— А то останешься без ушей. Без трех двенадцать...

Сенатор, отвечая мальчишке, лгал. Его план как раз и сводился к стрельбе. Он предложил создать небольшие мобильные армейские отряды: они должны все время подогревать Великую национальную традицию. В наиболее миролюбивых районах можно будет усиливать нажим на граждан, в других местах, где население будет само достаточно агрессивно, ослаблять...

— Управляемая реакция?— сразу ухватил суть советник президента.— Неглупо, Дан! Очень даже неглупо! И таким образом синдикату все время будет хватать работы. В конце концов они выдохнутся и возьмутся за ум! Идеальное решение! Но, друзья, нельзя допустить, чтобы синдикат вступил с нами в прямую борьбу!

— О чем вы говорите, дорогой Ургер!— удивленно возразил сенатор.— При чем тут мы? Я имею в виду совершенно неофициальную деятельность. Представьте себе группы частных лиц, которые не намерены отказываться от своих привычек. Я бы даже руководство всей

операцией сосредоточил в частных руках. Правительство не должно иметь никакого отношения к этим летучим отрядам.

Додд водрузил наконец на себя бумажную шляпу и лихо сдвинул ее набекрень.

— А что, господа! Идейка лучше не надо! — сказал специалист по тайному сыску. — В конце концов, не все ли равно гражданину, кто по нему палит — гангстер, сосед или переодетый солдат? Никакой принципиальной разницы я не вижу...

Ургер бросался взглядом то к одному, то к другому собеседнику. Сенатор все-таки изловчился и успел ухватить искорку недоверия, блестящую в быстрых профессорских глазах.

— Выкладывайте, профессор! Что вас смущает?

— Только моральная сторона! Как преподнести Первому? Понимаете, Дан, затруднение в том, что солдаты обращают оружие против мирных граждан.

— На их же благо! — вставил Додд.

— Еще неизвестно, оценит ли нация такие усилия! — усомнился профессор. — Но, пожалуй, коллеги, можно найти и юридическое решение проблемы.

Обдумывая, советник Первого на секунду остановился, но сразу же продолжил, уже уверенный, без тени сомнений:

— Можно провести, например, частичную демобилизацию. Кстати, это даст дополнительный пропагандистский выигрыш. Первый будет доволен. Понимаете, господа, мы сокращаем армию! Ни одному президенту это еще не удавалось сделать!

— Профессор, это вздор! — заерзал Додд. — Вы что, не знаете, вас же сотрут в порошок при одном лишь слове «демобилизация»!

— Условно! Только условно! Парня демобилизуют при условии, что он вступает в ряды сторонников Великой национальной традиции. Новое гражданское движение! «Долой мягкотелых!», «Кто слабый, пусть умрет!», «Моя жизнь — в моем курке!»

— Ну и голова! — восхитился толстяк. — Ваша голова набита замечательными лозунгами! Этак я и сам выскочу на улицу поразмяться!

— Боюсь, что у нас с тобой на это не хватит време-

ни, — произнес старик. — Ведь любой намек, что новое движение — дело рук правительства...

— Это уже красный заговор! — подхватил приятель. — Этого мы не допустим!

— Бог вам в помощь, друзья, — вставая, заключил мудрый профессор Ургер...

Мальчишка, сидевший на дереве, пронзительно свистнул. Ребята, как стайка испуганных воробьев, рассыпались по лужайке. Полянка, только что плескавшаяся детскими криками, мрачно смолкла...

* * *

Уютный номер «Коломбины» покидать они боялись. По визору то показывали национальные парки и пляжи, то передавали сводки о боевых действиях. Несколько раз в рамке визора возникали физиономии видных политиков, но к чему они призывали, понять было трудно: аппарат был неисправен, и сколько Рэм ни нажимал кнопки, звук не появлялся.

— Так даже лучше, — заметила Джета. — Их слушать — потом хлопот не оберешься...

Вдруг раздался громкий писк. Он звучал на одной ноте — настойчиво и призывно. Рэм с надеждой поглядел на визор.

— Может, сам исправился?

— Это пневмопочта, — объяснила девушка.

Алюминиевая панель, вмонтированная в стену у входной двери, плавно откинулась наподобие полки. На ней лежал конверт. Джета подошла и взяла послание.

— От господина Блим-Бляма, — сообщила она, просмотрев присланные листки. — Два счета. Тебе — сто тысяч, мне — десять.

Рэм повертел в руках пластмассовые пластинки счетов.

— Игра кончилась. Но зато у нас теперь кое-что есть. — Бывший Друг президента порывлся в своем бумажнике и достал еще одну карточку. — У меня еще есть шестнадцать...

— И я выиграла десять на скачках.

— Давай уедем куда глаза глядят, — не очень мудро предложил муж. — Главное, подальше от всей этой суеты.

Со стены позвал фон.

«Детки, гонорар получили?— С экрана глядел специалист.— Довольны?»

— Спасибо, господин Блим-Блям!— откликнулась девушка.

— Послушайте мой совет, ребятки. Поскорее смывайтесь за границу. Прямо с ходу дуйте, не задерживайтесь. Мне бы не хотелось, чтобы конкуренты вовсю раззвонили, что Рэму Дэвису неблагодарные зрители свернули шею. Шея, она штука полезная, еще может пригодиться. Счастливо, детки, и не теряйте времени...

— Вы думаете, надо так спешно?— заволновалась Джета.

— Не думаю, а уверен. Через полгодика вас забудут, а пока что запаха вашего здесь не было...

Фон погас.

— Вот это новость!— тихо проговорил Рэм.

— А ты что думал? Забыл, как ты болтал по поводу военного бюджета, а потом про традицию! Держу пари, нас уже и охранять перестали.

Джета оказалась права: в коридоре у двери никого не было.

— Зря я влип в эту историю, и зря ты со мной связалась...

— «Зря, зря!»— прикрикнула молодая жена.— Сиди и никому не открывай дверь! Я исчезну минут на десять...

Рэм сидел и пытался представить, как его встретят в родном поселении № 1324-ВС. Могут и прихлопнуть: там ведь тоже было мало любителей выворачивать свои карманы в пользу армии. Уехать к отцу на запад? Так ведь репортеры через четверть часа все разнохают.

Джета вернулась с небольшим пакетом. Она достала из него мохнатый черный парик и коробочку с красками. Через несколько минут ее трудно было узнать — в гриме она выглядела намного старше.

— Спасибо мадам Софи, хоть этому научила. Теперь за тебя возьмемся...

Осмотрев себя в зеркале, Рэм решил, что стал похож на переодетого полицейского — в темных очках, с курчавой бородкой и крупной родинкой на щеке выглядел он настолько странно, что даже Джета усомнилась.

— Пожалуй, это лишнее,— сказала она и отлепила родинку.— Ну, милый, да поможет нам бог!..

Молодожены выскользнули в коридор. Девушка уверенно шла впереди. Они быстро свернули к какой-то узкой лестнице, пробежали по ней, пробрались к служебному лифту. В лифте Джета приложила палец к губам. Кабина доставила их в полутемный подвал. У стен светились стойки киосков и кафетериев. Медленно передвигались электрокары. Сновали тележки грузчиков. На беглецов никто не обращал внимания.

Джета шла быстро, она ориентировалась по толстой красной трубе, проложенной по стенам. Иногда труба уходила вниз, под асфальт. Тогда молодые люди находили ее на противоположной стороне бетонного подземелья.

— Это все еще «Коломбина»?— шепнул Рэм.

— Да. Давай быстрее!

Труба привела путешественников к железной двери, прятавшейся за грудой разбитых ящиков. Джета достала из сумочки ключ. Дверь легко открылась. Рэм увидел тускло освещенный люк с уходившими вниз ступенями. Но прежде чем спуститься, девушка подобрала с пола обрывок бумаги и крупно начертила на нем губной помадой: «Папа, мы ушли вниз!» Нацепив записку на дверную ручку, дочь мастера Уота прикрыла за собой дверь и заперла ее изнутри.

Ступеньки долго вели вниз. Наконец спуск прекратился. Красная труба теперь занимала почти весь лаз. Изредка попадавшиеся лампочки не могли разогнать темноту. Воздух был затхлым и сырым.

— Не устал?— спросила Джета.— Дальше я дорогу не знаю.

— А куда мы идем?

— Куда! Нам надо выбраться из города. Там видно будет. Лишь бы не заблудиться. Не хотелось бы, а придется спрашивать...

— У кого ты здесь будешь спрашивать?— Рэм удивился.— Ты что, забыла, что мы не на улице?

— Помалкивай, Рэм! Предоставь это дело мне.

Довольно скоро труба их вывела в просторный туннель. У стен было выложено что-то вроде тротуара. Изредка даже стали попадаться прохожие. Это было совсем удивительно!

Время от времени поблизости раздавался грохот подземки — видно, по другим туннелям шли поезда. Скоро за поворотом открылась небольшая, ярко освещенная площадка. Здесь было довольнолюдно — светилась неоновая вывеска бара. Рэм разглядел киоск с газетами, журналами, но Джета решительно потащила мужа в стору.

Они долго-долго шли полутемными переходами. Временами под железными мостками журчала вода — наверное, это были упрятанные под землю речки. Стали попадаться прилепившиеся к стенам палатки, в некоторых из них горел свет.

— Здесь даже живут? — совсем опешил Рэм.

— Это подземный город, — вполголоса объяснила девушка. — Здесь живут те, кому жилье наверху не по карману. Сюда боятся сунуться полицейские. А если кто возьмется здесь за оружие, такого немедленно утопят. Мне отец рассказывал о подземном городе.

— Может, нам тут осесть?

— С ума сошел! Если тут узнают, кто мы, нас же линчуют! Ты же целую неделю обнимался с президентом! А тут собрались те, кто против властей. Понял?

Скоро Рэм подметил, что навстречу в основном падаются женщины и дети. По-видимому, мужчины в дневное время покидали подземелье, отправлялись наверх, в город — на работу.

Кое-где на стенах были укреплены таблички, повторявшие название городских улиц. Наверное, туннели и переходы шли под этими улицами. В одном месте, пройдя узкий проем, беглецы очутились на полыхавшей светом станции подземки. После темени коридора глазам было больно. Девушка сразу потянула спутника обратно:

— Сюда нам нельзя...

Через несколько часов Джета рискнула подойти к киоску купить сосисок.

— Что будем делать? — спросил Рэм.

— Есть сосиски! — не без раздражения ответила его жена.

Рэму вдруг стало жалко самого себя — сидел бы спокойно в поселении, сооружал прически, смотрел по вечерам визор. Он тяжело вздохнул.

Под городом они пробирались три дня. Первую ночь

провели на грязной скамье, попавшейся им по дороге. В другой раз за сравнительно скромную плату им удалось передохнуть в палатке, хозяин которой работал в ночную смену. Рэм подметил, что люди под землей намного приветливей, чем наверху.

— Чудак, здесь же тихо, нет стрельбы, нет страха, — объяснила жена.

К вечеру третьего дня старик-оборвыш, грустно пиликавший на скрипке в пустынном коридоре, подсказал им, куда идти. Скоро беглецы почувствовали, как пахнувший сыростью, бетоном, подземельем воздух уступает свежему потоку. Туннель внезапно оборвался, но старые ржавые рельсы продолжали тянуться дальше. Они выбрались под открытое небо.

Внимательно, осторожно, готовые при малейшей опасности броситься обратно под землю, молодые люди долго озирались. Сколько глаз хватало, простиралось поле, заваленное мусором. На нем вздымались горы хлама, высотой с трех-, четырехэтажные дома. Сломанные оконные рамы, старинные диваны с разорванными, испорченными пружинными животами, изношенные автомобильные покрышки, полусгнившие дамские сумки, банки из-под краски — сотни тысяч предметов, свидетельствовавших о неугомонной человеческой деятельности на планете, громоздились бессмысленно и бессистемно.

— Городская свалка? — спросил Рэм.

— Очень старая, — ответила девушка. — Замечаешь, ничем почти не пахнет? Давно уже все выветрилось...

Они медленно двинулись по полю. Рэм подобрал увесистый обрезок железной трубы — с такой тростью он чувствовал себя уверенней.

Вечерело. Обогнув холм мятых автомобильных кузовов и огромный, навеки замерзший над ним подъемный кран, беглецы вдруг увидели на горизонте деревья.

— Это же лес! — обрадовался Рэм. — Джета, милая, это лес!

— Ну и что?

— Там же нас не найдут!

— Не дури, Рэм! Ты что, не знаешь, в лесу никто теперь не бывает! Там призраки, привидения! Ты что, не видел по визору?

— Глупая, какие еще привидения! Это вы, городские,

бойтесь леса! А я знаю, там нечего бояться. Я часто бывал в лесу. Я знаю точно! И вообще, девочка, теперь ты будешь слушать меня...

До леса они добрались, когда солнце уже прилегло на горизонт. Его лучи прощались с верхушками деревьев. Пластмассовые пакеты, тряпье, ржавые железки, валявшиеся повсюду на чахлой траве, успокаивали Джета: цивилизация, по-видимому, была совсем рядом. Теперь впереди шел Рэм. Палку на всякий случай он держал наготове. Но было совсем тихо, лишь наверху на слабом ветру шелестели листья. Иногда ветерок, словно играя, пробегал по макушкам деревьев. Они покорно клонились, но скоро все опять затихало.

Вдруг Рэм остановился и задрал голову. Он долго осматривал развесистый клен и наконец решил:

— Подойдет.

— Ты что надумал? — поинтересовалась девушка.

Мужчина не ответил. В лесу Рэм будто преобразился — держался уверенно, надолго замолкал, размышляя, и Джете это нравилось.

— Полезем вверх, — сказал Рэм таким тоном, что его жена и не подумала возразить.

Первой начала карабкаться Джета. Следом, поддерживая и помогая, лез Рэм. Медленно, осмотрительно выбирая ветки, они забрались довольно высоко.

— Что дальше? — спросила девушка.

И снова Рэм долго не отвечал.

— Жаль, ножа нет, — в раздумье произнес мужчина. — Сиди здесь, начнем устраиваться на новом месте.

Рэм спускался вниз раз десять. Джета заметила, как с каждым разом он быстрее взбирался обратно — ветки и сучья, за которые надо было цепляться, он уже выбирал привычно, не задумываясь. Наверх, в развилку дерева, Рэм натаскал целую кучу хвороста. Плести ни он, ни Джета не умели, но все-таки к ночи им удалось соорудить что-то вроде большого гнезда. Держась за ветку для верности, Рэм попрыгал на помосте. Сооружение выдержало это испытание.

— Ну как? — улыбнулся он. — Неплохой дом?

Джета блаженно устроилась на пружинистом ложе. Чуть покачиваясь, над головой темнело небо в звездах, в далеких всполохах города. Дерево поскрипывало, но не

опасно, не угрожающе, а, наоборот, покойно, мирно. Баюкая, шептали ветви.

Рэм осторожно примостился рядом.

— Как бы не вывалиться во сне, — усомнился он.

— Привыкнем, — ответила девушка, обхватив рукой его шею. — Будто всегда так жили на дереве. Хорошо...

Проснулись они поздно. Было совсем светло. Утро бодрило, листья сверкали капельками росы. Солнечные лучи неспешно опускались все ниже и ниже, перебираясь с ветки на ветку, пока не добрались до лица девушки.

— Милый, как тут хорошо и спокойно! Давай пока не будем думать, что делать дальше...

Рэм не отвечал. Приподнявшись на локте, он настроженно вслушивался. Где-то далеко слышался непонятный шум, будто кто-то приближался редкими огромными скачками.

— Надо было замаскировать наше гнездо снизу листьями, — шепнул он.

Джета испуганно придвинулась. Станный шум слышался совсем неподалеку.

В полусотне метров на одном из деревьев шевельнулась листва. Огромная темная фигура вдруг отделилась от дерева и, совершив гигантский прыжок, снова скрылась в листве соседнего клена.

— Горилла! — ахнула Джета.

— Хуже! Человек!

И действительно, из листвы раздался голос:

— С добрым утром, друзья! Надеюсь, вы не очень испугались? Есть ли у вас оружие?

— Нет! — поспешно ответил Рэм и встал на помосте, подняв руки вверх. — Смотрите, у меня ничего нет.

Листья раздвинулись. На толстой ветке уверенно, не держась ни за что руками, стоял пожилой человек в рабочем комбинезоне.

— Позвольте спросить, с какой целью вы пришли сюда? Мы вчера видели, как вы устраивались на ночлег, но решили со знакомством подождать до утра.

— Видите ли, мы хотели некоторое время пожить на природе. — Рэм говорил не очень убежденно.

— Если откровенно, мы убежали, — вмешалась Джета. — Нам осточертел город с его политикой, с его деньгами! Мы хотим жить спокойно!

— Бывает,— согласно кивнул незнакомец с соседнего дерева.— Нас не интересует ваше прошлое, госпожа и господин...

— Дэвис,— подсказала Джета.

— Мы примем вас в наше лесное братство, но, разумеется, с испытательным сроком. Если в течение года вы проявите себя с положительной стороны...

— Здесь можно жить год?— удивилась Джета.

— Я здесь живу уже семь лет. Позвольте представить— мэр лесной общины Годвин.

Господин, стоявший на ветке, церемонно поклонился. Рэм решил ответить тем же, но гнездо коварно пошатнулось.

— Осторожно, господин Дэвис,— посоветовал лесной мэр.— Для начала надо вас научить ходить. Через неделю на дереве вы себя будете чувствовать лучше, чем на земле. Вообще внизу появляться опасно. Здесь масса одичавших собак. Можно нарваться на целую стаю...

Лесной человек показал новоселам тонкий нейлоновый канат. На его конце был привязан металлический якорь. Размахнувшись, лесной человек ловко и точно закинул его на дерево, приютившее беглецов. Ухватившись за стропу, мэр Годвин спокойно шагнул в пустоту и изящно, не быстро и, главное, совершенно бесшумно перелетел на помост.

— Удивительно!— восхитился Рэм.— Как все просто!

— Главное, не трусить,— ответил Годвин.— Сейчас я вас научу, как надо передвигаться. Постарайтесь без крика, без визга. Я, когда шел к вам, нарочно шумел, боялся— если неожиданно появлюсь, испугаетесь, свалитесь вниз. К высоте надо привыкнуть.

— Боже мой! Все как сон!— растерянно призналась юная госпожа Дэвис.— Я думала, здесь никого нет. Я думала, мы одни такие умные— сообразили залезть на дерево...

Старый мэр ободряюще улыбнулся.

— Вы не слишком ошиблись, госпожа Дэвис. Глупо теперь жить внизу: слишком беспокойно. Умные люди давно уже живут вверх, на деревьях. Ведь наша свободная цивилизация неуклонно идет вверх...

для СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Лев Давидович Лукьянов

Вперед к обезьяне!

ИБ № 4364

Ответственный редактор **Л. А. Бандёнок**

Художественный редактор **Л. Д. Бирюков**

Технический редактор **Т. Д. Юрханова**

Корректоры **Е. А. Сукиян** и **Г. Ю. Жильцова**

Сдано в набор 06.08.79. Подписано к печати 22.05.80. А09582. Формат 84×108¹/₃₂ Бум. типогр. № 1 Шрифт литерат. Печать высок. Усл печ. л 8,4. Уч.-изд. л. 8,18. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5318. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, Сущевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Лукьянов Л. Д.

Л84 Вперед к обезьяне!: Повесть-памфлет/ Рис.
В. И. Терещенко.— М.: Дет. лит., 1980.— 158 с., ил
(Библиотека приключений и научной фантастики)

В пер. 45 коп.

Повесть-памфлет о растлевающем влиянии капиталистического общества на
молодежь

Л $\frac{70803-292}{M101(03)80}$ 52р.—80

P2

